

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

ТОМ 14 • № 3 • 2022 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, заместитель директора Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ по исследованиям и разработкам, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартенев В.И. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, лектор, Университет Калифорнии, Ирвайн, США

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Серунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Moscow University Bulletin of World Politics

Vol 14 • No. 3 • SUMMER • 2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, Deputy Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes; Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Lecturer at the University of California, Irvine, United States

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Head of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404

Периодичность — четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономика международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионализации; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов,
факультет мировой политики, к. 601.
Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru
Подписано в печать 22.11.2022. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,5
Уч.-изд. л. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 12090. Заказ № .

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)
Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2022

MOSCOW UNIVERSITY BULLETIN OF WORLD POLITICS

ISSN 2076-7404

QUARTERLY

A peer-reviewed scholarly journal on international relations and world politics

Aims and Scope

Moscow University Bulletin of World Politics was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Moscow University Bulletin of World Politics pursues a two-folded aim. On the one hand it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

**МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ОБРАЗОВАНИЯ СССР:
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ**

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редакции	7
Р о м а н о в а Е.В. Советская Россия/СССР и трансформация системы международных отношений в первой половине 1920-х годов	11
В а т л и н А.Ю. 1922 — лучший год Коминтерна. Советская Россия, немецкие коммунисты и Генуэзская конференция	52
С е р г е е в Е.Ю. Советская и британская дипломатия на международных конференциях накануне образования СССР	88
М а г а д е е в И.Э. Советская Россия и баланс сил в Центрально-Восточной Европе в 1922 г.: взгляд французских дипломатов и военных	128
Р о м а н о в В.В. Национально-территориальная трансформация России в 1917–1922 гг. в оценках представителей либерального политико-академического истеблишмента США	163
Г а т а г о в а Л.С. Республики Южного Кавказа на пути к «социалистической федерации» (1917–1922)	195
М и х а й л о в а Ю.Л. Мирные переговоры между Россией и Латвией в 1920 г.: предпосылки, ключевые противоречия, итоги	227

**INTERNATIONAL POLITICAL ASPECTS
OF THE FORMATION OF THE USSR:
100 YEARS AFTER**

C O N T E N T S

Editorial Note	7
R o m a n o v a E.V. Soviet Russia/the USSR and Transformation of the International Relations System in the First Half of the 1920s	11
V a t l i n A.Yu. 1922 — the Best Year of the Comintern. Soviet Russia, German Communists and the Genoa Conference	52
S e r g e e v E.Yu. Soviet and British Diplomacy at International Confe- rences on the Eve of the Formation of the USSR	88
M a g a d e e v I.E. French Diplomats and the Military on Soviet Russia and the Balance of Power in Central-Eastern Europe in 1922	128
R o m a n o v V.V. The US Liberal Political and Academic Establishment on National-Territorial Transformation of Russia in 1917–1922	163
G a t a g o v a L.S. The Republics of the Southern Caucasus on Their Way to the ‘Socialist Federation’ (1917–1922)	195
M i k h a i l o v a Yu.L. Peace Negotiations between Russia and Latvia in 1920: Premises, Key Issues, and Outcomes	227

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается специальный тематический выпуск нашего журнала, приуроченный к 100-летней годовщине образования Советского Союза. Подлинное содержание и историческое значение данного события невозможно оценить, ограничиваясь только рассмотрением внутренних экономических, социальных и политических причин и предпосылок установления в России советской власти. Невозможно прежде всего потому, что его подлинное содержание и историческое значение не ограничивались одной Россией, а имели по-настоящему мировой охват. Как и любое эпохальное событие, образование СССР предстает одновременно как конец и как начало. Оно стало логическим следствием и итогом целой череды драматичных потрясений, ознаменовавших начало XX века, событий как объективного, так и субъективного характера. Но оно же открыло совершенно новую страницу в истории международных отношений. Для того чтобы приблизиться к пониманию этого противоречивого феномена, представляется целесообразным погрузить его в более широкий исторический и мирополитический контекст, посмотреть, как он был воспринят ведущими державами своего времени и новыми акторами, возникшими на пространстве бывшей Российской империи. Именно этой цели посвящены статьи, собранные в данном выпуске.

Представленный номер и сам может рассматриваться как своеобразный историографический феномен, поскольку содержит интересный срез мнений и взглядов, характерных для современной российской исторической науки, когда речь заходит об оценке причин, содержания и последствий процессов, запущенных Октябрьской социалистической революцией.

Открывает выпуск статья кандидата исторических наук Е.В. Романовой (МГУ имени М.В. Ломоносова), в которой как раз предпринимается попытка вписать образование Советского государства в широкий контекст экономических и политических трансформаций, порожденных Первой мировой войной. В тексте проанализированы как политико-идеологические аспекты отношений Советской России/СССР с западными странами, так и перипетии их взаимодействия по вопросам послевоенного восстановления. Показано, что динамика этого взаимодействия отличалась крайне сложным и противоречивым характером, поскольку была обусловлена взаимоисключающими императивами, разнонаправленными интересами различных стран

и политических группировок внутри них, отравлялась взаимными подозрениями и обвинениями. В результате хотя де-факто Советский Союз и стал важным элементом Версальско-Вашингтонского порядка, он так и не был окончательно в него интегрирован.

Подобный итог стал следствием не только взаимного недоверия (вполне обоснованного), которое испытывали друг к другу руководство западных стран и лидеры большевиков, но в том числе разногласий внутри самой большевистской партии относительно стратегии выстраивания отношений с капиталистическим окружением. Как показывает исследование доктора исторических наук А.Ю. Ваглина (МГУ имени М.В. Ломоносова), эти разногласия очень ярко проявились в тот момент в деятельности Коммунистического интернационала и, в частности, в отношениях между большевиками и Коммунистической партией Германии. Речь идет о противоречивом сочетании инерции настроений «бури и натиска» первых послереволюционных лет, которые воплощались в продолжавшихся попытках лидеров Коминтерна разжечь пожар мировой революции и в западных странах, и новых политических веяний, связанных со становлением политики мирного сосуществования. В статье подробно рассмотрены перипетии взаимодействия руководства Коминтерна с различными течениями внутри КПГ в 1922 г. для выработки общей позиции в контексте подготовки и проведения Генуэзской конференции. Особое внимание уделено политике единого рабочего фронта.

Участие советских представителей в ключевых международных конференциях, проходивших в 1922 г. и призванных содействовать стабилизации нового послевоенного порядка, подробно проанализировано в статье доктора исторических наук Е.Ю. Сергеева (Институт всеобщей истории РАН, РГГУ). Как отмечает автор, накануне и в ходе конференций в Генуе, Гааге и Лозанне развернулась своеобразная дипломатическая дуэль между представителями Советской России и Великобритании. Лидеры большевиков были заинтересованы в получении экономической помощи от стран Запада, необходимой для восстановления страны от разрухи, порожденной событиями Первой мировой и Гражданской войн, но при этом не собирались отказываться от продолжения курса на мировую революцию. Британские элиты в свою очередь рассчитывали обещаниями полного дипломатического признания советского режима добиться от него максимальных уступок по вопросам торговли и погашения внешней задолженности. И хотя в рамках этого противостояния ни одной стороне не удалось в полной мере реализовать все свои планы, оно

внесло важный вклад в процесс выстраивания диалога между государствами Запада и новой властью в России, открыв возможности для постепенного перехода от логики непримиримой конфронтации к попыткам конструктивного взаимодействия.

Во многом схожая динамика была присуща отношениям между Советской Россией и Францией. Как отмечает в своем исследовании кандидат исторических наук И.Э. Магадеев (МГИМО МИД России), процесс консолидации советской власти и активность советской дипломатии на важнейших международных форумах затрагивали интересы Франции в целом ряде областей, особенно в Центрально-Восточной Европе. Этим обусловлено пристальное внимание, которое уделяли экономическому, политическому и военному развитию Страны Советов французские элиты. Оценки французских дипломатов и военных экспертов различались: признание текущей слабости Советского государства соседствовало с прогнозами укрепления его экономического и военного потенциала в дальнейшем, которое не могло не отразиться на балансе сил в Европе. В этих условиях во французских элитах развернулась полемика относительно возможности «нормализации» большевистского режима и встраивания его в существующий порядок, которая в значительной мере предопределила общее направление и конкретное наполнение политики Франции в отношении СССР и в последующие годы.

Международно-политические процессы, развернувшиеся на пространстве бывшей Российской империи, привлекали повышенное внимание и американской дипломатии. Особое значение для США, как подчеркивает в своем исследовании доктор исторических наук В.В. Романов (ТГУ имени Г.Р. Державина), представляли вопросы национального самоопределения, поскольку администрация В. Вильсона выступила в тот момент с собственной амбициозной программой либерально-демократического переустройства послевоенного мира. При этом позиция американского истеблишмента относительно права тех или иных народов, ранее входивших в состав Российской империи, на самоопределение отличалась большим своеобразием и избирательностью. Особенно противоречивой оказалась политика США на российском направлении после прихода к власти большевиков: последовательное неприятие большевистских преобразований сочеталось в ней с нежеланием подстегивать сепаратизм национальных окраин, продиктованным боязнью неограниченной дезинтеграции России, превращения ее в зону непрекращающихся этнических конфликтов, что могло повредить интересам самих Соединенных Штатов.

Очагом такого рода конфликтов, как показывает исследование кандидата исторических наук Л.С. Гатаговой (Институт российской истории РАН), могли стать республики Южного Кавказа, провозгласившие свою независимость после распада Российской империи. Стремление к наиболее полной реализации принципа национального самоопределения обостряло застарелые межэтнические распри, при этом ситуация дополнительно усугублялась повышенным вниманием, которое проявляли к Закавказью многие региональные и глобальные игроки. В этом контексте в статье разбирается ряд стереотипов относительно участия закавказских республик в образовании СССР, как бытовавших в советской исторической науке, так и утвердившихся в современной национальной историографии новообразованных государств Южного Кавказа.

Не менее сложные и противоречивые процессы, связанные со стремлением народов, входивших ранее в Российскую империю, к созданию самостоятельных государств, развернулись и в Прибалтике. С точки зрения понимания логики и динамики выстраивания отношений между прибалтийскими республиками и Советской Россией большой интерес представляет изучение перипетий мирных переговоров между РСФСР и Латвией в 1920 г., которые были подробно рассмотрены в статье кандидата исторических наук Ю.Л. Михайловой (Институт всеобщей истории РАН). Завершение переговоров, хоть и не означало окончательного урегулирования всех спорных вопросов, способствовало установлению мира в регионе, а также открывало возможности для активизации торговых контактов, во многом определив характер и содержание отношений между Советским государством и прибалтийскими республиками в последующие годы.

Таким образом, представленные в данном выпуске статьи охватывают по-настоящему широкий комплекс вопросов, позволяя лучше понять особенности международного положения Советской России в начале 1920-х годов, а также восприятия большевистского проекта ведущими мировыми державами. В то же время предлагаемый номер дает возможность составить достаточно полное представление и о подходах современных отечественных исследователей к оцениванию рассматриваемых драматичных событий начала XX века. В этой связи хочется надеяться, что данный выпуск будет представлять интерес как для широкого круга читателей, так и для специалистов, историков и международныхников, дав импульс для научной дискуссии. Мы же со своей стороны всегда будем рады предоставить площадку для открытого и профессионального диалога на страницах нашего журнала.

Желаем приятного чтения!

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-11-51

Научная статья / Research paper

Е.В. Романова*

**СОВЕТСКАЯ РОССИЯ/СССР
И ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются образование Советского государства и его место в системе европейских отношений в первой половине 1920-х годов в контексте изменений в принципах межгосударственного взаимодействия, характере экономических взаимосвязей между странами, а также в условиях геополитических трансформаций, порожденных Первой мировой войной. В первом разделе проанализированы политико-идеологические аспекты отношений Советской России/СССР с западными странами. Автор заключает, что при большом значении идеологического конфликта в развитии сложившейся по итогам Первой мировой войны системы международных отношений сохранение противоречий между побежденными и победителями, а также в рядах победивших государств приводило к тому, что даже в условиях пребывания у власти большевиков мысль о рассмотрении Советской России как ситуативного партнера допускалась в политических и военных кругах западных стран. Важным фактором, обусловившим различие в восприятии западными государственными деятелями значимости идеологического конфликта с Советской Россией, а затем и с СССР, были разные оценки перспектив эволюции советского режима и степени приверженности советского руководства проведению внешней политики

* Романова Екатерина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, междисциплинарная научно-образовательная школа Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (e-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

на классовой основе. Второй раздел статьи посвящен оценке места Советского государства в планах реконструкции европейской экономики после Первой мировой войны. Если крупнейшие европейские страны, прежде всего Великобритания и Германия, были заинтересованы в вовлечении СССР в торгово-экономические взаимосвязи, открывавшем перспективу использования его ресурсов для восстановления собственных экономик, а в случае Великобритании — и довоенной системы международных обменов, а также в эволюции советского строя в направлении капитализма, то советское руководство рассматривало доступ к европейскому рынку в качестве необходимого условия индустриализации страны, которая была призвана стать залогом ее выживания во враждебном капиталистическом окружении. Выдвинув в ходе революции проект трансформации всей системы международных отношений, Советская Россия была не в силах его осуществить и превращалась в державу статус-кво. Вместе с тем восприятие, часто небезосновательное, враждебности со стороны западного мира, стремление сохранить свой уникальный социально-экономический строй удерживали Москву от попыток сколько-нибудь глубокой интеграции с существовавшей на тот момент Версальской системой. Руководство стран Запада при всех различиях своей политики на восточноевропейском направлении, разочаровавшись в перспективах эволюции советского режима, несмотря на юридическое признание СССР, демонстрировало отчужденность по отношению к нему. Невозможность предсказать путь дальнейшего развития СССР и в полной мере контролировать ситуацию в Восточной Европе, а также определенное разочарование в результатах экономического взаимодействия стали важными факторами, побудившими ведущую из европейских держав — Великобританию — встать на путь разработки системы европейской безопасности без СССР, что воплотилось в Локарнских соглашениях 1925 г.

Ключевые слова: образование СССР, внешняя политика СССР, Версальская система, мирное сосуществование, советско-английские отношения, советско-германские отношения.

Для цитирования: Романова Е.В. Советская Россия/СССР и трансформация системы международных отношений в первой половине 1920-х годов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 11–52. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-11-52.

Ekaterina V. Romanova

**SOVIET RUSSIA/THE USSR AND TRANSFORMATION
OF THE INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM
IN THE FIRST HALF OF THE 1920S**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The paper examines the formation of the Soviet state and its place within the European international relations system in the first half of the 1920s both in the context of new principles of interstate interaction, the character of economic relations between countries, and geopolitical transformations triggered by the First World War. The first section covers the political and ideological aspects of relations between Soviet Russia/the USSR and Western countries. The author shows that, despite the prominence of ideological conflict in the development of the IR system that emerged after the First World War, continuous tensions both between the defeated and the victors and among the latter urged the political and military elites of Western states to consider the Soviet Russia as a situational partner even under the Bolsheviks rule. The difference in the assessments of the ideological conflict with Soviet Russia, and then with the USSR by Western statesmen stemmed from the difference in their assessments of the prospects for the evolution of the Soviet regime, as well as of the commitment of the Soviet leaders to the idea of the world revolution. The second section of the paper focuses on the role that was assigned to the Soviet state in various plans for the European economy reconstruction after the First World War. While the largest European states, Great Britain and Germany in particular, were interested in involving the Soviet state in the system of trade and economic relations (to get access to its resources in order to restore their own economies, and to open up the prospect of transforming the Soviet system towards capitalism), the Soviet leaders considered access to the European market as a necessary condition for the industrialization which was seen as the key to survival of the first socialist state in a hostile capitalist environment. In this regard the author notes that although Soviet Russia advocated for the revolutionary transformation of the entire IR system, she was unable to enforce it and eventually turned into a status quo power. However, the awareness of hostility by the Western world and the desire to preserve its unique socio-economic order, kept Moscow from attempts to integrate deeply into the Versailles system. In turn, the Western leaders, for all the differences in their approaches towards the Eastern European region and despite de facto recognition of the USSR demonstrated the growing alienation towards the Soviet regime as they became disillusioned with the prospects for its possible transition. This inability to predict the future development of the USSR,

as well as to control the situation in Eastern Europe in general were among the factors that instigated the leading European power — Great Britain — to devise a scheme of the European security system without the USSR, which was embodied in the Locarno agreements of 1925.

Keywords: formation of the USSR, Soviet foreign policy, Versailles system, peaceful coexistence, Anglo-Soviet relations, Soviet-German relations

About the author: *Ekaterina V. Romanova* — PhD (History), Associate Professor at the Department of Modern and Contemporary History, Lomonosov Moscow State University, Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University 'Preservation of the World Cultural and Historical Heritage' (e-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com).

Acknowledgement: the research has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Basic Research and the National Science Foundation of Bulgaria, project No. 20-59-18007.

For citation: Romanova E.V. 2022. Soviet Russia/the USSR and transformation of the international relations system in the first half of the 1920s. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 11–52. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-11-52. (In Russ.)

Образование Советского Союза, рассматриваемое некоторыми историками как завершающий акт Великой русской революции [Всемирная история, 2017: 370–371], стало важной составляющей трансформации системы международных отношений в середине 1910-х — первой половине 1920-х годов. В последние десятилетия на фоне крушения биполярности и потрясений, связанных с выстраиванием нового миропорядка, проблема кардинальных сдвигов в международных системах привлекает всё большее внимание исследователей. Она поднята и в ряде работ, вышедших в связи со 100-летней годовщиной начала Первой мировой войны [Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации, 2014; Mulligan, 2014; Tooze, 2014], которая стала, по хрестоматийному выражению Дж. Кеннана, «исходной катастрофой» XX века [Kennan, 1979: 3]. Признавая несомненным факт трансформации международной системы, исследователи вместе с тем по-разному трактуют суть происходивших в ней кардинальных изменений и отводят разное место Русской революции и образованию первого в мире социалистического государства в этом процессе.

В советской историографии на протяжении долгого времени господствовала концепция «общего кризиса капитализма», в основе которой лежали мысли и высказывания В.И. Ленина о неизбежности империалистических войн в условиях перехода капитализма в монополистическую стадию и о мировой социалистической революции как средстве окончательного разрешения противоречий капиталистического общества [Ленин, 1969]. Ослабление капитализма и расширение мировой системы социализма рассматривались в качестве основного содержания переходной эпохи, начало которой было положено Октябрьской революцией [Драгилев, 1957]. Сложившаяся в результате Второй мировой войны биполярность стала выражением антагонизма капиталистического и социалистического миров на уровне системы международных отношений.

Значение Октябрьской революции для судеб XX столетия признавал британский историк-марксист Э. Хобсбаум, связывая верхнюю хронологическую рамку этой «эпохи крайностей» с распадом Советского Союза. Выдвинувшая альтернативу капитализму, Октябрьская революция, с точки зрения исследователя, в значительной степени повлияла на развитие западного общества, особенно в послевоенный период, побудила его к самореформированию, принятию на вооружение методик планирования экономики, делавшего ее более устойчивой [Hobsbawm, 1995: 7–8]. Не обошел вниманием британский историк и воздействие создания первого в мире социалистического государства на кризис колониальной системы и определение путей модернизации отсталых аграрных стран. А международная политика «короткого XX века» со времени Октябрьской революции, за исключением периода 1933–1945 гг., по мнению Э. Хобсбаума, «может лучше всего быть понята как вековая борьба сил старого порядка против социальной революции, которая, как считалось, воплощается в судьбах Советского Союза и международного коммунизма, связана с ними или зависима от них» [Hobsbawm, 1995: 56]. Вместе с тем Э. Хобсбаум отмечал, что уже к 1980-м годам подобный образ мировой политики как дуэли двух систем всё дальше отходил от реальности [Hobsbawm, 1995: 56].

Ряд современных исследователей выражают обоснованное сомнение и в том, что этот образ применим к межвоенному периоду. Так, в интерпретации М. Мазовера, в то время основной вызов либеральному капитализму исходил от фашизма, а не от мирового коммунизма [Mazower, 1999]. Британский историк А. Туз, автор

книги «Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931», в которой большое внимание уделяется 1920-м годам, видит в потрясениях Первой мировой войны истоки не биполярности, а рождения Pax Americana, прослеживая параллели между реалиями 1919 г. и «однополярным моментом» 1989 г. [Туз, 2019: 30].

Подобно работе А. Туза, в центре внимания книги ирландского исследователя У. Маллигана — становление новой системы международных отношений в результате Первой мировой войны. Двух авторов сближает и то, что они оба усматривают в истории послевоенного урегулирования истоки либерального проекта организации системы международных отношений. В то же время У. Маллиган в меньшей степени сосредоточивает внимание на положении и политике США, концентрируясь преимущественно на рассмотрении новых принципов организации международной системы, функционировавших в ней институтов и практик межгосударственного взаимодействия. В его трактовке суть начавшейся еще накануне Первой мировой войны трансформации состояла в переходе «от европейского порядка великих держав-империй к глобальному порядку, основанному на международных институтах, национальных государствах, многосторонних системах безопасности, соглашениях об ограничении и контроле над вооружениями, восстановленной экономической взаимозависимости и транснациональных объединениях» [Mulligan, 2014: 9].

Советский Союз присутствует на страницах обоих исследований, но не выступает в качестве силы, которая оказывала доминирующее влияние на состояние системы международных отношений в 1920-е годы. Этот вывод разделяют и современные российские исследователи. Как замечает Р.А. Сетов, «Россия долгое время не являлась ведущим политическим субъектом в динамике основных событий в международных отношениях» [Сетов, 2019: 22]. Такое заключение, однако, не снимает вопроса о том, каким образом создание первого в мире социалистического государства соотносилось с процессом трансформации системы международных отношений и какие новые характеристики придавало складывавшемуся в результате Первой мировой войны международному порядку.

В современной российской историографии вопрос взаимосвязи Первой мировой войны, Русской революции и становления нового международного порядка был поставлен в коллективной монографии под редакцией А.В. Ревякина «Война, революция, мир. Россия в

международных отношениях. 1915-1925». Он решался в значительной степени через рассмотрение формирования основ советской внешней политики и взаимодействия России, а впоследствии и СССР с отдельными странами Европы, Востока и Америки [Война, революция, мир., 2019]. Опубликованные недавно фундаментальные труды об англо-советских и франко-советских отношениях в конце 1910-х — начале 1920-х годов и монографии, посвященные различным аспектам внешней политики молодого Советского государства [Быстрова, 2016; Враг, противник, союзник? 2021; Сергеев, 2018; Хормач, 2020], также проливают свет на важные аспекты становления и консолидации Версальской системы и место Советского Союза в этом процессе.

На фоне этих исследований автор настоящей статьи ставит своей целью наметить проблемный путь к решению обозначенного вопроса, рассмотрев образование Советского государства и его место в системе международных отношений в контексте изменений в принципах межгосударственного взаимодействия и в характере экономических взаимосвязей между странами, а также в условиях геополитических трансформаций, порожденных Первой мировой войной. При этом, поскольку система оставалась в значительной степени европоцентричной, основное внимание будет уделено развитию событий в масштабах Европейского континента. В отличие от работ, освещающих процессы трансформации в более широкой временной перспективе, в данной статье автор фокусируется на периоде начала–середины 1920-х годов — времени выхода из войны и революции, в результате которых возникла новая реальность, еще не до конца осознанная государственными деятелями. В эти годы поиска путей приспособления к новым условиям в борьбе альтернатив закладывались те тенденции, которые в дальнейшем во многом определяли характер взаимодействия СССР и стран Запада.

Политико-идеологические аспекты взаимодействия Советского государства и стран Запада в первой половине 1920-х годов

Большинство историков сходятся на том, что одной из отличительных черт системы международных отношений, сложившейся по итогам Первой мировой войны, стало наличие в ней идеологического конфликта. Неслучайно XX век часто называют «веком идеологий». Подобная характеристика порой применяется и к XIX в. Однако если идеологии в XIX в. были прежде всего направлены

на преобразование европейских обществ, то в XX столетии более заметным становилось их обращение к проблеме трансформации также и комплекса отношений между странами, что порой превращало мировую политику в конкуренцию не только государств, но и делеемых ими проектов организации как внутреннего строя, так и международной системы.

Примечательно, что вопрос о сохранении или отмирании вестфальских принципов организации системы международных отношений, активно обсуждавшийся на рубеже XX–XXI вв., поднимался и значительно раньше — в годы Первой мировой войны и послевоенного урегулирования, а историки противопоставляли этим принципам политику ряда стран в период становления Версальского порядка. Так, немецкий юрист Карл Шмитт в 1920-е годы обвинял США и в какой-то степени Великобританию в стремлении к доминированию посредством насаждения выгодных им принципов международного права и создания институтов, которые подрывали вестфальский суверенитет [Schmitt, 1940a, 1940b]. С точки зрения уже упомянутого современного исследователя А. Туза, коалиция победителей вынашивала идею организации мира вокруг единственного силового блока и «общего набора либеральных “западных” ценностей». Он называет архитекторов нового порядка революционерами, которые пытались разрушить возведенную Вестфальским миром стену, разделявшую внутреннюю и внешнюю политику [Туз, 2019: 28–30]. В то же время известный американский историк и дипломат Дж. Кеннан политику большевиков считал насмешкой над всей западной теорией международных отношений, развивавшейся в XVII–XIX вв. Отрицание легитимности буржуазных правительств, стремление к их подрыву противоречили идеям суверенитета и невмешательства во внутренние дела [Kennan, 1961: 188]. В определенной степени справедлива и та, и другая точка зрения [Maueg, 1963: 372, 393]. Именно универсализм выдвинутых В. Вильсоном и В.И. Лениным на завершающей стадии Первой мировой войны проектов позволяет усматривать в событиях 1917–1918 гг. истоки холодной войны, представлявшей собой конкуренцию двух социально-экономических и политических систем.

Революционность идей В. Вильсона и, очевидно, еще большая степень революционности взглядов большевиков на международные отношения в значительной степени могут быть объяснены тем, что США только вступали на арену большой мировой политики и

не имели прочных связей с существовавшей системой, а Советская Россия изначально позиционировала себя как антисистемная сила [Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации, 2014: 448–449]. В то же время некоторый подрыв вестфальских принципов и запрос на универсализм были подготовлены самой войной в Европе, принявшей характер войны на уничтожение противника, близкой к тотальной, стиравшей грань между внутригосударственной и международной сферами и не предполагавшей уважение к принципу суверенитета. Как справедливо замечает У. Маллиган, идеи и В. Вильсона, и В.И. Ленина были в большой степени реакцией на общественные настроения в Европе и имели значительный резонанс именно в силу того, что легли на подготовленную почву [Mulligan, 2014: 375]. Вместе с тем очевидно, что ни один из универсалистских проектов, рожденных на исходе Первой мировой войны, не был воплощен в жизнь. Выдвижение новых принципов политики не означало отсутствия преемственности со старой системой. На вопрос о том, как идеология влияла на характер межгосударственных отношений, в первую очередь отношений Советской России с западными державами, по-разному отвечали как современники, так и историки.

На значение идеологии обращают внимание ряд исследователей. Американские историки Д. Дэвис и Ю. Трани назвали период с августа 1920 г. по ноябрь 1933 г. «первой холодной войной», которую Соединенные Штаты вели против Советской России [Davis, Trany, 2002: 175]. С их точки зрения, политика непризнания и «карантина», получившая обоснование в ноте от 10 августа 1920 г., составленной госсекретарем Б. Колби в ответ на запрос итальянского посла о позиции США в связи со сложившейся в советско-польских отношениях ситуацией, стала предтечей политики сдерживания, принятой Соединенными Штатами Америки после Второй мировой войны [Davis, Trany, 2002: 203]. По мнению канадского историка М. Карли, «великая идеологическая борьба» между Западом и Советской Россией началась уже в 1917 г., на следующий день после захвата большевиками власти в Петрограде, а истоки сдерживания прослеживаются во французской политике «санитарного кордона» [Carley, 2000; Carley, 2014: 18–20].

Во многих высказываниях западных государственных деятелей и дипломатов можно найти подтверждение идейного неприятия установившегося в России большевистского режима. Одно из наиболее ярких принадлежит британскому поверенному в делах в

России Ф.О. Линдли, писавшему осенью 1918 г. министру иностранных дел А. Бальфуру о невозможности сосуществования в рамках одной системы «правительства, одушевленного большевистскими идеями, и правительств, организованных на национальной основе». «Рано или поздно мы должны будем свергнуть большевистский режим или подчиниться ему сами», — делал вывод британский дипломат¹. Британский историк, активно сотрудничавший с Форин офис, А. Тойнби в обзоре международных событий за 1924 г. утверждал, что «коммунизм <...> вверг Россию в состояние войны с господствующей цивилизацией нашего времени» (*the predominant civilization of the age*)².

Вместе с тем в обоснование принятого в отношении большевистского правительства курса западные политики часто ссылались на вестфальские принципы. Так, британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж объяснял изначальное непризнание советского правительства тем, что оно не контролировало всю территорию государства, а не теми принципами, которые оно исповедовало в вопросах государственного устройства [Война, революция, мир, 2019: 116–117]. В то же время четко разграничить сферы внутренней и внешней политики не представлялось возможным. Как сказал французский министр иностранных дел в ноябре 1918 г., «вопрос большевизма перестал быть только русским делом, это международная проблема» [цит. по: Carley, 2000: 1276]. В упомянутой выше американской ноте Б. Колби задолго до Дж. Кеннана, по сути, обвинял советское правительство в несоблюдении вестфальских принципов, хотя и не употреблял этого термина. Он связывал невозможность для администрации Соединенных Штатов признать Советскую Россию не с установленной в ней политической и общественной системой, а с отрицанием пришедшими к власти большевиками принципов международного права, с их отказом от соблюдения договорных обязательств, нацеленностью на ведение революционной пропаганды и поощрение движений, призванных в конечном счете уничтожить правительства других держав, и, наконец, с деятельностью Третьего интернационала³. К сходным аргументам апеллировали противники

¹ Lindley to Balfour, 6 Dec 1918 // The National Archives (TNA). FO 800/205. f. 435.

² Toynbee A.J. Survey of international affairs 1924. 2nd Imp. London: Oxford University Press, Humphrey Milford, 1928. P. 169.

³ Text of Secretary Colby's Note on Russia and Poland // The New York Times. 11.08.1920. P. 1–2.

установления торговых или дипломатических отношений с Советской Россией в европейских державах.

Нельзя отрицать определенную преемственность в восприятии странами Запада Советской России в период после Октябрьской революции и СССР в годы холодной войны. Однако ситуацию 1920-х годов от реалий эпохи биполярности отличало распределение мощи в системе. Несмотря на существование идеологического конфликта, система в межвоенный период оставалась многополярной, идеальная модель которой предполагает рассмотрение каждым государством другого и как потенциального противника, и как потенциального партнера [Deutsch, Singer, 1964]. Реальность не всегда укладывается в политологические схемы, но представляется, что этот принцип функционирования многополярности, выведенный специалистами по теории международных отношений, до некоторой степени сохранял свое действие в 1920-е годы.

Октябрьская революция и последующая консолидация Советского государства не могли в полной мере затмить ни конфликт между побежденными и победителями в Первой мировой войне, ни противоречия в рядах победивших государств. Даже в условиях пребывания у власти большевиков мысль о рассмотрении Советской России как ситуативного партнера допускалась в политических и военных кругах западных стран. Так, в период Рурского кризиса директор управления политических дел МИД Франции Э. Перетти де ла Рокка настаивал на том, чтобы «вернуться к политике Антанты с Россией как можно скорее» [цит. по: Carley, 2000: 1278].

В то же время экономическая и военная слабость СССР вкупе с восприятием угрозы идеологии пролетарского интернационализма ограничивала возможности партнерства. Так, по мнению президента Франции А. Мильерана, высказанному им в апреле 1923 г., с утвердившейся в России анархией нельзя было иметь никаких дел [Магадеев, 2021: 345]. Показательно и то, как за несколько лет до Рурского кризиса, летом 1920 г., в условиях наступления Красной армии в ходе советско-польской войны командующий сухопутными войсками рейхсвера генерал-лейтенант Г. фон Сект реагировал на высказываемые в Германии мысли о возможности сотрудничества с Россией против Антанты. Он полагал, что, с одной стороны, очевидно преувеличенными, в глазах приверженцев такой политики, являлись представления о масштабах военной поддержки, которую Россия могла оказать Веймарской республике, а с другой — непри-

емлемой была бы цена такой помощи — утверждение большевизма в Германии. Не отрицая возможности экономического сотрудничества с Советской Россией, Г. фон Сект считал необходимым иметь с ней дело как «с закрытым государством» и «самым решительным образом отвергнуть международный большевизм»⁴. В другом месте он писал о необходимости рассматривать Россию с двух сторон: как «политическую Россию, которая служила германской выгоде, и как Советскую Россию, которую следовало воспринимать как представляющую опасность» [цит. по: Smith, 1956: 125].

Справедливости ради, необходимо отметить, что в то время среди офицеров Веймарской республики раздавались голоса и тех, кто готов был выступить в поддержку Польши в случае, если бы страны Антанты пообещали Германии возврат к границам 1914 г. (за возможным исключением Эльзаса-Лотарингии и части Шлезвига), поставки продовольствия и сырья, доступ к кредитам, свободу в организации армии⁵. Однако, как следует из этого примера, в данном случае сторонники подобного решения руководствовались политическим расчетом и прагматизмом не в меньшей мере, чем идейным неприятием большевизма.

Одним из факторов, обусловивших различие в восприятии западными государственными деятелями значимости идеологического конфликта с Советской Россией, а затем и с СССР, в первой половине 1920-х годов были разные оценки перспектив эволюции советского режима и степени приверженности советского руководства проведению внешней политики на классовой основе. Так, хорошо известно, что Д. Ллойд Джордж в 1921–1922 гг. возлагал надежды на трансформацию большевистского режима и втягивание, говоря словами характеризовавшего его политику Г.В. Чичерина, Советской России «в семью буржуазных народов»⁶, тогда как многие

⁴ Befehl des Chefs der Heeresleitung Generalleutnant v. Seeckt an die Kommandeure und die Generalstaboffiziere des Reichsheeres über die Gefahren einer Verbindung mit dem Kommunismus und der Sowjetunion, 31. Juli 1920 // Die Anfänge der Ära Seeckt. Militär und Innenpolitik 1920–1922 / bearb. von H. Hürten. Düsseldorf: Droste, 1979. S. 213.

⁵ Aufzeichnung des Majors Frhr. v. Fritsch über die innere und äussere Lage des Deutschen Reiches. 28. März 1920 // Die Anfänge der Ära Seeckt. S. 103.

⁶ Чичерин — Ленину, 13 февраля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Генуэзская конференция 1922 г. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Переписка Чичерина с Лениным по вопросам подготовки к Генуэзской конференции. 07.01.1922 — 17.03.1922. Л. 15. Доступ: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaya-konferentsiya-1922/opis-1/> (дата обращения: 28.08.2022).

из оппонентов британского премьер-министра считали такие прогнозы нереалистичными⁷.

Советская внешняя политика в этот период находилась в стадии становления, при столкновении теории с международной реальностью путем проб и ошибок вырабатывался внешнеполитический курс нового государства. Изначально ему была присуща определенная двойственность: идея мировой революции сосуществовала с мыслью о необходимости обеспечить, «хотя бы на ограниченное время, мирные условия дальнейшего существования возникшего строя» [Нежинский, 2004: 21]. Публикация тайных договоров, заключенных в годы Первой мировой войны, национализация иностранной собственности, отказ от выполнения долговых обязательств демонстрировали нацеленность на разрыв с капиталистическим миром. Сама возможность преодоления войн связывалась большевиками с осуществлением мировой революции. В то же время советское правительство не отказывалось от переговоров с западными странами, пыталось лавировать между враждовавшими группировками на завершающей стадии войны, а В.И. Ленин делал осторожные заявления о перспективах мировой революции.

Тенденция к мирному сосуществованию с капиталистическими странами более явно обозначилась в 1921 г., в условиях поражения в советско-польской войне, спада революционного движения на Западе и кризиса внутри страны, с которым столкнулось советское правительство. Идея мировой революции не исчезала из внешнеполитической концепции, однако ее реализация откладывалась на неопределенную перспективу. Приоритетом становились сохранение и укрепление Советского государства как залога будущей всеобщей революции, а это требовало нормализации отношений с европейскими странами. С точки зрения профессора Калифорнийского университета Дж. Джейкобсона, политика большевиков в 1920-е годы была направлена на «институционализацию» Октябрьской революции в Европе и одновременно ее «интернационализацию» в Азии [Jacobson, 1994: 6]. Действительно, если посредством заключенных в первой половине 1920-х годов с европейскими странами соглашений Советская Россия хотя бы частично встраивалась в

⁷ См., например, информацию о выступлении У. Черчилля в дискуссионном клубе Оксфордского университета: *The Times*. 19.11.1920; Curzon to Churchill, 30 Dec. 1921 // TNA. FO 800/157. Ff. 89–90.

существовавший порядок, то ее договоры со странами Азии шли вразрез с системой европейского доминирования на Востоке.

Возвращаясь к приведенной выше характеристике трансформации в сфере международных отношений У. Маллигана, можно сказать, что советская политика на Востоке находилась в русле тенденции отхода от европоцентричного имперского порядка. Как апелляция к «принципу национальностей» в общественном дискурсе и политике стран Антанты в годы Первой мировой войны была направлена на подрыв противостоявших европейских империй, так указанием на равноправие народов Азии и признанием их права на независимость Советская Россия, а затем и СССР подрывали имперский принцип организации периферии системы.

Так, в советско-персидском договоре 1921 г. декларировались признание суверенитета Персии, отказ от вмешательства в ее внутренние дела, клеймилась «политика правительств царской России, которые без согласия народов Азии и под видом обеспечения независимости этих народов заключали с другими государствами Европы относительно Востока договоры, имевшие конечную целью его постепенный захват». Для советского правительства были неприемлемы инструменты «колониальной политики капитализма», служившие закабалению народов Азии⁸. Как «вполне самостоятельную, чрезвычайно важную и, может быть, даже важнейшую область <...> международной деятельности» советского правительства характеризовал его восточную политику Г.В. Чичерин [цит. по: Нежинский, 2004: 90].

Большое значение склонны были ей придавать и многие западные, прежде всего британские, наблюдатели. Например, офицер разведки, находившийся на службе в Министерстве по делам Индии, майор Н.Н.Э. Брэй усматривал в статье советско-турецкого договора, «признающей независимость всех восточных народов», очевидную направленность против британских интересов в Индии⁹. По всей

⁸ Договор между Российской Советской Социалистической Республикой и Персией // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР М.: б.и., 1944. С. 970–975.

⁹ Interdepartmental Committee on Bolshevik anti-British activity, Minutes, 1 July 1921 // British Documents on Foreign Affairs. Reports and papers from the Foreign Office Confidential Print / Ed. by Kenneth Bourne, D. Cameron Watt. Part II. From the First to the Second World War. Series A. The Soviet Union 1917–1939 / Ed. by D. Lieven. Vol. 5. Soviet Russia and her neighbours, Mar.–Oct. 1921. Frederick, Md.: University Publications of America, Inc., 1984. No. 170. P. 180.

вероятности, речь шла о четвертой статье документа, гласившей, что «обе договаривающиеся стороны, констатируя соприкосновение между национальным и освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся России за новый социальный строй, торжественно признают за этими народами право на свободу и независимость, а равным образом их право на избрание формы правления, согласной их желаниям»¹⁰. Годом ранее в записке о ситуации на Ближнем Востоке Н.Н.Э. Брэй характеризовал политику большевиков как поддержку египетских и индийских революционеров, арабов и турецких националистов¹¹.

Упомянутый ранее Ф. Линдли, возглавивший в 1920 г. британскую миссию в Вене, указывал в письме Дж. Кёрзону на «большое значение, которое Москва придавала подрыву британских позиций на Востоке»¹². В подтверждение своего взгляда на политику советского правительства он прилагал к письму меморандум хорошо знавшего как Россию, так и Восток О.Р. фон Нидермайера, утверждавшего, что после провала надежд на революцию в Германии большевистское руководство сосредоточилось на задаче «слома непоколебимой мощи британского империализма». Особое внимание информант британского дипломата уделял поддержке Советской Россией революционных событий в Бухаре в стремлении «водрюзить красное знамя на границах Афганистана». Он призывал опасаться попыток коммунистического проникновения в Китай и Корею. Показательна, с точки зрения восприятия политики Советской России в западных кругах, заключительная фраза меморандума О.Р. фон Нидермайера: «...когда коммунизм преуспее в вооружении России и ее экономическом возрождении, тогда Красная Россия в ее способности к экспансии и агрессивности станет более ужасной, чем Россия царя»¹³. Таким образом, в некоторых западных кругах большевиков воспринимали и как разорвавших с прежними традициями носителей новой, неприемлемой для капиталистических стран идеологии, и как

¹⁰ Договор между Россией и Турцией // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. С. 976–979.

¹¹ 'Situation in Middle East', Note by Major Bray, political intelligence officer, attached to India Office, 18 Nov. 1920 // Qatar Digital Library. Available at: https://www.qdl.qa/archive/81055/vdc_100000000833.0x000360 (accessed: 30.06.2022).

¹² Lindley to Curzon, 10 May 1921 // British Documents on Foreign Affairs. Vol. 5. No. 103. P. 105.

¹³ Memorandum by Dr Niedermayer, n.d. // Ibid. No. 104. P. 105–107.

в некоторой степени наследников политики прежней России, в первую очередь в ее противостоянии с Великобританией на Востоке.

Примером такого восприятия служит упомянутый обзор международных событий за 1924 г., составленный А. Тойнби, который видел в советской риторике в отношении стран Востока во многом новый инструмент для проведения традиционной политики Российской империи. При этом историк замечал, что Советская Россия получала пропагандистское преимущество и симпатии местного населения, которые в довоенную эпоху соперничества с царской Россией были на стороне ее противников, успешно представлявших ее в роли агрессора¹⁴. Трактую подобным образом политику большевиков на Востоке, А. Тойнби в то же время был далек от утверждения, что «миссионерская религия», как он характеризовал коммунизм, поставлена на службу государственным интересам. Он считал, что в конфликте Г.В. Чичерина и Г.Е. Зиновьева, первый из которых представлял на страницах обзора воплощением традиционной дипломатии, а второй — идеей Третьего интернационала, исход был отнюдь не predetermined¹⁵. Вместе с тем оценка А. Тойнби показывает некоторую условность тезиса о стремлении большевиков к «интернационализации» революции в Азии. Даже сам факт заключенных со странами Востока в начале 1920-х годов договоров, содержащих во многом революционные (поскольку они подрывали традиционную систему европейского господства) положения, свидетельствовал скорее о готовности советского правительства к выстраиванию отношений на межгосударственной основе. Антиимпериалистическая риторика была не только отражением советской идеологии; она соответствовала стремлению советского правительства в условиях еще сохранявшихся очагов Гражданской войны и иностранной интервенции обеспечить стабильность южных рубежей государства¹⁶.

¹⁴ Toynbee A.J. Op. cit. P. 182.

¹⁵ Ibid. P. 183.

¹⁶ О многообразии факторов, влиявших на советскую политику на Востоке, свидетельствует, например, следующая выдержка из письма заместителя наркома по иностранным делам М.М. Литвинова в Политбюро, содержащая предложения по тактике советской делегации на предстоявшей Генуэзской конференции: «В Европейских вопросах ориентируемся на Англию, идя за соответствующую компенсацию на соглашение с ней даже по восточным вопросам. Нынешние правители восточных стран не являются выразителями национально-освободительных движений, готовы продать себя, интересы своих стран, а нас и подавно» См.: АВП РФ. Ф. 418. Генуэзская конференция 1922 г. Оп. 1. Д. 2. П. 1. Переписка с Политбюро ЦК ВКП (б).

Формировавшееся в западной политической мысли представление о большевиках как о силе, способной возродить великодержавные позиции России, появилось в начале 1920-х годов и в некоторых кругах русских эмигрантов. В отличие от упомянутого О.Р. фон Нидермайера, они смотрели на эту перспективу с оптимизмом. Так, в опубликованном в 1921 г. в Праге сборнике «Смена вех» Н.В. Устрялов писал: «Россия должна остаться великой державой, великим государством <...>. И так как власть революции — и теперь только она одна — способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России, — наш долг, во имя русской культуры признать ее политический авторитет...»¹⁷. По его словам, «причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула Советскую власть с ее идеологией интернационала на роль национального фактора современной русской жизни»¹⁸.

С крахом надежд советского руководства на мировую революцию в сколько-нибудь обозримой перспективе курс на консолидацию, укрепление и защиту интересов государства становился более выраженным. В качестве своеобразной иллюстрации нового направления политики можно привести реакцию членов делегации Исполнительного комитета Коминтерна на Берлинской встрече представителей трех интернационалов в апреле 1921 г. на осуждение европейскими социал-демократами действий РСФСР по советизации Грузии: «Если Отто Бауэр, как и Рамзей Макдональд, принципиально выступал против “завоевания” Грузии Советской Россией, то это показывало, что Венское Рабочее Сообщество не в состоянии рассматривать вопросы мировой политики с точки зрения интересов пролетарской революции. Для него любая армия является милитаризмом, служит ли она интересам капитала или мировой революции. Подобно тому, как штык всегда является штыком, каждое нападение для него является нападением, которое должно быть морально осуждено, даже если оно служит защите пролетарского государства от империализма. <...> Для него не существует материальных потребностей революции. Разве представителей категорического императива занимает

21.12.1921 — 21.09.1922. Л. 18. Доступ: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaya-konferentsiya-1922/opis-1/> (дата обращения: 28.08.2022).

¹⁷ Устрялов Н.В. *Patriotica* // Смена вех: Сборник статей. Смоленск: Завероуправление полиграфической промышленности, 1922. С. 49.

¹⁸ Там же. С. 51.

вопрос о защите нефтяных источников русской революции?¹⁹ То, что защита нефтяных источников с точки зрения мировой революции может быть категорическим императивом, Отто Бауэру кажется извращением социализма»²⁰. Таким образом, фактически интересы мировой революции приравнивались к интересам государства, оставшегося ее оплотом. Так, Н.В. Устрялов прогнозировал, что «советская власть будет стремиться всеми средствами к воссоединению окраин с центром — во имя идеи мировой революции». При этом он отождествлял такую политику с той, которую проводили бы «русские патриоты <...> во имя великой и единой России»²¹. Однако подобное сравнение справедливо лишь отчасти.

Действительно, если после прихода к власти большевики в целях ее сохранения пошли на предоставление национальным окраинам права на самоопределение, таким образом, сняв потенциальные конфликты на национальной почве с повестки дня и сосредоточившись на достижении победы в социально-политическом противостоянии со своими врагами, а вопрос о границах нового государства, как справедливо отмечает Е.О. Обичкина, «решался в прямой зависимости от возможностей установления и удержания советской власти в национальных окраинах, переживавших иностранную интервенцию и Гражданскую войну...» [Война, революция, мир., 2019: 155], то неудача иностранной интервенции и успехи в Гражданской войне, равно как и приходившее понимание перспективы довольно дли-

¹⁹ Грузия рассматривалась руководителями Кавбюро ЦК РКП(б) Г.К. Орджоникидзе и С.М. Кировым, позицию которых о необходимости силовых действий по советизации Грузии в конечном счете, хотя и не без сомнений и колебаний, поддержал Кремль, как потенциальный «очаг контрреволюции на Кавказе», а установление там советской власти — как залог сохранения Северного Кавказа и влияния в Азербайджане [Муханов, 2019: 151–157]. Апелляция к необходимости защиты нефтяных источников Русской революции связана с тем, что советизацию Грузии ряд большевистских лидеров, прежде всего Г.К. Орджоникидзе, рассматривали как необходимое условие для сохранения контроля над нефтяными месторождениями Баку. Так, 6 февраля 1921 г. в стремлении побудить центр одобрить наступление частей Красной армии в Грузии Г.К. Орджоникидзе телеграфировал в Москву: «Считаю абсолютно необходимым еще раз подчеркнуть надвигающуюся на Бакинский район смертельную опасность, предупредить которую можно лишь немедленным сосредоточением достаточных сил для советизации Грузии» [цит. по: Муханов, 2019: 157–158].

²⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 86. Л. 65. Доступ: <http://sovdoc.rusarchives.ru/sections/organizations//cards/153184/images> (дата обращения: 30.06.2022). См. также: [Ватлин, 2009: 99].

²¹ Устрялов Н.В. Указ. соч. С. 51.

тельного существования Советской России во враждебном окружении капиталистических стран, поставили вопрос о консолидации государства и четком определении его географических границ.

К окончанию Гражданской войны на территории бывшей Российской империи существовал ряд независимых советских республик, связанных с РСФСР союзными договорами и соглашениями о сотрудничестве²². В 1921 г. очевидным стал взятый руководством РСФСР курс на их объединение. Как отмечалось в «Резолюции X съезда РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе» от 15 марта 1921 г., «ни одна советская республика, взятая в отдельности, не может считать себя обеспеченной от экономического истощения и военного разгрома со стороны мирового империализма» [цит. по: Гросул, 2012: 59]. Вместе с тем принципы строительства единого государства разительно отличались от тех, на которых создавались традиционные империи. В стремлении к объединению лидеры большевиков не могли не считаться с национальными чувствами, разбуженными революцией и Гражданской войной [Motyl, 1990: 85], устремлением руководства республик к сохранению определенной степени самостоятельности в своих действиях и, наконец, не могли отказаться от провозглашенного ими самими принципа национального самоопределения [Нежинский, 1994]. В итоге объединенное государство приняло форму федерации, союза равноправных советских республик, единство которых обеспечивалось как господствовавшим в них советским строем, так и единой партией. Таким образом, принципы, положенные в основу создания Советского Союза, намечали «альтернативный проект мироустройства», а советское государство являло собой прообраз будущей «Всемирной республики советов» [Война, революция, мир..., 2019; 186–192, 489].

В то же время образование СССР прежде всего было призвано решить проблемы текущей политики, вызванные ситуацией как на территории советских республик, так и на международной арене. Важный импульс процессу разработки планов объединения дала подготовка к Генуэзской конференции. Советские государственные деятели говорили о необходимости создания единого дипломатического фронта, были нацелены на то, чтобы предотвратить возможности использования странами Запада уже во многом

²² Образование СССР. Сборник документов. 1917–1924 / Под ред. Э.Б. Генкиной. М.; Л.: Издательский дом АН СССР, 1949. С. 241–258.

формальной независимости советских республик для того, чтобы посеять между ними противоречия. Г.В. Чичерин писал, что «на конференции следует поставить державы перед свершившимся фактом. Если мы на конференции заключим договоры как девять параллельных государств, это положение дел будет юридически надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом» [цит. по: Нежинский, 1994: 97]²³. В соответствии с этим намерением в преддверии Генуэзской конференции 22 февраля 1922 г. был подписан протокол между РСФСР и Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Бухарой, Грузией, Дальневосточной Республикой, Украиной и Хорезмом о передаче РСФСР представительства этих республик на Генуэзской конференции²⁴. Нарком иностранных дел справедливо расценивал международную ситуацию как благоприятную для того, чтобы вести объединительную политику. Показательно, что британская газета «The Times» отреагировала на подписание прокола лишь краткой заметкой сугубо информативного характера²⁵. Столь же лаконичной была информация о создании СССР²⁶.

События предшествовавших двух лет показали, что даже наиболее сильная из европейских держав, Великобритания, была готова смириться с установлением советской власти на значительной территории бывшей Российской империи. Показательна в этом отношении телеграмма Дж. Кёрзона британскому представителю в Тифлисе полковнику К. Стоксу, отправленная 15 декабря 1920 г.: «Правительство Его Величества небезразлично к судьбе Грузии и решительно поддерживает ее независимость, но бремя других обязательств таково, что оно не может сказать, какую практическую форму примет его участие [к судьбе Грузии]. Мы поэтому можем лишь выразить нашу искреннюю солидарность»²⁷. Настойчивые

²³ О необходимости создания единого фронта советских республик см. также: Сталин — членам Политбюро, 13 января 1922 // АВП РФ Ф. 418. Генуэзская конференция 1922 г. Оп.1. Д. 2. П. 1. Переписка с Политбюро ЦК ВКП (б). 21.12.1921 — 21.09.1922. Л. 27. Доступ: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaya-konferentsiya-1922/opis-1/> (дата обращения: 28.08.2022).

²⁴ Образование СССР. Сборник документов. С. 259.

²⁵ The Times. 01.03.1922.

²⁶ The Times. 01.01.1923.

²⁷ Curzon to Stokes, 15 December 1920 // Documents on British Foreign Policy 1919–1939 / Ed. by R. Butler, J.P.T. Bury, assisted by M.E. Lambert. Series 1. Vol. 12. London: His Majesty Stationary Office, 1962. No. 642. P. 659.

усилия Дж. Кёрзона побудить свое правительство отстаивать Закавказье от натиска большевиков столкнулись с противостоянием как Военного министерства, так и Министерства по делам Индии [Ullman, 1972: 331–339]. В марте 1921 г. британская миссия была эвакуирована из Грузии²⁸.

Задумываясь о территориальных границах Российского государства после Октябрьской революции, британские государственные деятели по-разному оценивали перспективы сохранения в ее составе западных земель. Если в отношении признания независимости Польши и Финляндии в правящих кругах царил консенсус, то судьба других западных окраин вызывала жаркие споры [Война, революция, мир., 2019: 212–214]. Так, хорошо известно, что в период советско-польской войны, решительно заявив о своей готовности «защищать целостность и независимость Польши в ее законных этнографических границах»²⁹, Лондон, как и Париж, чрезвычайно сдержанно отнесся к стремлению Варшавы, реализованному в итоге в Рижском мире, провести границу значительно дальше на Восток, чем это предполагалось по «линии Кёрзона»³⁰.

Подобная позиция была обусловлена не особыми симпатиями к Советской России, а ее восприятием как потенциально великой державы, ущемление интересов которой могло служить источником нестабильности в будущем. Показательно и то, что признание западными странами независимости прибалтийских республик — Латвии и Эстонии — последовало за соответствующим шагом со стороны России. Это частично снимало опасения западных государств, что республики будут поглощены восточным соседом. В случае их международного признания и вступления в Лигу Наций это поставило бы перед ее членами неудобную проблему защиты их суверенитета³¹.

Признание Великобританией, хотя бы и на уровне риторики, государственных интересов Советской России можно увидеть в

²⁸ Documents on British Foreign Policy. Series 1. Vol. 12. No. 660–662. P. 671–678.

²⁹ House of Commons Debate 14 July 1920, Statement by Bonar Law. Vol. 131. Col 2373–2374. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jul/14/proposal-for-armistice> (accessed: 30.06.2022).

³⁰ См., например: Documents on British Foreign Policy. Series 1. Vol. 11. No. 552. P. 580–581; No. 592. P. 618–619.

³¹ Memorandum by Mr. Gregory on the attitude of His Majesty's Government towards 'de jure' recognition for Estonia, Latvia and Lithuania. 2 Nov. 1920 // Documents on British Foreign Policy. Series 1. Vol. 11. No. 630. P. 653; Toynbee A.J. Survey of international affairs 1920–1923. 2nd Imp. London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1927. P. 241.

тексте англо-советского торгового соглашения от 16 марта 1921 г. Правда, будучи продуктом деятельности секретариата Д. Ллойд Джорджа, он вызвал определенное недовольство среди сотрудников Министерства иностранных дел. В преамбуле документа в ответ на обещание Москвы воздерживаться от враждебной деятельности против Великобритании или ее империи в Азии содержалось соответствующее обязательство Лондона, распространявшееся на территорию бывшей Российской империи³².

Таким образом, по словам американского историка Л. Гарднера, Советская Россия де-факто воспринималась как преемник Российской империи, что давало ее правительству право претендовать на законное место в кругу других держав [Gardner, 1987: 330]. Вместе с тем в тексте соглашения прослеживалась та же мысль, которую в июле 1920 г. высказывал германский генерал Г. фон Сект, — о возможности взаимодействовать с РСФСР на условиях ее отказа от интернационализации советского опыта.

Советская Россия в планах экономической реконструкции Европы

Важной сферой, в которой обе стороны ощущали необходимость взаимодействия, являлась торговля. Как справедливо отметил И.Э. Магадеев, «в 1920–1924 гг. торгово-экономические отношения Советского государства со странами Запада были составной частью более широкого вопроса о восстановлении европейской экономики, пострадавшей от Первой мировой войны, а также связанных с ней социальных и политических потрясений» [Война, революция, мир., 2019: 389]. В то же время видение путей этого восстановления, оценки степени взаимозависимости между решением собственных экономических проблем и возрождением хозяйственных связей на Европейском континенте, а также потенциала развития торговых отношений с Россией для стран Запада и со странами Запада для России отличались неопределенностью и изменчивостью.

Довоенный период характеризовался бурным развитием экономических взаимосвязей в мировом масштабе, что позволяет исследователям говорить о первой глобализации применительно к концу XIX — началу XX в. Вместе с тем предвоенные десятилетия

³² Оpubл. в: Ullman R.H. Anglo-Soviet relations, 1917–1921. Vol. 3. The Anglo-Soviet accord. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972. P. 474–478.

стали временем острейшего экономического противоборства между наиболее мощными европейскими державами, которое послужило одной из важных причин Первой мировой войны. На ее завершающей стадии ослабленная Россия стала рассматриваться лидерами двух противостоявших друг другу блоков как объект экономического соперничества. В германских правящих кругах надеялись, что продвижение на Восток и использование хозяйственных ресурсов бывшей Российской империи позволит переломить ситуацию в войне в их пользу, а в Великобритании стремились этому помешать. Вместе с тем в ходе обсуждения революционных событий в России в британском правительстве звучала мысль о том, что ставка на победителей во внутренней борьбе, развернувшейся на территории бывшей Российской империи, позволит Великобритании играть решающую роль в ее экономическом освоении [Война, революция, мир., 2019: 95–97, 114–134]. Отчасти восприятие России как потенциального объекта экономической эксплуатации сохранилось в Лондоне и Берлине и в первые послевоенные годы.

Большую заинтересованность в развитии торгово-экономических связей с Советской Россией продолжала проявлять Германия, которая видела в этом возможность хотя бы частично компенсировать поражение в Первой мировой войне и смягчить крайне негативные для страны последствия Версальского мира. Почти сразу после его подписания в германском Министерстве иностранных дел был подготовлен меморандум, где говорилось о политических и экономических выгодах дружественных отношений с Россией. Политическое взаимопонимание могло бы обеспечить Берлину «поддержку против западных держав», а экономическое сотрудничество открывало пути для использования сырьевых ресурсов России и в то же время обширный рынок для сбыта германской промышленной продукции [Cameron, 2005: 8].

Однако первой из великих держав, заключивших с Советской Россией торговое соглашение, стала Великобритания. Среди мотивов этого шага были и стремление открыть потенциальный русский рынок для британских товаров, и намерение правительства Д. Ллойд Джорджа выбить козырь из рук лейбористов, которые критиковали находившуюся у власти либерально-консервативную коалицию за отказ от попыток нормализовать отношения с Москвой, и надежда на возможность воздействовать на советскую политику посредством экономических рычагов.

Вместе с тем попытки Д. Ллойд Джорджа вернуть Россию в систему хозяйственных связей могут рассматриваться как составная часть политики, направленной на преодоление последствий войны, среди наиболее болезненных из которых для Лондона было экономическое ослабление по отношению к США и угроза утраты положения ядра мировой экономической системы. Хорошо известно, что за годы войны США превратились из страны-должника в страну-кредитора, а внешний долг Великобритании перед Вашингтоном превышал сумму в 4 млрд долл. Ситуация осложнялась ростом зависимости от импорта продовольствия и сырья из США. Хотя и до начала войны заокеанская держава выступала ведущим экспортером товаров в Великобританию, отрицательное сальдо торгового баланса покрывалось доходом от британских инвестиций в американскую экономику. За годы войны Лондон потерял эти источники дохода, Вашингтон превратился из должника в кредитора, а стоимость импорта из США в Великобританию в 1920 г. возросла в четыре раза по сравнению с 1913 г.³³ При этом США стали ведущим поставщиком пшеницы на Британские острова³⁴. В таких условиях обеспечение экспорта пшеницы из России позволяло надеяться на сокращение зависимости Великобритании, да и других европейских стран от заокеанского партнера. Этот аргумент приводил Д. Ллойд Джордж в беседе с главами итальянского и французского правительств — Ф. Нитти и Ж. Клемансо, убеждая их в необходимости снятия блокады с Советской России [Gardner, 1987: 271]. О том, что «высокая сельскохозяйственная производительность России, Сибири и Балкан» является возможностью для выживания Великобритании в ситуации, с одной стороны, ее несамодостаточности в обеспечении продовольствием и сырьем, а с другой — изменения ее экономического положения по отношению к США, писал в 1921 г. известный публицист Н. Энджел³⁵.

Д. Ллойд Джордж считал важным не только наладить двусторонние торговые связи с Россией, но и реинтегрировать ее в систему европейских торговых обменов. Закономерно, что именно

³³ The Statesman's year-book 1921 / Ed. by J.S. Kettle, M. Epstein. London: Macmillan, 1921. P. 71.

³⁴ The Statesman's year-book 1923 / Ed. by J.S. Kettle, M. Epstein. London: Macmillan, 1923. P. 74.

³⁵ Angell N. The fruits of victory. A sequel to the Great Illusion. London: W. Collins Sons and Co Ltd., 1921. P. 21–22.

британский премьер-министр выдвинул проект восстановления европейской экономики, который попытался частично реализовать на Генуэзской конференции. Как крупнейший импортер и экспортер, а также поставщик финансовых услуг Великобритании была заинтересована в динамично развивавшемся европейском рынке. Промышленные страны Западной Европы нуждались в сырье и продовольствии, одним из традиционных поставщиков которого была Россия. Кроме того, здесь они могли найти возможности для сбыта своей продукции. Важной проблемой, препятствовавшей восстановлению экономик европейских государств после войны, было их обременение долгами и репарациями. После того как США категорически отказались от списания долгов, решение этой проблемы Д. Ллойд Джордж видел в открытии русского рынка для компаний западноевропейских стран, в том числе Германии. За счет его эксплуатации, по мысли британского премьер-министра, Берлин мог получить средства для репарационных выплат, поступление которых позволило бы облегчить для стран — победительниц в Первой мировой войне лежавшее на них долговое бремя. Частичное совпадение британских и германских интересов легло в основу идеи международного консорциума для эксплуатации ресурсов России, которая, однако, оказалась фактически мертворожденной [Orde, 1990: 160–182].

Проект Д. Ллойда Джорджа, исповедовавшего, по словам американского исследователя Р. Ульмана, «торговую концепцию международных отношений», которая основывалась на представлении о государствах как рынках и вере британского премьер-министра в «цивилизаторское воздействие торговли» [Ullman, 1972: 463], не был реализован в силу целого ряда обстоятельств. Желание частных инвесторов получить прибыли от освоения русского рынка и опасения, что в случае промедления их на этом пути обгонят предприниматели из других стран, соседствовали с сомнениями в целесообразности и безопасности вложений в Россию. Многие признавали, что в условиях разрухи, царившей в ее экономике после революции и Гражданской войны, ждать быстрого подъема производства было бы утопией. Причем об этом говорили не только многие консерваторы, непримиримо настроенные по отношению к Советской России, но и сочувствовавший планам Д. Ллойда Джорджа министр торговли Р. Хорн³⁶.

³⁶ The Times. 10.03.1921.

Потенциальные инвесторы сомневались в способности новых российских властей наладить хозяйство и опасались за сохранность своего капитала, учитывая прецеденты национализации собственности и отказа от выплат по займам. В то же время европейские правительства не были готовы пойти по пути предоставления сколько-нибудь значительных кредитов Советской России или гарантии частных инвестиций, отчасти оставаясь в плену довоенных представлений классического либерализма о невмешательстве государства в экономику, отчасти не обладая ресурсами для реализации этого проекта, сопряженного с высокими рисками [Skidelsky, 2003: 303–306; Mazower, 1999: 107–108]. Сам Д. Ллойд Джордж, по мнению британской исследовательницы Э. Орд, довольно быстро отошел от мысли о том, что Россия является ключевым фактором в экономическом восстановлении Европы, и рассматривал ее реинтеграцию в систему хозяйственных связей скорее как условие политической стабилизации [Orde, 1990: 195–196].

Советское правительство было заинтересовано в развитии торгово-экономических связей с Западом, стремясь за счет западных инвестиций, прибыли от своего экспорта и закупок машин и оборудования возродить экономику страны, а затем начать индустриализацию. В то же время, осознавая определенные опасности присутствия капиталистических элементов в экономике в связи с переходом к НЭПу и курсом на развитие торговли с Западом, Москва была полна решимости не допустить реализации плана, который, по уже приведенным выше словам Г.В. Чичерина, состоял в том, чтобы «навязать нам отказ от наших советских принципов и насильно втянуть в семью буржуазных народов»³⁷. Советское руководство твердо придерживалось курса на монополию внешней торговли, которую рассматривало как «необходимое орудие против экономически более сильных буржуазных стран в условиях капиталистического окружения», не шло на бесконтрольное предоставление концессий западным предпринимателям [Война, революция, мир..., 2019: 411;

³⁷ Чичерин — Ленину, 13 февраля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Генуэзская конференция 1922 г. Оп. 1. Д. 1. П. 1. Переписка Чичерина с Лениным по вопросам подготовки к Генуэзской конференции. 07.01.1922 — 17.03.1922. Л. 15. Доступ: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaia-konferentsiya-1922/opis-1/> (дата обращения: 28.08.2022).

Шишкин: 2002: 123–126], активно играло на существовавших между странами Запада экономических противоречиях³⁸.

На протяжении 1920-х годов внешнеторговый оборот СССР с западноевропейскими государствами рос. С точки зрения российского исследователя В. Шишкина, применительно к 1920-м годам неверно говорить об экономической изоляции России. «Во второй половине [19]20-х мы [СССР] так или иначе участвовали в международном разделении труда и пользовались его преимуществами» [Шишкин, 1988: 29]. В Советском Союзе изучали опыт западных стран в организации промышленности, прибегали к услугам западных технических специалистов. Хотя Москве не удавалось получить крупные кредиты, всё-таки небольшие преимущественно краткосрочные займы, прежде всего со стороны Германии, способствовали развитию экономики [Шишкин, 1988: 29; см. также: Кагарлицкий, 2009: 448–473]. О взаимовыгодной торговле Германии с СССР писал А.А. Ахтамзян [Ахтамзян, 1988].

В то же время не стоит преувеличивать значение торгово-экономического взаимодействия. Внешнеторговый оборот СССР существенно уступал объемам внешней торговли Российской империи. Основными торговыми партнерами Советского Союза из числа европейских великих держав оставались Великобритания и Германия. Однако внешнеторговый оборот этих государств с СССР не мог сравниться с объемами их торговли с другими странами. Так, для Германии основными торговыми партнерами были США, Великобритания, Голландия, Франция, Италия, Швеция; а для Великобритании — США, доминионы и Индия, Аргентина, а из европейских стран — Германия и Франция³⁹. Вряд ли возможно говорить о сколько-нибудь значимой роли советской экономики в экономическом восстановлении Европы. К середине 1930-х годов еще

³⁸ Например, в преддверии Генуэзской конференции Г.В. Чичерин писал В.И. Ленину о выгодах положения Советской России благодаря «развалу буржуазного мира», выгодах, которые «остаются до тех пор, пока мы остаемся для всех желанными и никому не даемся в руки. Как только мы свяжемся с какой-нибудь одной из борющихся комбинаций, <...> мы и потеряем все свои выгоды. И все наше дипломатическое умение здесь заключается в том, чтобы мы играли, а не нами играли». Там же. Л. 15–16. См. также: Раковский — в Политбюро ЦК РКП, б.д. // АВП РФ. Ф. 418. Генуэзская конференция 1922 г. Опись 1. Д. 3. П. 1. Л. 1–2. Доступ: <http://1917.mid.ru/archives/avprf/genuezskaya-konferentsiya-1922/opis-1/> (дата обращения: 28.08.2022).

³⁹ Mitchell B.R. *European historical statistics 1750–1975*. 2nd ed. New York: Facts on File, 1980. P. 548, 582, 600.

более четко обозначилось обособление СССР от мирового хозяйства. Отчасти это можно объяснить влиянием мирового экономического кризиса, однако, как указывают ряд исследователей, тенденции к этому наметились еще в середине — второй половине 1920-х годов.

В значительной степени это было связано с процессами стабилизации в Западной Европе. Принятие «плана Дауэса», Локарнские соглашения способствовали некоторому снижению напряженности между победителями и побежденными. Экономика Германии стала быстро восстанавливаться в значительной степени за счет американских и британских займов. Хотя в советской риторике присутствовал тезис об углублении кризиса капитализма, развитие событий в середине 1920-х годов, казалось, могло служить подтверждением прогноза, данного К. Каутским еще в 1914 г., о наступлении ультраимпериализма, выражением которого на международной арене было «создание священного союза империалистов»⁴⁰.

Перспективы экономического взаимодействия с СССР всё в большей степени расценивались на Западе как не сулившие серьезных дивидендов. Политические расчеты в развитии отношений с СССР очевидно стали превалировать над экономическими. Это проявилось, например, в процессе заключения советско-германского торгового договора в 1925 г., который, по оценке Берлина, имел прежде всего политическое значение [Morgan, 1963: 254; Cameron, 2005: 21]. Если в первой половине 1920-х годов в Веймарской республике надеялись на эволюцию большевистского режима и более тесное вовлечение в систему мирового капиталистического хозяйства, то к 1926 г. во внешнеполитическом ведомстве пришли к выводу, что СССР развивается в самодостаточную, слабо связанную с мировым рынком экономику [Cameron, 2005: 21]⁴¹. Глава Восточного департамента германского Министерства иностранных дел Э. Вальрот предрекал, что если состояние экономики СССР не улучшится, то он исчезнет как фактор в экономических комбинациях его соседей и будет играть ничтожную роль в политике Германии и других государств [Dyck, 1966: 71].

⁴⁰ Kautsky K. Ultra-imperialism (September 1914) // Marxists Internet Archive. Available at: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm> (accessed: 30.06.2022).

⁴¹ А.А. Ахтамзян несколько по-иному расставлял акценты, рассматривая советско-германские экономические отношения в 1920-е — начале 1930-х годов, подчеркивая взаимную заинтересованность двух стран в их развитии [Ахтамзян, 1988].

На сложность оценки финансово-экономического положения СССР указывал в подготовленном в феврале 1925 г. меморандуме сотрудник британского Министерства иностранных дел У. Стрэнг. Так, более расположенные к СССР представители британского общества отмечали его успехи в восстановлении хозяйства. Противники советской системы, наоборот, утверждали, что развитие было бы более быстрым при любом другом режиме, отрицали рост национального богатства, полагая, что Советское государство выживает за счет накопленных до революции ресурсов. Сам автор документа, очевидно, не решался вынести категоричное суждение, подчеркивая кардинальное отличие советской системы от западной и настолько необычные условия, господствовавшие в СССР, при которых значение даже, на первый взгляд, очевидных фактов не могло быть понято без тщательного изучения⁴². Подобные неопределенность и неясность перспектив, безусловно, не способствовали масштабному торгово-экономическому взаимодействию.

В Москве сближение ведущих промышленных держав расценивалось как имевшее антисоветскую направленность. В советском руководстве выдвигали тезис о подготовке Запада к войне с СССР, создании блока антисоветских государств. В условиях сглаживания противоречий между западными державами и более активного экономического присутствия США на европейском рынке казалось, что ценность Советского Союза как потенциального партнера для европейских государств уменьшалась. Летом 1925 г. в газете «Известия» Г.В. Чичерин писал об английской политике единого фронта, который создавался против СССР и в которую Великобритания пыталась втянуть прибалтийские государства, Швецию и Данию⁴³.

Международные процессы подталкивали Советский Союз к ускоренной индустриализации. Хотя ее конечной целью были преодоление зависимости от стран Запада и устранение опасности превращения СССР в экономический придаток капиталистического мира, экономическое взаимодействие с наиболее развитыми капиталистическими странами в период индустриализации не исключалось, а даже приветствовалось. При этом в ходе внутрипартийных

⁴² A survey of the financial and economic situation in the Soviet Union (December 1924), by W. Strang. 27 Feb. 1925 // TNA. Cab 24/172/81.

⁴³ Чичерин Г.В. Повсеместная подготовка, 29 июля 1925 г. // Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. С. 421–426.

дискуссий постоянно подчеркивалось, что «нам нужны такие связи и такое расширение связей с внешним миром, которые не опасны для самостоятельного экономического развития нашей страны»⁴⁴. Рассмотрение внешнеэкономических связей как одного из важных источников индустриализации и тезис о жизненной необходимости для Советского Союза в силу этого сохранения мира с капиталистическими странами соседствовал с опасениями, что «период мирного сожительства [между СССР и капиталистическими странами] отходит в прошлое»⁴⁵ [Кен, Рупасов, 2000: 70–71].

Как видно на примере развития торгово-экономических отношений СССР с западными странами, экономическое взаимодействие во многом рассматривалось как средство достижения политических целей. Для Москвы речь шла о сохранении и укреплении государства в окружении, которое воспринималось как глубоко враждебное. Призрак войны витал над отношениями СССР и западных стран и подкреплял отмеченную еще в 1916 г. Ф. Науманном тенденцию к созданию достаточно крупных замкнутых экономических систем, самодостаточных в ситуации военного конфликта⁴⁶.

* * *

Рассмотрение торгово-экономических связей СССР и западноевропейских стран ставит под вопрос гипотезы тех историков, которые видят в событиях становления Версальской системы параллели с однополярным моментом конца 1980-х — начала 1990-х годов или говорят о развитии тенденций к миру растущей взаимозависимости. Более убедительной представляется характеристика межвоенного периода как времени деглобализации и безвозвратной утраты Европой своего экономического превосходства, данная в «Кембриджской экономической истории современной Европы» [The Cambridge economic history of modern Europe, 2010: 1–2]. При этом не только Русская революция в масштабах Европы была антиглобализационным по своей сути явлением. Показательно и то, что британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж не смог найти поддержку своим планам экономической реконструкции Европы на Генуэзской конференции.

⁴⁴ Из речи И.В. Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б), 9 апреля 1926 г. // Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы. Ч. 1 / Сост. С.С. Хромов. М.: Институт российской истории РАН, 1997. С. 112.

⁴⁵ Политический отчет ЦК // XV Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. С. 47.

⁴⁶ Naumann F. Central Europe. New York, 1917. P. 179–181.

Как в вопросах, связанных с восстановлением европейского хозяйства, так и в сфере европейской политики взаимоотношения Советской России, а затем и Советского Союза с западноевропейскими странами носили двойственный характер. Не будучи участником Парижской и Вашингтонской конференций и соответственно подписантом выработанных в их ходе договоров, а также не являясь до 1934 г. членом Лиги Наций, Советское государство не было в полной мере интегрировано в Версальско-Вашингтонскую политико-правовую систему, но в то же время в силу географического положения, размеров территории, демографического, ресурсного потенциала, исторической традиции пребывания на протяжении двух столетий в числе великих держав его полная изоляция от системы также не была возможна. Советская Россия/СССР, как было указано выше, рассматривалась другими державами как элемент европейского баланса сил, что проложило путь для установления дипломатических отношений с европейскими странами. Закрепление в советской политике с середины 1920-х курса на поддержание мира для обеспечения успеха социалистического строительства способствовало мероприятиям, которые вели к некоторой интеграции СССР с существовавшим порядком.

Вместе с тем на стадии формирования этого порядка в результате революции в России и распада европейских империй был заложен ряд проблем, которые так и не были разрешены в его рамках. Даже в отношении Версальского договора — важнейшего правового акта, лежавшего в основе системы международных отношений, сформировавшейся по результатам Первой мировой войны, историки порой прибегают к определению, данному ему французским исследователем Ж. Барьети, как «продолжающегося творения», указывая на то, что пути исполнения ряда его положений не были предначертаны самим текстом, а находились в зависимости от развития международной ситуации [Магадеев, 2014: 41–42].

Еще большей неопределенностью отличалась ситуация на Востоке Европы, где не были зафиксированы даже исходные параметры системы. В обзоре международных событий за 1920–1923 гг. А. Тойнби писал о 13 странах с населением 104 млн человек, занимавших территорию между Германией и Италией, с одной стороны, и Советской Россией — с другой. «Тот факт, — отмечал британский историк и публицист, — что около 80 млн из этих 104 млн были оторваны почти одновременно от трех великих империй, которые до этого

заполняли восточноевропейский пейзаж, и одна из этих империй прекратила свое существование, а две другие были лишены части территорий и претерпели внутренние преобразования, дает некоторое представление о революции, которая свершилась в регионе в период с августа 1914 по январь 1920 г. Основы старого политического и экономического порядка были разрушены, и невозможно было предсказать, где, когда и каким образом будут заложены новые основания международного взаимодействия в Восточной Европе»⁴⁷.

Сразу после окончания Первой мировой войны сотрудники Форин офис высказывали мысль о шаткости любых построений в Восточной Европе до неизбежного возрождения России и Германии как наиболее мощных держав региона⁴⁸. Вместе с тем утверждение большевиков у власти в России, опасения возрождения германского экспансионизма на Востоке, а также сотрудничества Москвы и Берлина стали источником проводимой Францией и Великобританией политики «санитарного кордона» — поддержки буферных государств, возникших между Россией и Германией. Такая политика была направлена на то, чтобы ограничить реальное и потенциальное влияние этих двух прежде великих европейских держав за пределами собственных урезанных территорий. Таким образом, на части земель, входивших ранее в состав трех восточных империй или в сферу их преимущественного влияния, складывался регион, который стал рассматриваться как значимый для интересов Франции и Великобритании и в дела которого поэтому они вовлекались.

При этом сами страны «санитарного кордона» вряд ли могли рассматриваться как полноценная опора системы международных отношений на Востоке Европы. Это хорошо заметно на примере одной из наиболее сильных стран Восточного барьера — Польши. Г.Ф. Матвеев и Е.Ю. Матвеева убедительно продемонстрировали несостоятельность тезиса, выдвинутого рядом польских историков, о правомерности определения системы, сложившейся после Первой мировой войны в Центрально-Восточной Европе, как Версальско-Рижской — по названию Рижского договора, заключенного в 1921 г. между Польшей и Советской Россией [Матвеев, Матвеева, 2020: 130]. Претендовавшая на великодержавный статус и на то, чтобы играть доминирующую роль в регионе, Польша этой цели в меж-

⁴⁷ Toynbee A.J. Survey of international affairs 1920–1923. P. 204.

⁴⁸ Poland, Foreign Office Memorandum, 9 December 1918 // TNA. Cab 29/2. F. 203.

военный период не достигла. Она не стала региональным лидером, не преуспев в деле объединения вокруг себя восточноевропейских государств. Британский посол в Берлине лорд д'Абернон в период советско-польской войны писал о зависимости Польши, окруженной со всех сторон враждебными государствами, от Лондона и Парижа⁴⁹. Готовность же Великобритании и Франции поддерживать малые страны Восточной Европы, хотя и присутствовала, носила, особенно у Лондона, ограниченный характер. Показательно в этом отношении высказывание О. Чемберлена в период подготовки Локарнских соглашений о том, что на Востоке Великобритания выступает лишь как «незаинтересованный наблюдатель» и ее безопасность напрямую не связана, например, с безопасностью Румынии [Вакиć, 2013: 27]. Не отказываясь, тем не менее, полностью от провозглашенной еще в ходе мировой войны идеи организации Восточной Европы на основе принципа национальностей, Великобритания и Франция в своей политике в регионе оглядывались как на Берлин, так и на Москву. При этом тенденцией, наметившейся в эпоху Локарно и отчасти нашедшей развитие в умиротворении 1930-х годов, был поиск «концертных» решений с Германией [Родин, 2021]. Фактор же Советского Союза воспринимался (прежде всего Францией) скорее как подстраховка в случае чрезмерного роста претензий Берлина.

Для СССР появление новых государств на западных границах поставило проблему выработки отношения к ним. Являясь потенциальным ревизионистом в отношении западных границ и в соответствии с концепцией мировой революции рассматривая их как временные и преходящие, советское руководство вместе с тем в условиях утверждения курса на мирное сосуществование не переводило этот ревизионизм в сферу практической политики, не ставя перед собой задачу советизации сопредельных государств или захвата их территорий [Кен, Рупасов, 2000: 72; Худoley, 2012: 94]. Действия Советов на этом направлении были продиктованы скорее ощущением собственной уязвимости. В Москве опасались создания направленного против СССР блока западных государств под эгидой Великобритании и США, готового втянуть в орбиту своей политики лимитрофов. Малые страны, особенно с середины 1920-х годов, воспринимались как потенциальный плацдарм для

⁴⁹ D'Abernon to Curzon, 2 November 1920 // Documents on British Foreign Policy. Series 1. Vol. 11. No. 629. P. 651.

нападения на СССР [Магадеев, 2022: 164]. В этих условиях политика советского руководства была направлена прежде всего на то, чтобы не допустить формирования антисоветского блока из государств Восточной Европы. При этом Советский Союз играл как на противоречиях самих восточноевропейских стран, так и на различных интересах других держав в этом регионе. Примечательно, что интеграция Германии в Версальскую систему в середине 1920-х годов побудила СССР к большей осторожности. Так, неудачей закончились попытки германской дипломатии склонить Москву к принятию на себя обязательств антипольского характера. В стремлении избежать обострения советско-польских отношений в беседе с германским послом У. Брокдорфом-Ранцау, отвергая немецкие инициативы, Г.В. Чичерин подчеркивал исключительно оборонительные цели СССР, отмечая, что страна заинтересована в стабильной ситуации на своих границах и предотвращении использования Польши в качестве «тарана Великобритании» [Дуск, 1966: 71].

Положение в Восточной Европе было показательным с точки зрения отношений СССР и западных стран в 1920-е годы. Так, Советская Россия, выдвинув в ходе революции проект трансформации всей системы международных отношений, была, очевидно, не в силах его реализовать и превращалась в державу статус-кво. Вместе с тем ощущение, часто небезосновательное, враждебности со стороны западного мира, стремление сохранить свой уникальный социально-экономический строй удерживали Москву от попыток осуществить сколько-нибудь глубокую интеграцию с Версальской системой. Руководство стран Запада при всех различиях своей политики на восточноевропейском направлении, разочаровавшись в перспективах эволюции советского режима, несмотря на юридическое признание СССР, испытывало в его отношении определенную отчужденность. Невозможность предсказать то, как в дальнейшем будет развиваться Страна Советов, и осознание сложности контроля над ситуацией в Восточной Европе стали важными факторами, побудившими ведущую из европейских держав — Великобританию — пойти по пути разработки системы европейской безопасности без СССР⁵⁰, что воплотилось в Локарнских соглашениях 1925 г.

⁵⁰ British policy considered in relation to the European situation, memorandum by Nicolson, 20 Feb. 1925 // TNA. Cab 24/172/6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахтамзян А.А. Советско-германские экономические отношения в 1922–1932 // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 42–56.
2. Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2016.
3. Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М.: РОССПЭН, 2009.
4. Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915–1925 / Под ред. А.В. Ревякина. М.: Аспект Пресс, 2019.
5. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 1–2. СПб.: РХГА, 2021.
6. Всемирная история: В 6 т. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций: Кн. 1 / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2017.
7. Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: Издательство ИТРК, 2012.
8. Драгилев М.С. Общий кризис капитализма. М.: Госполитиздат, 1957.
9. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, 2009.
10. Кен О., Рупасов А. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб.: Европейский Дом, 2000.
11. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма (популярный очерк) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 27. М.: Госполитиздат, 1969. С. 299–426.
12. Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021.
13. Магадеев И.Э. «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 4. С. 34–61.
14. Магадеев И.Э. Роль стран Балтии в советско-французских отношениях периода непризнания, 1919–1924 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 161–176. DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-2-161-176.
15. Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю. Рецензия на: Мезга Н.Н. Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния. Гомель, 2019 // Славяноведение. 2020. № 3. С. 129–131. DOI: 10.31857/S0869544X0009522-7.

16. Муханов В.М. Кавказ в переломную эпоху (1917–1921). М.: Модест Колеров, 2019.

17. Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М.: Наука, 2004.

18. Нежинский Л.Н. У истоков большевистско-унитарной внешней политики (1921–1923 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 89–105.

19. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Отв. ред. Л.С. Белоусов, А.С. Манькин. М.: Издательство Московского университета, 2014.

20. Родин Д.В. Проекты «новых Локарно» в англо-германских отношениях во второй половине 1920-х годов: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2021.

21. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019.

22. Сетов Р.А. Тектоника войны. 1939 год. М.: МАКС Пресс, 2019.

23. Туз А. Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

24. Хормач И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2020.

25. Худолей К.К. Балтийский нейтралитет и советский фактор в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Серия 6. Вып. 3. С. 88–102.

26. Шишкин В.А. О внешнем факторе социально-экономического развития страны // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 28–32.

27. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». Очерк истории. СПб: Дмитрий Буланин, 2002.

28. Bakić D. 'Must will peace': The British brokering of 'Central European' and 'Balkan Locarno', 1925–9 // Journal of Contemporary History. 2013. Vol. 48. No. 1. P. 24–56. DOI: 10.1177/0022009412461814.

29. The Cambridge economic history of modern Europe. Vol. 2. 1870 to the present / Ed. by S. Broadberry, K.H. O'Rourke. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

30. Cameron J.D. To transform the revolution into an evolution: Underlying assumptions of German foreign policy toward Soviet Russia, 1919–27 // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40. No. 1. P. 7–24.

31. Carley M.J. Episodes from the early Cold War: Franco-Soviet relations, 1917–1927 // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. No. 7. P. 1275–1305. DOI: 10.1080/713663134.

32. Carley M.J. Silent conflict. A hidden history of early Soviet-Western relations. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2014.

33. Davis D., Trany E. *The First Cold War: The legacy of Woodrow Wilson in U.S.–Soviet relations*. Columbia, London: University of Missouri Press, 2002.
34. Deutsch K.W., Singer J.D. *Multipolar power systems and international // World Politics*. 1964. Vol. 16. No. 3. P. 390–406.
35. Dyck H.L. *German-Soviet relations and the Anglo-Soviet break, 1927 // Slavic Review*. 1966. Vol. 25. No. 1. P. 67–83.
36. Gardner L.C. *Safe for democracy. The Anglo-American response to Revolution, 1913–1923*. New York, Oxford: Oxford University Press, 1987.
37. Hobsbawm E. *Age of extremes. The short twentieth century 1914–1991*. London: Abacus, 1995.
38. Jacobson J. *When the Soviet Union entered world politics*. Berkeley: University of California Press, 1994.
39. Kennan G.F. *The decline of Bismarck’s European order: Franco-Russian relations, 1875–1890*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1979.
40. Kennan G.F. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston, Toronto: Little, Brown and Co, 1961.
41. Mayer A., *Wilson vs Lenin, political origins of the new diplomacy, 1917–1918*. Cleveland, New York: Meridian Books, 1963.
42. Mazower M. *Dark continent. Europe’s twentieth century*. New York: Alfred A. Knopf, 1999.
43. Morgan R.P. *The political significance of the German-Soviet trade negotiations, 1922–5 // The Historical Journal*. 1963. No. 2. P. 253–257.
44. Motyl A. *Sovietology, rationality, nationality: Coming to grips with nationalism in the USSR*. New York: Columbia University Press, 1990.
45. Mulligan W. *The great war for peace*. New Haven, London: Yale University Press, 2014.
46. Orde A. *British policy and European reconstruction after the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
47. Schmitt K. *Der Begriff des Politischen (1927) // Schmitt K. Posotionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles 1923–1939*. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1940. S. 67–74.
48. Schmitt K. *Der Völkerbund von Europa (1928) // Schmitt K. Posotionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles 1923–1939*. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1940. S. 88–96.
49. Skidelsky R. *John Maynard Keynes, 1883–1946: Economist, philosopher, statesman*. New York: Penguin Books, 1999.
50. Smith A.L. *The German general staff and Russia, 1919–1926 // Soviet Studies*. 1956. Vol. 8. No. 2. P. 125–133.
51. Tooze A. *The Deluge. The Great War and the remaking of global order, 1916–1931*. London: Allen Lane, 2014.
52. Ullman R.H. *Anglo-Soviet relations, 1917–1921*. Vol. 3. *The Anglo-Soviet accord*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972.

REFERENCES

1. Akhtamzyan A.A. 1988. Sovetsko-germanskije ekonomicheskie otnosheniya v 1922–1932 [Soviet-German economic relations in 1922–1932]. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 42–56. (In Russ.)
2. Bystrova N.E. 2016. *‘Russkii vopros’ v 1917 — nachale 1920 g.: Sovetskaya Rossiya i velikie derzhavy* [The Russian question in 1917 — early 1920: Soviet Russia and the great powers]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)
3. Vatlin A.Yu. 2009. *Komintern: idei, resheniya, sud’by* [Comintern: Ideas, decisions, fates]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)
4. Revyakin A.V. (ed.). 2019. *Voyna, revolyutsiya, mir. Rossiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh. 1915–1925* [War, revolution, peace. Russia in international relations. 1915–1925]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
5. Pavlov A.Yu. (ed.). 2021. *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg.* [Enemy, friend, ally? Russia in the French foreign policy in 1917–1924]. Vols. 1–2. St. Petersburg, RKhGA Publ. (In Russ.)
6. Chubar’yan A.O. (ed.). 2017. *Vsemirnaya istoriya. Tom 6: Mir v XX veke: epokha global’nykh transformatsii: Kniga 1* [World history. Vol. 6: World in the 20th century. The age of global transformations: Book 1]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
7. Grosul V.Ya. 2012. *Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.)* [The creation of the USSR (1917–1924)]. Moscow, ITRK Publ. (In Russ.)
8. Dragilev M.S. 1957. *Obshchii krizis kapitalizma* [General crisis of capitalism]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
9. Kagarlitskii B.Yu. 2009. *Periferiinaya imperiya: tsikly russkoi istorii* [The Empire of the periphery: Cycles of Russian history]. Moscow, Algoritm Publ. 2009. (In Russ.)
10. Ken O., Rupasov A. 2000. *Politbyuro TsK VKP(b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930-kh gg.): Problemy. Dokumenty. Opyt kommentariya. Chast’ I. Dekabr’ 1928 — iyun’ 1934 g.* [Political bureau of the Central Committee of the Bolsheviks party and relations of the USSR with Western neighboring states (late 1920s — 1930s): Issues, documents, commentary. Part 1. December 1928 — June 1934]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ. (In Russ.)
11. Lenin V.I. 1969. *Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma* [Imperialism as the highest stage of capitalism]. In: Lenin V.I. *Collected works*, 5th ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., vol. 27, pp. 299–426. (In Russ.)
12. Magadeev I.E. 2021. *V teni Pervoi mirovoi voiny: dilemmy evropeiskoi bezopasnosti v 1920-e gody* [In the shadow of the First World War: Dilemmas of the European security in the 1920s]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

13. Magadeev I.E. 2014. 'Vtoraya tridtsatiletnyaya voina' 1914–1945 gg.? O nekotorykh osobennostyakh razvitiya mezhdunarodnykh otnoshenii v Evrope na puti ko Vtoroi mirovoi voine [Second Thirty Years War of 1914–1945? Some features of international relations on the way to the Second World War]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 4, pp. 34–61. (In Russ.)

14. Magadeev I.E. 2022. Rol' stran Baltii v sovetsko-frantsuzskikh otnosheniya kh perioda nepriznaniya, 1919–1924 gg. [Role of the Baltic republics in Soviet-French relations during the non-recognition period, 1919–1924]. *RUDN Journal of Russian History*, vol. 21, no. 2, pp. 161–176. DOI: 10.22363/2312-8674-2022-21-2-161-176. (In Russ.)

15. Matveev G.F., Matveeva E.Yu. 2020. Retsenziya na Mezga N.N. Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1921–1926 godov: novyi etap protivostoyaniya. Gomel', 2019 [Book review of Mezga N.N. Soviet-Polish relations of 1921–1926: A new stage of confrontation. Gomel, 2019]. *Slavyanovedenie*, no. 3, pp. 129–131. DOI: 10.31857/S0869544X0009522-7. (In Russ.)

16. Mukhanov V.M. 2019. *Kavkaz v perelomnuyu epokhu (1917–1921)* [Caucasus at a turning point (1917–1921)]. Moscow, Modest Kolerov Publ. (In Russ.)

17. Nezhinskii L.N. 2004. *V interesakh naroda ili vopreki im? Sovetskaya mezhdunarodnaya politika v 1917–1933 godakh* [In the interests of the people or against them? Soviet international politics in 1917–1933]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

18. Nezhinskii L.N. 1994. U istokov bol'shevistsko-unitarnoi vneshnei politiki (1921–1923 gg.) [At the origins of the Bolshevik unitarian policy (1921–1925)]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 1, pp. 89–105. (In Russ.)

19. Belousov L.S., Manykin A.S. (eds.). 2014. *Pervaya mirovaya voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii* [First World War and the destinies of the European civilization]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russ.)

20. Rodin D.V. 2021. *Proekty 'novykh Lokarno' v anglo-germanskikh otnosheniya kh vo vtoroi polovine 1920-kh godov* ['New Locarno' projects in Anglo-German relations in the second half of the 1920s]. PhD Thesis. Moscow (In Russ.)

21. Sergeev E.Yu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu*. [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations, 1918–1924: From intervention to recognition]. St. Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.)

22. Setov R.A. 2019. *Tektonika voiny. 1939 god* [Tectonics of the war. 1939]. Moscow, MAKS Press, 2019. (In Russ.)

23. Tooze A. 2014. *The deluge. The Great War and the remaking of global order, 1916–1931*. London, Allen Lane [Russ. ed.: Tuz A. 2019. *Vsemirnyi potop. Velikaya voina i pereustroistvo mirovogo poryadka, 1916–1931*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara].

24. Khormach I.A. 2020. *Sovetskoe gosudarstvo na mezhdunarodnykh forumakh 1920–1930-kh gg.* [Soviet state at international conferences, 1920–1930s].

Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

25. Khudolei K.K. 2012. Baltiiskii neitralitet i sovetskii faktor v 1920–1930-e gody [Neutrality of the Baltic states and the Soviet factor in 1920–1930s]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, ser. 6, iss. 3, pp. 88–102. (In Russ.)

26. Shishkin V.A. 1988. O vneshnem faktore sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya strany [On the external factor of socio-economic development of the country]. *Voprosy istorii*, no. 9, pp. 28–32. (In Russ.)

27. Shishkin V.A. 2002. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevolutsionnoi Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskii mir: ot revolyutsionnogo 'zapadnichestva' k 'natsional-bol'shevizmu'* [The formation of foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930) and the capitalist world: From the revolutionary 'westernism' to 'national-bolshevism']. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ. (In Russ.)

28. Bakić D. 2013. 'Must will peace': The British brokering of 'Central European' and 'Balkan Locarno', 1925–9. *Journal of Contemporary History*, vol. 48, no. 1, pp. 24–56. DOI: 10.1177/0022009412461814.

29. Broadberry S., O'Rourke K.H. (eds.). 2010. *The Cambridge economic history of modern Europe. Vol. 2. 1870 to the Present*. Cambridge, Cambridge University Press.

30. Cameron J.D. 2005. To transform the revolution into an evolution: Underlying assumptions of German foreign policy toward Soviet Russia, 1919–27. *Journal of Contemporary History*, vol. 40, no. 1, pp. 7–24.

31. Carley M.J. 2000. Episodes from the early Cold War: Franco-Soviet relations, 1917–1927. *Europe-Asia Studies*, vol. 52, no. 7, pp. 1275–1305. DOI: 10.1080/713663134.

32. Carley M.J. 2014. *Silent conflict. A hidden history of early Soviet-Western relations*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers.

33. Davis D., Trany E. 2002. *The First Cold War: The legacy of Woodrow Wilson in U.S.–Soviet relations*. Columbia, London, University of Missouri Press.

34. Deutsch K.W., Singer J.D. 1964. Multipolar power systems and international. *World Politics*, vol. 16, no. 3, pp. 390–406.

35. Dyck H.L. 1966. German-Soviet relations and the Anglo-Soviet break, 1927. *Slavic Review*, vol. 25, no. 1, pp. 67–83.

36. Gardner L.C. 1987. *Safe for democracy. The Anglo-American response to revolution, 1913–1923*. New York, Oxford, Oxford University Press.

37. Hobsbawm E. 1995. *Age of extremes. The short twentieth century 1914–1991*. London: Abacus.

38. Jacobson J. 1994. *When the Soviet Union entered world politics*. Berkeley, University of California Press.

39. Kennan G.F. 1979. *The decline of Bismarck's European order: Franco-Russian relations, 1875–1890*. Princeton, N.J., Princeton University Press.

40. Kennan G.F. 1961. *Russia and the West under Lenin and Stalin*. Boston, Toronto, Little, Brown and Co.
41. Mayer A. 1963. *Wilson vs Lenin, political origins of the new diplomacy, 1917–1918*. Cleveland, New York, Meridian Books.
42. Mazower M. 1999. *Dark continent. Europe's twentieth century*. New York, Alfred A. Knopf.
43. Morgan R.P. 1963. The political significance of the German-Soviet trade negotiations, 1922–5. *The Historical Journal*, no. 2, pp. 253–257.
44. Motyl A. 1990. *Sovietology, rationality, nationality: Coming to grips with nationalism in the USSR*. New York, Columbia University Press.
45. Mulligan W. 2014. *The great war for peace*. New Haven, London, Yale University Press.
46. Orde A. 1990. *British policy and European reconstruction after the First World War*. Cambridge, Cambridge University Press.
47. Schmitt K. 1940a. Der Begriff des Politischen (1927). In: Schmitt K. *Posotionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles 1923-1939*. Hamburg, Hanseatische Verlagsanstalt. S. 67–74.
48. Schmitt K. 1940b. Der Völkerbund von Europa (1928). In: Schmitt K. *Posotionen und Begriffe im Kampf mit Weimar — Genf — Versailles 1923-1939*. Hamburg, Hanseatische Verlagsanstalt, S. 88–96.
49. Skidelsky R. 1999. *John Maynard Keynes 1883–1946: Economist, philosopher, statesman*. New York, Penguin Books.
50. Smith A.L. 1956. The German general staff and Russia, 1919–1926. *Soviet Studies*, vol. 8, no. 2, pp. 125–133.
51. Tooze A. 2014. *The deluge. The Great War and the remaking of global order, 1916–1931*. London, Allen Lane.
52. Ullman R.H. 1972. *Anglo-Soviet relations, 1917–1921. Vol. 3. The Anglo-Soviet accord*. Princeton, N.J., Princeton University Press.

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 09.11.2022

The paper was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 09.11.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-52-87

Научная статья / Research paper

А.Ю. Ватлин*

1922 — ЛУЧШИЙ ГОД КОМИНТЕРНА. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ, НЕМЕЦКИЕ КОММУНИСТЫ И ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1*

Подписание Декларации об образовании СССР 30 декабря 1922 г. открыло новую страницу в истории международных отношений. В то же время это событие стало результатом напряженной внутри- и международно-политической борьбы в предшествующие годы. Для понимания ее перипетий, а также тех последствий, которые она имела для будущего международного рабочего движения, особый интерес представляет изучение деятельности Коммунистического интернационала. Как отмечает автор, для Коминтерна 1922 год прошел под знаком противоречивого сочетания инерции настроений «бури и натиска» первых послереволюционных лет и новых политических веяний, связанных со становлением идеологии мирного сосуществования. В этом контексте в статье проанализирована роль, которая отводилась лидерами большевиков Коминтерну в ходе подготовки и проведения Генуэзской конференции, прежде всего — политике единого рабочего фронта. Показано, что сама идея развития сотрудничества с социалистами и социал-демократами вызвала крайне неоднозначную реакцию представителей западных коммунистических партий. В этой связи особое значение для лидеров большевиков имела позиция Коммунистической партии Германии (КПГ). И действительно, ее пример представляется очень показательным с точки зрения понимания тенденций и противоречий развития международного коммунистического движения в рассматриваемый период.

Правление КПГ приветствовало коминтерновский поворот к единому рабочему фронту. Однако автор отмечает, что эта поддержка строилась на очень неустойчивом компромиссе между разнонаправленными внутри- и внешнеполитическими императивами, включавшими оппозицию левых

* *Ватлин Александр Юрьевич* — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vatlin_alex@mail.ru).

радикалов в самой партии, ее конфликт с правительством Веймарской республики, на которые накладывалась идейная и финансовая зависимость от Москвы. Как следствие, в действиях КПП в рассматриваемый период наблюдалась непоследовательность, которая была прямым отражением общих проблем, характерных для международного рабочего движения в тот период в целом. Подтверждением этого тезиса может служить Четвертый конгресс Коминтерна, состоявшийся в конце 1922 г. На нем так и не была сформулирована четкая стратегия взаимодействия между российскими большевиками и зарубежными коммунистами. Однако решения Четвертого конгресса предопределили дальнейшую эволюцию идеологии и практической деятельности Коминтерна. Политика единого рабочего фронта получила расширительное толкование. В то же время Коммунистический интернационал ощутяо двигался к пониманию сущности такого политического феномена, как фашизм.

Ключевые слова: Коммунистический интернационал, Коминтерн, Четвертый конгресс Коминтерна, Генуэзская конференция, Карл Радек, Коммунистическая партия Германии, КПП.

Для цитирования: Ватлин А.Ю. 1922 — лучший год Коминтерна. Советская Россия, немецкие коммунисты и Генуэзская конференция // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 52–87. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-52-87.

Alexander Yu. Vatlin

**1922 — THE BEST YEAR OF THE COMINTERN.
SOVIET RUSSIA, GERMAN COMMUNISTS
AND THE GENOA CONFERENCE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The signing of the Declaration on the formation of the Soviet Union on December 30, 1922 marked a new stage in the history of international relations, and, at the same time, took stock of intense domestic and international political struggle unfolding in the previous years. The developments within the Communist International were of particular importance for both the outcomes of this struggle and the future of international labor movement. The author stresses that for the Comintern the year of 1922 was dominated by a struggle between the two opposing ideological and political trends: the inertia of the 'storm and

onslaught' enthusiasm of the first post-revolutionary years and the rise of the ideas of peaceful coexistence. In this context, the paper assesses the role that the Bolshevik leaders envisaged for the Comintern during the preparation and conduct of the Genoa Conference and, particularly, for the policy of the united workers front. The author shows that the very idea of cooperation with socialists and social democrats received an extremely ambiguous reaction from representatives of Western communist parties. In this regard, the position of the German Communist Party (KPD) was of particular importance to the Bolshevik leaders. Indeed, the case of KPD was emblematic of those tendencies and contradictions that marked the development of the international communist movement in the period under review. The KPD leaders welcomed the Comintern's turn towards a united workers front. However, the author notes that this support was based on a highly unstable compromise between multiple contradicting domestic and foreign policy imperatives, including opposition from the left-wing radicals within the party and continuous conflict with the government of the Weimar Republic, exacerbated by ideological and financial dependence on Moscow. As a result, the KPD's actions were very often ad hoc and inconsistent, reflecting general issues typical to the international labor movement of that period. That became clear during the Fourth Congress of the Comintern, which took place at the end of 1922. It failed to outline a clear strategy for interaction between the Russian Bolsheviks and foreign communists. At the same time, the outcomes of the Fourth Congress were crucial for further evolution of the ideology and practical activities of the Comintern. The policy of the united workers front got a broader definition as the Communist International started to recognize the threat posed by fascism.

Keywords: Communist International, Comintern, Fourth Congress of the Comintern, Genoa Conference, Karl Radek, German Communist Party, KPD.

About the author: *Alexander Yu. Vatlin* — Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of Modern and Contemporary History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vatlin_alex@mail.ru).

For citation: Vatlin A.Yu. 2022. 1922 — the best year of the Comintern. Soviet Russia, German communists and the Genoa conference. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 52–87. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-52-87. (In Russ.)

Выбор календарного года в качестве хронологического отрезка для научной статьи кажется простым решением только на первый взгляд. Те или иные события, а тем более долговременные тенденции и процессы с трудом укладываются в жестко очерченные рамки,

автору приходится соизмерять собственные оценки с условиями и мотивами, которые легли в основу конкретных решений, в нашем случае — столетней давности.

Применительно к истории Коммунистического интернационала выделение 1922 г. в качестве объекта исследования представляется оправданным — если говорить не о календарном, а о политическом годе. В предшествовавшем, 1921 г. российским лидерам с немалым трудом удалось снять установку на «последний и решительный бой» с мировым капиталом, заменив ее курсом на построение массовых компартий, способных к повседневной борьбе на национальной политической сцене¹. Последовавший, 1923 г. во многом перечеркнул позитивные сдвиги, наметившиеся в международном коммунистическом движении после Третьего конгресса Коминтерна (22 июня — 12 июля 1921 г.): вслед за уходом В.И. Ленина в его ближайшем окружении началась острая борьба за лидерство, которая привела к авантюрным попыткам подтолкнуть зарубежных коммунистов к захвату власти в своих странах.

Для Коминтерна 1922 год соединял в себе инерцию настроений «бури и натиска» и политические новации, которые имели прямое отношение к дальнейшей истории Советской России и всей системы послевоенных международных отношений. Впервые международная организация коммунистов выступила в роли субъекта советской внешней политики, впервые после раскола социалистического движения в 1914 г. был поставлен вопрос о политическом сотрудничестве трех рабочих Интернационалов.

Идейное кредо зарубежных компартий повторяло установки российских большевиков: пока буржуазный мир не потерпел крах, следует искать с ним *modus vivendi*. Делая всё для ослабления и подрыва Версальской системы в целом, Коминтерн внимательно следил за тем, чтобы ее осколки не нанесли ущерба интересам Советской России. Ключевым звеном в этом параллелограмме сил оказывалась Германия, общественный климат которой разрывался между настроениями реванша и примирения. В этой связи в Москве с особым вниманием опекали немецкую компартию, видя в ней не только продолжателя традиций революционного марксизма, но и фактор,

¹ Третий конгресс Коминтерна. Развитие конгрессом политической линии коммунистического движения. М., 1975.

обеспечивавший безопасность советской страны, а в перспективе — и победу мировой пролетарской революции.

В современной историографии Коминтерна, весьма скудной по сравнению с периодом холодной войны, сохраняется инерция противостояния двух точек зрения на начальный этап истории коммунистического движения: он рассматривается либо как проекция международной политики большевиков, либо как автономный политический проект, вынужденно (и не сразу) попавший в орбиту влияния последних. Излишне говорить о том, что каждый из этих подходов нес на себе отпечаток конфликта двух мировых систем. В отличие от представителей указанных точек зрения, коминтерноведы нового поколения пытаются их синтезировать, избавив от презентизма ушедшей эпохи. Коминтерн, взятый в качестве предмета изучения, перестает быть «вещью в себе», его история вписывается как в идейный климат послевоенного периода, так и в процесс становления новой системы международных отношений после завершения Первой мировой войны².

Современники, стоявшие у истоков создания Коммунистической партии Германии (КПГ), писали о том, что 1922 г. был самым спокойным во внутривнутрипартийной истории [Retzlaw, 1976: 215]. Таким же был этот год и в нэповской России, стабильность политической системы которой держалась на непререкаемости ленинского авторитета, а экономическое возрождение позволило рабочим и крестьянам увидеть реальные плоды большевистской революции. Страна пыталась найти свое место в послевоенной системе международных отношений, сделав ставку на сотрудничество «париев Версаля».

Эстафета от 1921 года

Фундамент политических событий 1922 г. был заложен его предшественником. Не прошло и трех лет с момента основания Коминтерна, как лидерам российского большевизма пришлось признать неприятные реалии послевоенной эпохи: революционная волна откатилась назад, попытки левых радикалов взять власть в свои руки в Германии, Австрии и Венгрии обернулись жестким ответом правящих кругов и большими жертвами. «Война не завершилась

² Наглядным отражением указанного синтеза стали две представительные международные конференции, прошедшие в Москве в год 100-летия Коминтерна [Время Коминтерна, 2020; Левая альтернатива в XX веке, 2020]. История коминтерновцев в социокультурном аспекте представлена в книге [Studer, 2015].

непосредственно пролетарской революцией», — говорилось в резолюции о мировом положении, принятой на Третьем конгрессе Коминтерна. Новая тактика, вызревшая на протяжении 1921 г. и получившая название «политика единого рабочего фронта», в большей степени соответствовала как внешнеполитическим задачам Советской России, так и нуждам рабочего класса [см. подробнее: Ватлин, 1990]. Она подразумевала налаживание сотрудничества с социал-демократическими партиями европейских стран, которые еще недавно шельмовались как «социал-предатели». Эта тактика, однако, встретила серьезное сопротивление ряда лидеров зарубежных компартий, которые продолжали рассчитывать на «короткую перспективу», т.е. на собственный приход к власти в ближайшем будущем.

В историографии СССР и ГДР переход к политике единого рабочего фронта подавался как стратегический поворот, придавший международному коммунистическому движению мощный импульс, избавивший его от «левацкой шелухи»³. При этом его связь с обще-европейским и внутрироссийским контекстом, который будет рассмотрен в настоящей статье, попросту игнорировалась, заменяясь стереотипными фразами о «прозорливости» В.И. Ленина и его соратников (как правило, не называвшихся, ибо превратившихся в «фигуры умолчания») и их верности принципам пролетарского интернационализма. Западные авторы в эпоху холодной войны, напротив, подчеркивали прагматический характер поворота 1921 г., видели в нем исключительно внешнеполитический маневр, связанный с возвращением Советской России в послевоенную систему международных отношений [Gruber, 1974]⁴.

Курс на политическое сотрудничество различных отрядов рабочего класса стал лейтмотивом деятельности Венского интернационала, который был создан в начале 1921 г. и объединил левые социалистические партии, оказавшиеся между Лондоном и Москвой. Венцы выдвинули ряд конкретных инициатив, пытаясь усадить за

³ Официальный взгляд на разработку политики единого рабочего фронта изложен в книгах [Коммунистический Интернационал, 1969; Reisberg, 1971]. Начало процессу переосмысления стереотипов советской эпохи было положено статьей Ф.И. Фирсова «К вопросу о тактике единого фронта в 1921–1924 гг.» [Фирсов, 1987].

⁴ Современный уровень осмысления тактики единого рабочего фронта представлен в обзорной работе [Макдермотт, Агню, 2000: 43–56].

стол переговоров коммунистов, социалистов и социал-демократов⁵. Само понятие единого рабочего фронта появилось в документах левых социалистических партий значительно раньше. Так, в письме Правления НСДПГ Исполкому Коминтерна от 6 июня 1920 г. шла речь об объединении «усилий по сплочению всех сил пролетариата, созданию единого пролетарского фронта»⁶.

Решение Политбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1921 г., запустившее процесс перехода к новой тактике в Коминтерне, осторожно говорило о возможности «совместных действий с рабочими II Интернационала»⁷. Реализуя эту инициативу, Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) приступил к рассмотрению вопроса о едином рабочем фронте 4 декабря. Суть новой тактики просматривалась во втором пункте решения Политбюро: Н.И. Бухарину поручалось подготовить статью об опыте взаимоотношений большевиков с меньшевиками. Следовательно, речь шла о возможности временных блоков с европейскими социал-демократическими партиями, которых советская пресса называла «меньшевицкими». Просмотрев 6 декабря набросок тезисов о едином рабочем фронте, В.И. Ленин попросил Г.Е. Зиновьева подчеркнуть, что в предреволюционной России расколы с меньшевиками сменялись временными объединениями «не только в силу перипетий борьбы, но и под давлением низов, требовавших проверочных испытаний собственным опытом»⁸.

Однако одних только указаний на успешный опыт РСДРП(б) было недостаточно для того, чтобы убедить зарубежных коммунистов в необходимости столь резкого поворота. 4 декабря 1921 г. представитель КПГ Г. Брандлер поставил вопрос ребром: «...наши товарищи понимают все буквально, они скажут, а зачем тогда вообще раскол, зачем фракции в профсоюзах». Утверждение, что единый рабочий фронт выгоден только русским, а не зарубежным коммунистам,

⁵ 20 октября 1921 г. по инициативе Лейбористской партии состоялась рабочая встреча представителей Лондонского и Венского интернационалов, в повестке дня которой стоял поиск путей преодоления раскола и налаживания политического сотрудничества. См.: РГАСПИ. Ф. 480. Оп. 2. Д. 15. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 95.

⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы. М., 2004. С. 104–105.

⁸ Ленин В.И. Полное собрание сочинений [далее — ПСС]: В 55 т. Т. 44. М., 1970. С. 273.

поскольку помогает интеграции России в послевоенную систему международных отношений, стало главным аргументом его противников.

Российским представителям в Коминтерне пришлось успокаивать собравшихся. Н.И. Бухарин подчеркнул, что лозунг единого рабочего фронта — не постоянная величина, а временное стечение обстоятельств, которое может измениться уже на следующий день⁹. С таким подходом спорил Л.Д. Троцкий на XI конференции РКП(б), выступив против «фаталистических представлений о революционной эпохе как последнем кризисе буржуазного общества, который будет непрерывно углубляться до диктатуры пролетариата», и признав долговременный характер курса на единый рабочий фронт¹⁰.

Среди аргументов, которые предлагались зарубежным коммунистам в обоснование новой тактики, важное место занимало обещание лидеров РКП(б) отойти от жесткой иерархии в руководстве компартиями, которая прикрывалась принципами интернационализма: «Мы должны считаться с отдельными странами. Мы должны предоставить партиям свободу приравнивать свое поведение к общему положению. Мы должны, однако, иметь в виду, что мы должны действовать не в немецком или итальянском, а в международном масштабе»¹¹.

И, наконец, во втором туре дискуссий, состоявшемся в ИККИ 18 декабря 1921 г., Г.Е. Зиновьев прямо говорил о том, что новую тактику придется принять, так как она помогает преодолеть изоляцию Советской России на международной арене¹². Это не было пустым звуком: в уходящем году страна сделала решительные шаги к тому, чтобы преодолеть международную изоляцию. Новая экономическая политика, легализовавшая экономическую многоукладность, породила как на Западе, так и в самой России надежды на возвращение страны на буржуазно-демократические рельсы. Австрийский социалист О. Бауэр (и не только он) видел в НЭПе победу «крестьянской революции» и полагал, что ее итогом в политической сфере рано или поздно станет парламентская демократия [см.: Schoeler, 1987:

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 43. Л. 90, 98. См. также: Деятельность ИККИ и Президиума ИККИ от 13 июля 1921 г. до 1 февраля 1922 г. М.; Петроград, 1922. С. 347.

¹⁰ XI конференция РКП(б). 1921 г. Бюллетень № 5. С. 26. Конференция состоялась в Москве 19–22 декабря 1921 г.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 43. Л. 91.

¹² Там же. Д. 48. Л. 4–5.

22–23]. Без России, взявшей курс на «нормальность», трудно было представить себе послевоенное возрождение Европы.

В первые дни нового, 1922 г. на Каннской конференции Верховного совета Антанты Д. Ллойд Джордж выдвинул идею проведения в Генуе экономической и финансовой конференции всех европейских государств. Советское правительство позитивно отреагировало на это предложение. В.И. Ленин на протяжении января несколько раз обращался к плану участия в такой конференции, лично разработав директивы для подготовки к ней советской делегации. Речь шла о том, чтобы не ударить лицом в грязь перед маститыми зарубежными экспертами. В инструкции особо подчеркивалось, что «все члены делегации должны знать превосходно книгу Кейнса (“Экономические последствия мира”) и подобные буржуазные и буржуазно-пацифистские книги» и в то же время могли дать «краткое, но ясное изложение всей совокупности коммунистических взглядов (по вопросам международных отношений и экономики)»¹³.

В Москве надеялись, что под давлением масс европейские социалисты выступят в поддержку советской позиции в ходе будущей международной конференции и таким образом Россия обретет на ней незримого, но мощного союзника. «Мы считаем, что следует попытаться провести конференцию [трех рабочих Интернационалов] параллельно с конференцией в Генуе и обсудить на ней не только экономические, но и политические вопросы: ликвидацию Версальского мира, подавление России, мировую ситуацию и, как я сказал, рассматривать их параллельно с конференцией в Генуе, чтобы мы могли противопоставить *tete-à-tete* в любом решающем вопросе социал-патриотов и представителей правительства»¹⁴.

Такой подход, озвученный Г.Е. Зиновьевым на заседании ИККИ 24 января 1922 г., транслировал и уточнял ленинскую позицию: последний рассматривал наступательную полемику на будущей конференции лишь как крайнее средство, которое следует применить в ответ на аналогичные действия оппонентов, хотя и предлагал послать на нее «наиболее зубастых людей»¹⁵. Это обстоятельство обусловило лидерство К. Радека в подготовке встречи трех Интернационалов.

¹³ Проект директив был разослан членам Политбюро 1 февраля 1922 г. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 374.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 48. Л. 3.

¹⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 44. С. 377–378.

В свою очередь европейские социалисты полагали, что встреча в Генуе приведет к включению Советской России в международный экономический механизм, а это станет основой демократизации ее внутривластного режима и, следовательно, сгладит остроту конфликта в международном рабочем движении. Они следующим образом формулировали влияние НЭПа на изменение политической линии большевиков: «Советская власть заключила мир со своей буржуазией, теперь она должна заключить мир со своими друзьями — социалистами II и II 1/2 Интернационалов»¹⁶. Это было заметно даже непосвященным. Писатель В.Г. Короленко отмечал осенью 1920 г. в письме к А.В. Луначарскому: «Рабочая масса начинает чувствовать вашу основную ошибку, и в ней являются настроения, которые вы так осуждаете в огромном большинстве западноевропейских социалистов; в ней явно усиливается меньшевизм, т.е. социализм, но не максималистского типа»¹⁷.

Для руководителей РКП(б) и Коминтерна не было секретом, что основным препятствием для установления единого рабочего фронта станет внутренняя политика большевистского государства, прежде всего репрессии против социалистических партий — меньшевиков и эсеров. Загнанные в подполье, они еще существовали в Советской России, и их поддержка рассматривалась зарубежными социалистами как проявление солидарности с соратниками по борьбе. Лидеры социал-демократических партий Европы задавали резонный вопрос: что произойдет с единым рабочим фронтом после прихода пролетариата к власти в их собственных странах; не объявят ли коммунисты своих вчерашних союзников контрреволюционной силой?

К. Радек, игравший роль главного эксперта по зарубежному рабочему движению, прекрасно понимал значение этого вопроса. Именно его в январе 1922 г. большевистское руководство направило в Германию для подготовки встречи трех Интернационалов. Уже из Берлина он излагал членам Политбюро ЦК РКП(б) свое видение главных препятствий на пути к успеху новой тактики: «Я убежден, что, как бы мы ни выворачивались, если мы хотим иметь во время генуэзской схватки поддержку лейбористов и Амстердама¹⁸, хотя бы в форме демонстрации, то нам за это придется заплатить: дать

¹⁶ XI конференция РКП(б). 1921 г. Бюллетень № 5. С. 20.

¹⁷ Новый мир. 1988. № 10. С. 211.

¹⁸ Т.е. Амстердамского интернационала профсоюзов, близкого по своим идейным позициям к социал-демократическому движению.

известную свободу меньшевикам <...>. Какие бы громы ни метал на меня Владимир Ильич, я считаю, что надо сделать уступки, не ожидая нападения на конференции»¹⁹.

В отличие от В.И. Ленина, для которого краеугольным камнем были интересы безопасности политического режима Советской России, К. Радек продолжал мыслить категориями глобального противостояния пролетариата и капитала: «...буржуазная конференция в Генуе является новым Версалем, и ей надо противопоставить тот минимум, на который согласны все рабочие элементы Европы»²⁰. Решающую роль в подготовке альтернативной конференции должны были сыграть их представители в Германии, которая по-прежнему считалась образцовой страной социалистического рабочего движения. Положение в его немецком сегменте было отражением европейского раскола: коммунистам (КПП) противостояли входившие в правительство социал-демократы (СДПГ), между ними находилась партия левых социалистов (НСДПГ).

Единый рабочий фронт в Германии

Для КПП — крупнейшей из зарубежных компартий — 1922 год первоначально выглядел как простое продолжение предыдущего. Еще летом 1921 г. лидеры Коминтерна и германских коммунистов договорились о «курсе концентрации», который подразумевал сотрудничество двух фракций в партийном руководстве: бывших членов Союза Спартака, сохранивших верность традициям довоенного социалистического движения, и левых радикалов, пришедших в партию в ходе революции 1918–1919 гг. Для последних успешный опыт большевиков был непререкаемым канонem, который они любыми путями хотели перенести в Веймарскую Германию.

Вопреки «курсу концентрации», взятому на Третьем конгрессе, партию будоражили продолжавшиеся репрессии против сторонников ее бывшего председателя П. Леви. После убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург именно он удержал КПП от скатывания к левому сектантству, отстаивал ее право на выработку самостоятельного политического курса при признании идейной и организационной гегемонии Коминтерна. П. Леви еще в начале 1921 г. обратился к

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 228. Л. 4.

²⁰ Письмо Радека в Президиум ИККИ от 31 января 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 156. Д. 51. Л. 2.

лидерам СДПГ, НСДПГ и профсоюзов с призывом к налаживанию сотрудничества, чем навлек на себя гнев Г.Е. Зиновьева, но был безоговорочно поддержан В.И. Лениным.

Вынужденная отставка П. Леви весной того же года и уход его соратников под давлением слева дорого обошлись немецкой компартии: фракция «левитов» в рейхстаге в конце 1921 г. составляла 15 человек, в то время как во фракции КПГ осталось всего 11 парламентариев [Winkler, 1984:524]. Отправившемуся в Берлин К. Радеку пришлось признать, что «мы потеряем несколько тысяч человек, и это не последний кризис, основа кризиса — подавленное настроение, убеждение, что революция кончилась». В его докладе подчеркивалось, что у партии нет кадрового резерва, от нее отворачивается молодежь, «в рабочих массах настроение гнилое»²¹. Тем не менее Правление КПГ дисциплинированно приветствовало коминтерновский поворот к единому рабочему фронту, а партийная газета «Die Rote Fahne» в Сочельник опубликовала предложение о созыве совместной конференции трех рабочих Интернационалов.

1922 год принес первые практические успехи нового курса в Германии. Продолжались совместные акции социалистов и коммунистов в поддержку голодовки политзаключенных в немецких тюрьмах. В начале февраля в Берлине прошла забастовка железнодорожников, к которым присоединились рабочие остальных коммунальных предприятий. В условиях обострившейся инфляции стачечники требовали приведения зарплаты рабочих в соответствие с уровнем цен. В стачком вошли профсоюзные функционеры всех социалистических партий, по их данным, в забастовке участвовали до 800 тыс. рабочих. Коминтерн признал ее частичной победой, ибо «она доказала, что в массе рабочих пробудились нетерпение и чувство спонтанной солидарности»²².

Для посвященных в дела КПГ не было большим секретом, что тормозом для развертывания политической инициативы партии была ее идейная и финансовая зависимость от Москвы. Е.Д. Стасова, прибывшая в Берлин по поручению В.И. Ленина для наведения порядка и налаживания подпольной работы КПГ по примеру большевиков, в своем первом отчете сообщила вождю, что «сейчас некоторое

²¹ Письмо К. Радека Г. Зиновьеву о положении в германской компартии 20 января 1922 г. // Коминтерн и идея мировой революции. М.: Наука, 1998. С. 328.

²² Письмо Радека в Президиум ИККИ от 31 января 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 156. Д. 51. Л. 3.

время извне не получалось денег, и весь партийный аппарат готов остановиться <...>. Некоторые товарищи прямо и открыто говорят, что как только у партии не будет субсидий от Коминтерна, то она распадется, ибо все теперь работают, рассчитывая на жалованье»²³. Внешний контроль московских инстанций за отдельными секциями, практиковавшийся в годы их становления и нередко принимавший гротескные формы, из детской хвори коммунистического движения превратился в хроническую болезнь, от которой оно не избавилось на протяжении всей своей дальнейшей истории.

Об этом свидетельствовали результаты инспекционной поездки по Италии, Франции и Германии, которую в январе 1922 г. совершил представитель Коммунистической партии Польши при ИККИ Г. Валецкий. В своем отчете он писал о том, что руководители компартий этих стран еще не готовы принять тактику единого рабочего фронта как нечто естественное и проводят ее «из чистой дисциплины перед Коммунистическим Интернационалом»²⁴. Для того чтобы подчеркнуть вовлеченность Коминтерна в европейские дела, К. Радек предложил провести не в Москве, а в Берлине Первый расширенный пленум Исполкома Коминтерна, посвященный обсуждению тактики единого рабочего фронта: «...было бы неслыханно полезно, чтобы нас рабочие видели в Западной Европе, а также чтобы Вы видели наших людей не в московской обстановке»²⁵. Идея рабочих встреч лидеров компартий, избавленных от помпезности и размаха конгрессов, давно витала в воздухе. Руководство КПГ, претендовавшей на звание образцовой секции Коминтерна, решило воспользоваться этим шансом, чтобы добиться перезагрузки отношений между Исполкомом и отдельными партиями.

19 февраля 1922 г. в ЦК РКП(б) «для предварительного обсуждения» было направлено письмо немецкой делегации, прибывшей на Первый пленум ИККИ. В нем говорилось о необходимости реорганизации Коминтерна и Профинтерна, а также серьезного изменения методов их работы²⁶. Немецкая партия выдерживала сложившуюся

²³ Письмо Е. Стасовой В. Ленину о ситуации в ЦК КПГ. 22 июня 1921 г. // Коминтерн и идея мировой революции. С. 294.

²⁴ Письмо Валецкого Зиновьеву от 7 февраля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 103. Л. 2–3.

²⁵ Письмо К. Радека Г. Зиновьеву о положении в германской компартии 20 января 1922 г. // Коминтерн и идея мировой революции. С. 328, 330.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 293. Д. 25. Л. 5–6.

стилистику обращения к вышестоящим инстанциям, признав первым делом свою вину в том, что при председательстве П. Леви в ней имелась «скрытая враждебность по отношению к Москве». В то же время, отмечалось в письме, не является секретом и то обстоятельство, что все кардинальные вопросы в Коминтерне решаются «русскими товарищами» без привлечения иностранных коммунистов. Делегация КПГ предлагала отказаться от «системы личного влияния на партии путем отправки частных писем», которую практиковал Г.Е. Зиновьев, и положить конец рассылке по всему миру эмиссаров с чрезвычайными полномочиями.

Принятие подобных предложений означало бы серьезное сокращение, изменение структуры и образа действий коминтерновского аппарата, а их обсуждение на пленуме ИККИ могло по-новому оформить иерархию отношений между ним и партийными лидерами. Это таило в себе угрозу «дворцового переворота», и Г.Е. Зиновьев сделал всё, чтобы погасить данную инициативу. Он добился того, что Политбюро отказалось от рассмотрения письма КПГ по существу, поручив ему, К. Радеку и Л.Б. Каменеву переговорить с членами немецкой делегации в частном порядке²⁷. Остальное было делом бюрократической техники — вопрос тихо похоронили в аппарате ЦК РКП(б)²⁸.

Председатель ИККИ отдавал себе отчет в том, что за внешним послушанием зарубежных делегатов кроется глухое недовольство методами его руководства. После первых дней работы пленума он запросил помощи у В.И. Ленина: «Мне кажется совершенно необходимым доверительно, в узком закрытом собрании (человек 8–10) объяснить находящимся здесь вожакам <...> компартий основное в тактике нашей делегации в Генуе. В особенности “пацифистскую” часть нашей тактики. Иначе в решающий момент выйдет столпотворение Вавилонское и недовольство громадное. Вред будет очень большой»²⁹. Под пацифизмом Г.Е. Зиновьев понимал готовность советского правительства к компромиссам, в частности к выплате

²⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. С. 114.

²⁸ После нескольких напоминаний технической секретарь ЦК сообщил Брандлеру, что письмо «направлено Зиновьеву для личных с Вами объяснений». Данных о состоявшейся встрече в переписке немецкой делегации нет. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 292. Д. 3. Л. 4.

²⁹ Письмо Г. Зиновьева В. Ленину о тактике. 25 февраля 1922 г. // Коминтерн и идея мировой революции. С. 351–352.

царских долгов, что вызывало непонимание иностранных коммунистов, продолжавших свято верить в то, что Россия под руководством большевиков была и останется костью в горле Версальской системы международных отношений. Налицо был серьезный кризис во взаимоотношениях Москвы и отдельных партий, которые согласно Уставу Коминтерна считались его «национальными секциями». Поскольку Первый пленум ИККИ так и не был проведен в Берлине, туда пришлось отправиться К. Радеку, чтобы погасить растущее недовольство лидеров КПГ. Без активного содействия германской партии невозможно было ни подготовить встречу трех Интернационалов, ни организовать массовые акции в защиту советской позиции на предстоявшей Генуэзской конференции.

Берлинская миссия Карла Радека

Подготовка к этому событию, однако, была далеко не единственной миссией коминтерновского эмиссара. Почти весь 1922 г. К. Радек, облеченный полномочиями наладить политические и экономические отношения между двумя странами, провел в Германии. После успешного продвижения тактики единого рабочего фронта он находился в зените своего влияния и, как это часто бывало в его биографии, пытался найти себя в новых сферах деятельности. Вместе со своими бывшими коллегами по Народному комиссариату иностранных дел К. Радек сформулировал линию советской внешней политики на готовившейся конференции в Генуе³⁰. Речь шла прежде всего об использовании «немецкой карты». Он предлагал продолжить лавирование между двумя империалистическими группировками: «...наша задача состоит в том, чтобы добиться реальных экономических уступок [от немцев] или знать, что этой картой не располагаешь, что надо договариваться с союзниками, ибо, не имея никакой экономической помощи со стороны Германии, мы куражиться не можем»³¹.

В отличие от предыдущих визитов в Германию, К. Радек выступал в роли уже не члена тайной организации революционеров, а представителя великой державы, пытавшейся вернуть себе законное место в европейском концерте. Его хорошо знали на Западе, он часто становился послом по особым поручениям, формально не имевшим отношения к

³⁰ О ходе Генуэзской конференции см. подробнее: [Быстрова, 2020].

³¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 228. Л. 3.

внешнеполитическому аппарату Советской России. Это развязывало ему руки, а еще больше — язык. Впрочем, и высокопоставленные дипломаты, и лидеры социалистических партий успели привыкнуть к *enfant terrible* с всклокоченной шевелюрой и неизменной трубкой во рту.

Его карикатурный образ с трудом вписывался в масштаб переговоров, однако он принимал в них самое активное участие. Так, благодаря его посредничеству удалось согласовать кандидатуры послов двух стран после восстановления советско-германских дипломатических отношений. К. Радек лоббировал и приветствовал назначение на пост главы восточного отдела германского МИД А. Мальцана, с которым был в хороших отношениях³². Весной 1922 г. советский эмиссар стоял у истоков военного сотрудничества двух стран, в рамках которого в РСФСР появились авиазаводы и военные полигоны для тайного перевооружения рейхсвера [см.: Горлов, 2001]. Неоспорим вклад К. Радека в подготовку и заключение Рапалльского договора 16 апреля 1922 г., хотя он и не был приглашен на Генуэзскую конференцию. Накануне и в ходе ее работы впервые в советской истории произошло сближение внешнеполитической и коминтерновской линий, которые до того находились в состоянии пульсировавшего конфликта [см.: Шишкин, 2002].

К тому моменту, когда советские и немецкие дипломаты в Рапалло провели свой знаменитый «разговор в пижамах», завершившийся подписанием соглашения, в Берлине уже состоялась рабочая встреча представителей трех Интернационалов. Делегацию Коминтерна возглавляли Н.И. Бухарин и К. Радек, в нее вошли также К. Цеткин, поляк А. Варский и француз Л. Фроссар. Встреча, открывшаяся 2 апреля 1922 г. в здании рейхстага, больше походила на переговоры о перемирии трех враждебных держав, нежели на дружескую беседу вчерашних единомышленников [Ватлин, 1993]. Социал-демократическая пресса еще до завершения переговоров предсказывала их неизбежный провал, акцентируя внимание на «невозможности разумного сотрудничества с москowitzами. Речи Клары Цеткин и Радека были не чем иным, как большевистской пропагандой, предназначенной для использования коммунистической прессой». Россия также представлялась читателям как «страна кнута и виселицы. У нас в западноевропейских демократиях политику ведут иными средствами»³³.

³² Радек К. Германо-русские отношения // Правда. 11.11.1921.

³³ Volksstimme (Halle). 03.04.1922; Das Volk (Erfurt). 05.04.1922.

То, что после трех дней непрерывных пикировок стороны всё же достигли компромисса, согласившись начать подготовку всемирного рабочего конгресса и провести до завершения Генуэзской конференции совместные демонстрации под антиимпериалистическими лозунгами, выглядело как настоящее чудо. «Представители II Интернационала сняли требование отказа от создания партийных ячеек в профсоюзах, но настояли на исключении из списка политических лозунгов призыва к борьбе против Версальского мира»³⁴. Свою часть пути к компромиссу прошли и посланцы Коминтерна, согласившись на то, чтобы в судебном процессе по делу эсеров участвовали защитники из числа зарубежных социалистов.

Левые социалистические газеты после завершения встречи вышли с броскими заголовками: «Налажен мост братского примирения», «Результат превзошел самые смелые ожидания», «Открыт путь для совместной борьбы»³⁵. В Москве не разделяли подобных восторгов. В.И. Ленин со страниц «Правды» обрушился с критикой на представителей Коминтерна, которые «заплатили слишком дорого» за призрачную перспективу поддержки советской позиции в Генуе³⁶. К. Радек даже не поверил, что это «фактический взгляд Владимира Ильича», а не дипломатическая игра, и продолжал настаивать на своем: «...мы были принципиально правы, не допуская срыва конференции на русских делах, но и что мы никакой высокой цены не уплатили»³⁷. Общая оценка перспектив Генуэзской конференции, данная в письме, выглядела весьма пессимистично: «Положение в Генуе такое, что по всей видимости результатов полезных для нас она пока что не даст. Максимальные требования союзников так велики, что вряд ли выйдет компромисс»³⁸.

Подписание на следующий день Рапалльского договора между Россией и Германией создало принципиально новую ситуацию на конференции. «Парии Версальской системы» лишили смысла тактику держав Антанты, построенную на принципе «разделяй и

³⁴ Международная социалистическая конференция (объединенное заседание Исполкомов трех Интернационалов). Стенографический отчет. М., 1922. С. 60–61.

³⁵ Volkszeitung. Organ der USPD für Halle und Bezirk Merseburg. 07.04.1922; Dresdner Volkszeitung. 07.04.1922.

³⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М., 1970. С. 140.

³⁷ Письмо Радека членам Политбюро ЦК РКП(б) от 15 апреля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 2. Д. 45. Л. 93.

³⁸ Там же.

властуй». Однако в КПП Рапалло не стал поводом для восторженных откликов. Его фактически замолчала партийная пресса, так как сначала само соглашение, а потом и его практическая реализация плохо вписывались в генеральную линию борьбы с собственным государством как проводником интересов буржуазии.

Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин, регулярно конфликтовавший с коминтерновским ведомством, сохранил деловой контакт с К. Радеком, который в 1918 г. работал под его началом. Через несколько дней после подписания Рапалльского договора Г.В. Чичерин сообщал в Берлин подробности его подготовки и ожидаемые последствия. Вслед за Германией стремление к сепаратному соглашению с Россией проявила Италия, а французская делегация, наоборот, рассорилась с Д. Ллойд Джорджем, который пытался играть на конференции роль честного маклера. В заключение, признавая недостаточность дипломатических усилий, нарком ставил перед шефом коминтерновской пропаганды конкретную задачу: «Уже теперь необходимо всеми доступными путями, не от нашей делегации, а помимо нас, подчеркивать, что примирению мешают те акулы, которые требуют возвращения своей частной собственности или полной уплаты за нее. Момент безусловно настал для широкой агитации на эту тему»³⁹.

Просьба Г.В. Чичерина свидетельствует о том, что тезис о стратегическом противостоянии двух ведомств явно упрощает гамму взаимоотношений между ними. Как раз применительно к 1922 г. можно говорить о явном сближении коминтерновских и внешнеполитических целей большевистского руководства. Итогом такого сближения стал ряд договоров и инициатив, которые открывали перспективу пусть даже временного «примирения» как Советской России с державами Антанты, так и зарубежных коммунистов с социал-демократами в своих странах.

Новый виток конфронтации

В отчете делегации Коминтерна по итогам берлинской встречи отмечалось, что главными противниками коммунистов на ней были лейбористы и немецкие социал-демократы. «Опасность совместных действий с КПП становится для вождей социал-демократии тем

³⁹ Письмо Чичерина Радеку от 23 апреля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 326. Оп. 2. Д. 1. Л. 98.

больше, чем больше становится влияние КПП и чем хуже — положение рабочего класса»⁴⁰. Под предлогом того, что в России не была развернута агитация за скорейший созыв всемирного рабочего конгресса, СДПГ саботировала совместную демонстрацию трех рабочих партий, запланированную на 20 апреля 1922 г. в Берлине.

В свою очередь коминтерновские функционеры испытывали растущую тревогу по поводу того, что коммунисты Германии в который раз вышли из-под их оперативного контроля, отказавшись развернуть кампанию солидарности с Советской Россией. Сразу после завершения берлинской встречи Секретариат ИККИ высказывал свое возмущение тем, что газета «Die Rote Fahne» уделяла мало внимания готовившемуся процессу над эсерами и не разоблачала «ложь реформистской прессы»⁴¹. Свои претензии к немецким коммунистам предъявлял и Г.В. Чичерин, требовавший, чтобы те приглушили кампанию дискредитации правительства Й. Вирта, так как «мы сильнейшим образом нуждаемся в сохранении Рапальского договора»⁴².

И всё же позитивный импульс, заданный встречей трех Интернационалов, проявился именно в Германии. Пусть с серьезными оговорками, но был дан зеленый свет образованию социал-демократических кабинетов при парламентской поддержке коммунистов в Саксонии, Тюрингии и Брауншвейге [Reisberg, 1971: 457–470]. Оставшийся в Берлине К. Радек прилагал максимум усилий для того, чтобы как можно скорее обеспечить созыв «девятки» — консультативной группы, в которую делегировались по три представителя от каждого из Интернационалов. В.И. Ленин, смягчивший свой тон в отношении уступок, сделанных К. Радеком и Н.И. Бухариным на берлинской встрече, позволил им остаться в Германии для скорейшего созыва всемирного рабочего конгресса, чтобы усилить позиции советских дипломатов в Генуе⁴³. Социалистические контрагенты Коминтерна, напротив, не спешили, предпочитая уклоняться от конфликта со своими правительствами до выяснения итогов Генуэзской конференции.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 86. Л. 58.

⁴¹ Там же. Д. 122, Л. 9–10.

⁴² Письмо Чичерина Л.М. Карахану от 7 мая 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1966. Л. 21.

⁴³ См.: Записки Ленина в Политбюро ЦК РКП(б) от 9 и 10 апреля 1922 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 145–146.

10 мая 1922 г. К. Радек сообщал в Москву, что социал-демократы «девятку созовут, но будут тянуть со съездом до результатов процесса [над эсерами]. Съезда они не хотят, но боятся отклонить, ибо идея становится с каждым днем все более популярной среди рабочих. Поэтому будут ждать, что им процесс даст возможность отклонить. Главная задача теперь: тут организовать нажим в массах. Это будет туго, ибо организационные способности наших людей минимальны»⁴⁴. Под «нашими людьми» К. Радек подразумевал функционеров КПП, фактически находившихся на жалованье из бюджета Советской России. Они весьма осторожно относились к сотрудничеству с социалистами, которое имело пусть минимальный, но шанс завершиться воссоединением рабочих партий, ведь тогда добрая половина партийных бюрократов осталась бы без работы.

После безрезультатного для России завершения Генуэзской конференции советские лидеры потеряли интерес к единому рабочему фронту как инструменту давления на правительства западных держав. Майский Пленум ЦК РКП(б) потребовал поставить вопрос о созыве всемирного рабочего конгресса в «девятке» ультимативно. На следующий день это решение продублировал Президиум ИККИ. Однако, ужесточая свою позицию, большевики всё же оставляли открытой дверь для дальнейших переговоров. Важной уступкой социал-демократам было предложение, озвученное И.В. Сталиным от имени партийного руководства: снять выдвижение лозунга защиты Советской России как условие международного рабочего единства, «чтобы не давать Второму Интернационалу какой-либо возможности маскировать действительное положение вещей в целях саботажа единого пролетарского фронта»⁴⁵.

Единственная встреча «девятки» состоялась 23 мая 1922 г. К. Радек обнародовал коминтерновский ультиматум, после чего повестка дня оказалась исчерпанной. Ему не оставалось ничего иного, как просить у В.И. Ленина разрешения вернуться в Москву, где он собирался «написать роман о берлинских событиях»⁴⁶. Однако ему предложили и далее оставаться в Берлине, соединяя в одном лице функции советского дипломата и коминтерновского функционера. Звездный час К. Радека растянулся на весь 1922 год, на протяжении

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 553. Л. 11.

⁴⁵ Письмо ЦК РКП(б) в Исполком Коминтерна о тактике единого фронта // Правда. 19.05.1923. № 110.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 715. Л. 78.

которого он демонстрировал недюжинную работоспособность, справляясь с растущим потоком поручений, по большей части бюрократического характера. В конце концов после просьбы отправиться в Норвегию и выступить на съезде местной компартии он не без кокетства заявил: «...мне уж так надоела заграница, что если меня принудите туда ехать, то решусь родить ребенка, дабы отказаться от поездки»⁴⁷.

В Москве летом 1922 г. происходили события, значение которых до сих пор недооценено. Там набирал обороты суд над членами ЦК партии правых эсеров, предварявший в своей логике показательные процессы сталинской эпохи [Морозов, 2005]. Он стал вторым (после Рапалльского договора) неприятным сюрпризом для немецких коммунистов, которым всё труднее было отстаивать светлый образ «родины всех трудящихся» перед своими единомышленниками. Для того чтобы сгладить негативное эхо, которое вызвал в европейских странах этот процесс, 30 июля 1922 г. К. Цеткин и Г. Брандлер написали письмо в ЦК РКП(б), попросив не приводить в исполнение смертные приговоры. В сложившихся условиях «это было бы политически неумно», утверждали они, и посоветовали своим «русским товарищам» оставить приговоренных в живых, используя их в роли заложников⁴⁸.

Голос авторитетных немецких коммунистов был услышан: на завершившемся 7 августа судебном процессе 12 человек были приговорены к смертной казни, однако приведение приговора в исполнение отложили на неопределенный срок, увязав его с отказом оставшихся на свободе эсеров от политического террора. Неделю спустя Г.В. Чичерин сообщал И.В. Сталину из Берлина, что суд и приговор крайне навредили внешнеполитическому имиджу Советской России. В европейских странах и США «мы наблюдаем перемещение настроений: капиталистические круги склоняются к сближению с нами, в то время как враждебная агитация умеренных социалистов и рабочих лидеров по поводу эсеров, духовенства и Грузии и вообще по поводу наших деспотических приемов распространяет охлаждение в тех слоях, которые нас поддерживали в период интервенции»⁴⁹.

⁴⁷ Там же. Ф. 495. Оп. 156. Д. 51. Л. 13.

⁴⁸ Там же. Оп. 292. Д. 3. Л. 38–40.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 22. Л. 47. Г.В. Чичерин имел в виду репрессии и изъятие предметов культа у священников, а также «советизацию» независимой Грузии при помощи Красной армии весной 1921 г.

Очевидно, что этот процесс в полной мере касался и имиджа западных компартий, которые в общественном мнении своих стран всё больше выступали в роли покорной «руки Москвы». Советскому руководству приходилось выбирать из двух зол меньшее, и выбор был сделан в пользу отстаивания государственного суверенитета, что наиболее наглядно показала ленинская критика итогов берлинской встречи трех Интернационалов.

Четвертый конгресс Коминтерна

Резкое обострение внутривнутриполитической ситуации в Германии предоставило коммунистам новый шанс опробовать тактику единого рабочего фронта. 24 июня 1922 г. правыми радикалами был убит В. Ратенау, министр иностранных дел, подписавший в апреле Рапальское соглашение между Германией и Советской Россией⁵⁰. Рабочие партии и профсоюзные центры смогли договориться о проведении общих демонстраций и политических стачек в защиту Веймарской республики. В Берлине в день похорон В. Ратенау не работало ни одно предприятие, в уличных выступлениях, по разным оценкам, приняли участие от 600 до 800 тыс. человек.

Однако вскоре КПП вышла из «пакта о ненападении» рабочих партий, заключенного на следующий день после похорон и подразумевавшего отказ от взаимных нападков. В основе такой непоследовательности лежала инерция «полевения» КПП после изгнания из ее руководства «левитов». Э. Майер не смог обуздать берлинских левых во главе с Р. Фишер и А. Масловым, которые требовали дополнить пакт пунктом о свержении правительства Й. Вирта. Диагноз, поставленный К. Цеткин еще в конце 1921 г., оставался актуальным: «Большинство членов ЦК не решается рассчитывать с масловцами потому, что они боятся вследствие этого потерять репутацию особенно радикальных»⁵¹.

Берлинцы вели себя крайне бесцеремонно на заседаниях Правления КПП, поскольку пользовались симпатиями А. Клейне (Гуральского), выполнявшего функции представителя ИККИ в Германии и в свою очередь находившегося под покровительством Г.Е. Зиновьева.

⁵⁰ По подсчетам специальной комиссии, правые радикалы в первые годы Веймарской республики совершили 354 акта политического террора, подавляющее большинство которых остались безнаказанными [Gumbel, 1922: 73–74].

⁵¹ Письмо К. Цеткин Г. Зиновьеву о ситуации в ЦК КПП. 18 декабря 1921 г. // Коминтерн и идея мировой революции. С. 323.

После отъезда К. Радека в Москву на Второй расширенный пленум ИККИ (11–14 июня 1922 г.) А. Клейне обрел утраченную смелость и решил в очередной раз подстегнуть своих подопечных. В первые дни после убийства В. Ратенау он сообщал своему патрону, что КПП, согласившись на совместные акции с социалистами, топчется на месте и тормозит революционную энергию масс⁵². Г.Е. Зиновьев, и без того ревниво относившийся к немецкой партии как «заповеднику» К. Радека, решил показать ей, кто является хозяином в коминтерновском доме.

8 июля 1922 г. появилось обращение ИККИ к рабочим Германии, призывавшее использовать убийство В. Ратенау для того, чтобы остановить дрейф страны вправо. В обращении выдвигалась идея создавать комитеты действия для отпора монархической реставрации и военщине. Жесткий тон документа, который в очередной раз обращался к массам через головы вождей, явно противоречил установкам декабря 1921 г. и стал важным фактором прекращения сотрудничества коммунистов и социал-демократов. Правление КПП, отдавая себе в этом отчет, приняло беспрецедентное решение не публиковать обращение Исполкома Коминтерна в партийной печати⁵³.

Фракция КПП в рейхстаге также маневрировала между требованиями ИККИ проводить «боевую классовую линию» и реалиями политической ситуации в стране. Коммунисты настаивали на максимально жестких формулировках «закона о защите республики», который должен был положить конец как террору правых радикалов, так и саботажу консервативно настроенного чиновничества. В ходе первого чтения поправки фракции КПП были поддержаны социал-демократами и независимыми депутатами, однако партийное Правление требовало еще большего ужесточения формулировок [Reisberg, 1971: 540]⁵⁴. При окончательном голосовании 18 июля 1922 г. закон был принят при поддержке НСДПГ, СДПГ, либералов и партии Центра.

Так совпало, что в тот же день Г.Е. Зиновьев в личном письме, направленном руководителям КПП, не оставил им сомнений в том, насколько серьезно он относится к демократическим ценностям. «Эта поганая буржуазная республика есть не что иное, как удавка

⁵² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 19. Д. 195. Л. 11–17.

⁵³ Лишь после нажима со стороны ИККИ обращение было напечатано в газете «Die Rote Fahne» 25 июля 1922 г.

⁵⁴ Детальное изложение см.: [Reisberg, 1971: 507–535].

на шее рабочего класса», — данную фразу из своего письма председатель ИККИ повторил и в своем отчетном докладе на Четвертом конгрессе Коминтерна, придав ей статус исторической закономерности⁵⁵. Еще одним показателем, на чьей стороне находились его симпатии, стала смена руководителя КПП. Э. Мейер, возглавлявший ее после П. Леви, оставался для Г.Е. Зиновьева всё тем же левым социалистом, а значит, не большевиком. Советскому функционеру импонировали решительность и «левизна» Г. Брандлера, партийного деятеля с безупречной пролетарской биографией, который после побега из германской тюрьмы оказался в Москве. После августовской амнистии 1922 г. Г. Брандлер вернулся в Германию, но его формальное утверждение на пост председателя КПП произошло только на Лейпцигском съезде партии в январе следующего года.

Все эти шаги задавали вектор смещения немецкой компартии влево, которому уже не мог противостоять прагматичный радековский курс. На протяжении 1922 г. Г.Е. Зиновьев и К. Радек, два главных представителя РКП(б) в ИККИ, пытались найти приемлемый компромисс между своими взглядами на перспективы коммунистического движения, не вынося разногласия на заседания Исполкома Коминтерна. Однако переход конфликта в открытую фазу, как показывало их толкование политики единого рабочего фронта, был только вопросом времени. Вмешательство В.И. Ленина осенью 1921 г., когда вождь поддержал идею обращения к социал-демократическим «верхам», и в мае 1922 г., когда уступки делегации ИККИ в Берлине были сочтены чрезмерными, свидетельствовало об отсутствии у руководства большевиков ясного представления о том, какими путями должна развиваться созданная ими всемирная партия.

Позиция В.И. Ленина определялась тактическими мотивами: он выстраивал баланс противоположных мнений в ИККИ, сохраняя для себя роль «отсутствующего режиссера»⁵⁶. В условиях угасания послевоенной революционной волны он дал добро на использование зарубежных компартий для защиты внешнеполитических интересов Советской России. В секретариат В.И. Ленина стекались вполне реалистичные доклады о положении дел в европейских странах, хотя и не свободные от бюрократического подбострастия. 3 октября

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 103. Д. 26. Л. 35.

⁵⁶ Применительно к более позднему периоду Коминтерна эту роль английский историк Э.Х. Карр отводил И.В. Сталину. См. подробнее: [Макдермотт, Агню, 2000: 108–109].

1922 г. побывавший в Берлине Е.М. Ярославский указывал вождю на слабость и догматизм пропаганды КПГ: «...немецкий рабочий видит, что разговоры о кризисе буржуазного хозяйства находятся как бы в противоречии с некоторыми фактами. Крупп, Стиннес и другие промышленные и финансовые тузы на его глазах пухнут, богатеют, крепнут, и ему трудно принять характеристику германской буржуазии как колосса на глиняных ногах. А без этого ему трудно поверить в возможность победы над буржуазией»⁵⁷.

Социально-экономическая ситуация в Германии осенью 1922 г. работала на немецких коммунистов. В стране галопировала инфляция, ухудшение своего материального положения чувствовал на себе каждый рабочий. Рост инфляции объяснялся необходимостью выплаты репараций странам Антанты и связанной с этим попыткой «верхов» переложить финансовое бремя на «низы» общества. В этих условиях у коммунистов не оставалось никаких сомнений в том, что «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»⁵⁸ автоматически приведет страну к новой революции.

Впрочем, детали внутривнутриполитической повестки дня не слишком волновали лидеров КПГ. Их взгляды осенью 1922 г. были обращены на Россию, где должен был собраться Четвертый конгресс Коминтерна. Он открылся 5 ноября 1922 г. в Петрограде торжественным заседанием, посвященным пятилетнему юбилею революционного Октября. В.И. Ленин впервые не участвовал в церемонии открытия, вводную речь было поручено произнести К. Цеткин. Во время своего доклада, состоявшегося уже в Москве (это было его последнее публичное выступление), советский вождь уже не выглядел уверенным в себе лидером всемирного движения, хотя его харизма казалась иностранным коммунистам абсолютно непоколебимой. В предыдущие годы она неоднократно замораживала разногласия и конфликты в Коминтерне, но не могла заменить собой демократический механизм выработки генеральной линии. Мастер тактического маневра, В.И. Ленин не смог предложить стратегию отношений между российскими большевиками и зарубежными коммунистами, поскольку последние явно не горели желанием оставаться в роли «младших братьев». Кризисы послевоенных лет привели к их быстрому «взрос-

⁵⁷ Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927: Сборник документов. М.: РОССПЭН, 1996. С. 264.

⁵⁸ Ленин В.И. ПСС. Т. 26. М., 1969. С. 218.

лению», свидетельством чего были уход из партий «строптивных» лидеров и скрытая фронда тех, кто продолжал считать себя лояльным Москве. Не было единства и внутри руководства РКП(б) — очевидный отход В.И. Ленина от активной политической деятельности порождал у его соратников естественное желание если не занять место вождя, то как минимум удержаться в его «близком кругу».

О порочности абсолютного доминирования большевиков в Коминтерне уже осенью 1920 г. заговорил Л.Д. Троцкий. Подчеркнув, что лозунг безоговорочной верности Москве, выдвинутый Коминтерном на Втором конгрессе, вполне справедлив, он решился сказать главное: «...лозунг этот ни в коем случае не может означать для сознательных рабочих других стран признания нашей организационной диктатуры над Интернационалом и международными профсоюзами»⁵⁹. Для иностранцев создатель Красной армии был и оставался «вторым номером» российской революции, и его вступление в ленинское наследство казалось само собой разумеющимся. Сам Л.Д. Троцкий отдавал себе отчет в том, какой политический капитал скрывался для него в международной поддержке, пусть даже со стороны одних только левых радикалов. Если на предыдущем конгрессе он ограничился одобрением поворота вправо, предпринятого В.И. Лениным, то на сей раз решил выйти на коминтерновскую авансцену.

Сохранилась его обширная переписка с «пятеркой», т.е. руководителями делегации РКП(б) на конгрессе. Кроме самого Л.Д. Троцкого и В.И. Ленина в нее входили Н.И. Бухарин, К. Радек и Г.Е. Зиновьев. Именно к последнему были обращены многочисленные идеи Л.Д. Троцкого, касавшиеся широкого круга вопросов (до того он как член ИККИ участвовал только в дискуссиях, связанных с французской компартией). Уже после доклада В.И. Ленина, который многим из делегатов показался разочаровывающим, Л.Д. Троцкий подготовил тезисы о перспективах социалистического строительства в Советской России, настаивая на их включении в итоговые резолюции конгресса⁶⁰.

В них не только подводились итоги пяти лет партийной диктатуры в РСФСР, но и намечались дальнейшие шаги ее социально-

⁵⁹ Письмо Троцкого членам Политбюро ЦК РКП(б) от 6 октября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 122. Л. 1–2.

⁶⁰ Троцкий Л.Д. Хозяйственное состояние Советской России с точки зрения задач социалистической революции. 18 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 156. Д. 59. Л. 84–92.

экономического развития. Автор тезисов сохранял уверенность в международном значении опыта НЭПа, подчеркивая, что «каждое новое рабочее правительство будет стремиться — в той мере, в какой это допускают политические условия, — не разрушать механически буржуазный хозяйственный аппарат, в том числе банки и биржи, а подчинить его себе политически и организационно овладеть им для постепенной перестройки хозяйства на новых началах».

Главный вывод тезисов стал своего рода «ледяным душем» для иностранных коммунистов: «Советской России предстоит своими силами строить свое хозяйство в течение еще очень значительного периода, необходимого для подготовки европейского пролетариата к завоеванию власти»⁶¹. Это означало закрепление поворота вправо, начатого Третьим конгрессом Коминтерна и подразумевавшего отказ от ставки на «последний и решительный бой» в ближайшей перспективе. Естественно, на основе подобного прагматичного подхода Л.Д. Троцкому трудно было мобилизовать своих сторонников в зарубежных компартиях, да такой задачи на тот момент он еще и не ставил перед собой. Однако не прошло и пяти лет, как в среде левых радикалов начала обсуждаться идея Четвертого интернационала, в очередной раз «очищенного от оппортунизма».

Документ Л.Д. Троцкого, до сего дня практически незамеченный историками, был не чем иным, как его заявкой на роль главного стратега, причем не столько в Коминтерне, сколько в партийном руководстве. Это прекрасно понял Г.Е. Зиновьев, не допустивший обсуждения представленных тезисов даже в «пятерке». Его ремарки на записках Л.Д. Троцкого показывают, насколько ревниво он относился к предложениям своего соратника, который буквально фонтанировал новыми идеями. Председатель Коминтерна был его полной противоположностью: если Л.Д. Троцкий явно переоценивал свой потенциал, во многом оставаясь «чужим среди своих», то Г.Е. Зиновьев испытывал комплекс неполноценности, выискивая в каждом выступлении лидеров иностранных компартий нападки на собственный авторитет⁶².

⁶¹ Там же. Л. 87, 92.

⁶² Письмо Зиновьева Мейеру от 1 декабря и ответ Мейера от 4 декабря 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 157. Д. 2. Л. 83–84, 85. Э. Мейер сообщил Правлению КППГ о том, что в ходе конгресса «не всё получалось», о чем представители ИККИ в Берлине тут же донесли Г. Зиновьеву.

К концу 1922 г., как показывает переписка вождей РКП(б), они еще держались вместе, продумывая свою стратегию в грядущей борьбе за ленинское наследие. Идейное наступление Л.Д. Троцкого за кулисами Четвертого конгресса еще не было открытым вызовом сталинско-зиновьевскому большинству, но оно предвосхищало тот разрыв, который случится осенью 1923 г. [Резник, 2017]⁶³. Логика внутривнутрипартийной борьбы вела к образованию неформальных групп и фракций — «троек», «семерок» и проч., и «пятерка» представителей РКП(б) в Коминтерне, ставшая фактическим режиссером его Четвертого конгресса, была первой ласточкой в процессе деградации «коллективного руководства». В этом плане можно сказать, что 1922 год стал самым спокойным не только для немецких коммунистов, но и для их российских единомышленников. Впереди у последних был затянувшийся период внутривнутрипартийной турбулентности, который завершился изгнанием из страны Л.Д. Троцкого, репрессиями против его соратников и установлением режима личной власти И.В. Сталина. Но это уже другая история.

Германская политика Коминтерна на исходе 1922 г.

Значение Четвертого конгресса, хотя он и не стал местом памяти международного коммунистического движения, до сих пор явно недооценено. Даже если абстрагироваться от разворачивавшегося конфликта в руководстве РКП(б), решения, принятые на этой встрече, предвосхитили дальнейшую перспективу эволюции Коммунистического интернационала. Так, в ходе конгресса впервые был поднят вопрос о будущей программе Коминтерна, политика единого рабочего фронта получила расширительное толкование, в лексикон коммунистов вошло понятие «рабоче-крестьянское правительство».

Спор Г.Е. Зиновьева и К. Радека вокруг его трактовки выглядел уже рутинной. Первый продолжал настаивать на том, что рабочее правительство является синонимом диктатуры пролетариата, второй утверждал, что данное понятие служит лишь одним из переходных этапов на пути к ней. Делегация РКП(б) на конгрессе поддержала последнюю точку зрения. Г.Е. Зиновьеву, чтобы не уронить свой авторитет, в заключительной речи пришлось выстраивать целую

⁶³ РКП(б): внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы: Документы и материалы 1923 г. М.: РОССПЭН, 2004.

иерархию вариантов рабочего правительства — от либеральных до «настоящих», т.е. с безусловным доминированием коммунистов.

В последнюю неделю работы конгресса (он завершился 5 декабря) его президиуму пришлось заняться решением вопроса, который не терпел отлагательства. Речь шла о политике саксонской организации КПП, от позиции которой зависела судьба регионального правительства, состоявшего из представителей СДПГ. Угроза присоединения к оппозиции буржуазных партий была для коммунистов важным инструментом подталкивания саксонских властей влево. Фракция КПП в земельном парламенте вопреки указаниям из Берлина несколько раз отказывалась от голосования против правительственных решений, предпочитая вести дело к его роспуску.

Досрочные выборы 5 ноября 1922 г. усилили позиции СДПГ и КПП в ландтаге, две партии получили 51 депутатский мандат из 96 [Reisberg, 1971: 598–614]. Впервые в истории идея образования правительства «по ту сторону от буржуазии» с соблюдением всех правил парламентской демократии получила шанс практического воплощения. Правление КПП одобрило участие земельной организации партии в переговорах об образовании рабочего кабинета министров, хотя и обставило его крайне жесткими условиями. Социал-демократы были вынуждены пойти на уступки, переговорщики находились в шаге от успеха.

Однако роковую роль сыграла политическая несамостоятельность немецкой секции Коминтерна. Окончательное решение следовало принять в Москве, куда и были направлены соответствующие просьбы. Уже в их формулировках было заметно желание перестраховаться, чтобы впоследствии не быть обвиненными в оппортунистических шатаниях. «У нас нет ни малейших сомнений в том, что социал-демократы хотят образовать правительство вместе с нами, чтобы в решающий момент нас предать», — писали лидеры КПП⁶⁴.

Запросы из Лейпцига и Берлина пришли в Москву в крайне неудачный момент: Четвертый конгресс продолжал свою работу, выборы нового Исполкома еще не состоялись. Сославшись на нехватку информации, президиум конгресса не принял никакого решения, а во время встречи делегаций РКП(б) и КПП В.И. Ленин посчитал образование такого правительства на региональном уровне преждевременным. Это лишь усилило неуверенность у членов Правления

⁶⁴ Письмо Пауля Бетхера в ИККИ от 22 ноября 1922 г. Цит. по: [Reisberg, 1971: 608].

КПГ: дав 29 ноября согласие на поддержку коммунистами премьер-министра от социал-демократов (им стал, как и ранее, Т. Бук), они выступили против вхождения последних в правительство, чтобы компартия не выглядела перед рабочими как пособница соглашателей и оппортунистов. Такое решение меньше всего учитывало интересы саксонских пролетариев, но гораздо важнее было не навлечь на себя недовольство Москвы. И в данном случае партийные лидеры угадали: их догматическая принципиальность получила положительную оценку в Исполкоме Коминтерна.

На Двенадцатом съезде РКП(б) Н.И. Бухарин, говоря о рабоче-крестьянском правительстве и тех, кто допускает ошибки в борьбе за него, обратился к саксонскому примеру. «Есть еще такой уклончик, который можно определить как недооценку возможности скомпрометировать лозунг рабочего правительства, осуществляя его в неудачный момент. Мы с немецкими товарищами спорили на IV конгрессе Коминтерна по поводу вхождения в саксонское правительство. Мы могли туда войти. Но там нас придушили бы, и мы либо не вовремя начали бы борьбу, либо вынуждены были бы сделать социал-демократам уступки, либо выйти из правительства, что, несомненно, скомпрометировало бы лозунг рабочего правительства»⁶⁵.

Эксперимент с образованием правительства из СДПГ и КПГ, пусть даже закончившийся безрезультатно, перебрасывал для Коминтерна мостик к следующему календарному году. В октябре 1923 г. после образования коалиционного правительства Саксонии с участием коммунистов и социал-демократов Германия в последний раз стала полигоном пролетарской революции по большевистскому лекалу [Deutscher Oktober 1923, 2003].

Подводя итоги

Термин «стабилизация» в 1922 г. еще не вошел в обиход Коминтерна, хотя он как нельзя лучше подходил для общей оценки ситуации в европейских странах, включая Советскую Россию. Вернувшись в Германию 17 декабря 1922 г. после антивоенного конгресса в Гааге, организованного Амстердамским интернационалом, К. Радек писал членам Политбюро о том, как видели новую эпоху и место в ней России зарубежные социалисты. «Они убеждены, что период

⁶⁵ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. М., 1968. С. 288.

революции окончен, что Советская Россия поворачивает направо и что РКП повернет направо. Так же, как Ллойд Джордж надеялся ускорить эволюцию Советской России допущением ее в так называемую семью наций, само собой понятно, после периода исправления, так же они надеются способствовать поправению русских рабочих, допуская их на международные съезды <...>. Трульстра [один из лидеров голландской социал-демократии] рассказал публично, что мы должны побывать в карантине.

Доказательством для них нашего исправления должно быть прекращение с нашей стороны травли вождей. Раз мы это сделаем, то ясно, что мы возвращаемся к корыту и будем играть роль смиренного левого крыла, которое принимает во внимание и отклоняет, но вообще никому не мешает. Так как элемент их самочувствия имеет значение и для нас, то я считаю, что, продолжая еще более настойчиво тактику единого фронта, мы должны усилить их травлю»⁶⁶. Коротая дни в Берлине, перед тем как выехать в Норвегию, К. Радек имел возможность поразмыслить о новых угрозах, которые несла с собой послереволюционная эпоха. Для него прошедшие годы стали крахом надежд не на мировую революцию, а на реформы, завоеванные демократическим путем.

23 декабря 1922 г. он писал Г.Е. Зиновьеву, что немецкая социал-демократия, уступившая лидерство буржуазным партиям, вполне мертва, а значит, у правящих кругов Запада не осталось надежд на демократические методы правления. Для того чтобы удержать рабочий класс в повиновении, они от пряника обратятся к кнуту, и «в связи с этим я считаю опасность фашизма в Германии совершенно реальной». Автор письма справедливо отметил, что нацисты обратили свое внимание на рабочий класс, демонстрируя среди прочего и свое пролетарское происхождение («глава баварских фашистов Киттлер — бывший рабочий маляр», продолжал К. Радек, издеваясь над художественными поисками раннего А. Гитлера)⁶⁷.

Исполком Коминтерна на своем первом заседании в 1923 г. признал, что алгоритм дальнейших событий в Европе задан победой партии Б. Муссолини в Италии⁶⁸, которая рано или поздно найдет свое повторение и в других странах. Фашисты поставят под во-

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 3. Д. 456. Л. 100–101.

⁶⁷ Там же. Ф. 326. Оп. 2. Д. 21. Л. 13.

⁶⁸ В прениях на заседании ИККИ 3 января 1923 г. выступал Антонио Грамши, который в 1922 г. являлся представителем Итальянской коммунистической партии в

прос незыблемость Версальской системы и заставят потесниться либеральную буржуазию, однако это не должно быть поводом для злорадства коммунистов. В русле политики единого рабочего фронта ИККИ в тот же день принял решение о создании международного Фонда борьбы против фашизма, предложив Лондонскому и Амстердамскому интернационалам разработать совместную программу антифашистских действий.

Как и другие политические силы, Коммунистический интернационал ощупью двигался к пониманию сущности такого политического феномена, как фашизм. Трудно обвинять политических деятелей прошлого в том, что они не обладали даром предвидения. Но следовало как минимум помнить об уроках истории и прежде всего о попытке наладить политическое сотрудничество трех рабочих Интернационалов весной 1922 г. Пройдет еще десять лет, и Германия погрузится в пучину нацистского варварства, заставив Коминтерн отказаться от ставки на захват власти коммунистами и вернуться к политике единого антифашистского фронта, на сей раз включившего и либеральные партии.

Декабрь 1922 г. стал не только временем завершения работы Четвертого конгресса Коминтерна, но и датой появления на осколках Российской империи нового государства — СССР. Дискуссии о его внутреннем устройстве и названии несли на себе отпечаток курса на мировую революцию, ставшего идейным стержнем международного коммунистического движения. Свою заключительную речь на Учредительном конгрессе Коминтерна в марте 1919 г. В.И. Ленин завершил словами: «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной советской республики»⁶⁹.

На последующих форумах речь шла уже о Союзе советских социалистических республик мира, который придет на смену Соединенным штатам Европы как объединению империалистических держав для дележки неподконтрольной им земной суши⁷⁰. Это видение будущего, подразумевавшее победу пролетарских революций

Коминтерне. Впоследствии он стал одним из самых знаменитых политзаключенных фашистского режима в Италии. См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 65. Л. 27–28.

⁶⁹ Первый конгресс Коминтерна, март 1919 г. М., 1933. С. 169.

⁷⁰ Следует отметить, что изначально лозунг «Соединенные штаты Европы» имел позитивное звучание для марксистски ориентированных социалистов, однако был отвергнут большевиками в годы Первой мировой войны. См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 26. С. 351–355.

в большинстве стран планеты, и перешло в название государства, просуществовавшего с 1922 по 1991 г. В аббревиатуре СССР отсутствовало слово «Россия», что символизировало установку на отречение от «старого мира», как пелось в рабочей Марсельезе, весной 1917 г. ставшей гимном российской революции. Лишь после победы сталинской концепции «построения социализма в одной стране» о всемирном Союзе советских республик в реально существовавшем СССР стали постепенно забывать⁷¹.

История учит, что, как поется в известной песне, «ничто на Земле не проходит бесследно». Биполярная система международных отношений оформилась в заданной Коминтерном тональности глобального противостояния двух мировых систем. Сам Коммунистический интернационал, распущенный в 1943 г., не дожидаясь этого момента, однако эхо его идейных наработок еще долго звучало и в общественных дискуссиях, и в дипломатических спорах эпохи холодной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генеу и Гааге в 1922 г.: взгляд из Кремля. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
2. Ватлин А.Ю. Новые данные о взаимоотношениях трех Интернационалов 1919–1922 // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 35–56.
3. Ватлин А.Ю. Рождение политики единого фронта: «русское измерение» // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 1. С. 148–166.
4. Время Коминтерна: Материалы международных научных конференций к 100-летию Коммунистического Интернационала М.: ГПИИБ, 2020.
5. Горлов С.А. Совершенно секретно: альянс Москва–Берлин, 1920–1933 гг. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
6. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М.: Политиздат, 1969.

⁷¹ Одно из последних упоминаний этой идеи (хотя и урезанной до масштабов Европейского континента) содержится в проекте программы Коминтерна, подготовленном Н.И. Бухариным весной 1928 г.: «Раздробление Европы, ее относительный упадок по сравнению с мощным и вооруженным до зубов американским империализмом, назревание пролетарского кризиса именно в Европе, все это делает необходимым лозунг Социалистических Советских Соединенных Штатов Европы, как переход к европейско-азиатскому, а затем и мировому Союзу пролетарских государств». См.: РГАСПИ. Ф. 493. Оп. 1. Д. 42. Л. 48. В окончательный вариант программы, принятый Шестым конгрессом Коминтерна, это положение не вошло.

7. Левая альтернатива в XX веке: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна: Сборник докладов Международной научной конференции. Москва, 26–28 июня 2019 г. / Отв. ред. А.К. Сорокин. М.: РОССПЭН, 2020.

8. Макдермотт К., Агню Дж. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО-XX, 2000.

9. Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005.

10. Резник А.В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП(б), 1923–1924. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

11. Фирсов Ф.И. К вопросу о тактике единого фронта в 1921–1924 гг. // Вопросы истории КПСС. 1987. № 10. С. 113–127.

12. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.

13. Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern / von B. Bayerlein, L. Babichenko, F. Firsov, A. Vatlin. Berlin, 2003.

14. Gumbel E.J. Vier Jahre politischer Mord. Berlin-Fichtenau: Verlag der Neuen Gesellschaft, 1922.

15. Gruber H. Soviet Russia masters the Comintern. New York: Doubleday, 1974.

16. Reisberg A. An den Quellen der Einheitsfrontpolitik. Bd. 1. Berlin: Dietz, 1971.

17. Retzlaw K. Spartacus. Erinnerungen eines Parteiarbeiters. Frankfurt am Main: Verlag Neue Kritik, 1976.

18. Schoeler U. Otto Bauer und Sowjetrussland. Berlin (West): DVK-Verlag, 1987.

19. Studer B. The transnational world of the Cominternians. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2015.

20. Winkler H.A. Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924. Berlin, Bonn: Verlag J.H.W. Dietz, 1984.

REFERENCES

1. Bystrova N.E. 2020. *Sovetskaya Rossiya na konferentsiyakh v Genue i Gaage v 1922 g.: vzglyad iz Kremlya* [Soviet Russia at the 1922 Genoa and the Hague conferences: A view from the Kremlin]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

2. Vatlin A.Yu. 1993. Novye dannye o vzaimootnosheniyakh trekh Internatsionalov 1919–1922 [New data on the relations between the three Internationals 1919–1922]. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 35–56. (In Russ.)

3. Vatlin A.Yu. 1990. Rozhdenie politiki edinogo fronta: ‘russkoe izmerenie’ [The formation of the United Front Policy: The ‘Russian dimension’]. *Rabochii klass i sovremennyi mir*, no. 1, pp. 148–166. (In Russ.)

4. *Vremya Komintern: materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii k 100-letiyu Kommunisticheskogo Internatsionala* [The time of the Comintern: Proceedings of international scientific conferences on the 100th anniversary of the Communist International]. 2020. Moscow, GPIB Publ. (In Russ.)

5. Gorlov S.A. 2001. *Sovershenno sekretno: al’yans Moskva–Berlin, 1920–1933 gg.* [Top secret: The Moscow-Berlin alliance, 1920–1933]. Moscow, OLMA-Press Publ. (In Russ.)

6. *Kommunisticheskii Internatsional. Kratkii istoricheskii ocherk* [Communist International. A historical essay]. 1969. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

7. Sorokin A.K. (ed.). 2020. *Levaya al’ternativa v XX veke: drama idei i sud’by lyudei. K 100-letiyu Komintern* [The left alternative in the 20th century: The drama of ideas and the fates of people. On the 100th anniversary of the Comintern]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

8. McDermott K., Agnew J. 1997. *The Comintern: A history of international Communism from Lenin to Stalin*. New York, St. Martin’s Press [Russ. ed: Makdermott K., Agnyu Dzh. 2000. *Komintern. Istoriya mezhdunarodnogo kommunizma ot Lenina do Stalina*. Moscow, AIRO-XX Publ.].

9. Morozov K.N. 2005. *Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [Trial of Socialist-Revolutionaries and aprison standoff (1922–1926): Ethics and tactics of confrontation]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

10. Reznik A.V. 2017. *Trotskii i tovarishchi: levaya oppozitsiya i politicheskaya kul’tura RKP(b), 1923–1924* [Trotsky and comrades: The left opposition and the political culture of the RCP(b), 1923–1924]. Saint Petersburg, EUSP Publ. (In Russ.)

11. Firsov F.I. 1987. *K voprosu o taktike edinogo fronta v 1921–1924 gg.* [On the tactics of the united front in 1921–1924]. *Voprosy istorii KPSS*, no. 10, pp. 113–127.

12. Shishkin V.A. 2002. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevolutsionnoi Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskii mir: ot revolyutsionnogo ‘zapadnichestva’ k ‘natsional-bol’shevizmu’* [The formation of the foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930) and the capitalist world: From revolutionary ‘Westernism’ to ‘national Bolshevism’]. Saint Peterdurg, Dmitry Bulanin Publ. (In Russ.)

13. Bayerlein von B., Babichenko L., Firsov F., Vatlin A. (eds.). 2003. *Deutscher Oktober 1923. Ein Revolutionsplan und sein Scheitern*. Berlin, Aufbau-Verlag.

14. Gumbel E.J. 1922. *Vier Jahre politischer Mord*. Berlin-Fichtenau, Verlag der Neuen Gesellschaft.
15. Gruber H. 1974. *Soviet Russia masters the Comintern*. New York, Doubleday.
16. Reisberg A. 1971. *An den Quellen der Einheitsfrontpolitik. Bd. 1*. Berlin, Dietz.
17. Retzlaw K. 1976. *Spartacus. Erinnerungen eines Parteiarbeiters*. Frankfurt am Main, Verlag Neue Kritik.
18. Schoeler U. 1987. *Otto Bauer und Sowjetrussland*. Berlin (West), DVK-Verlag.
19. Studer B. 2015. *The transnational world of the Cominternians*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, Palgrave Macmillan.
20. Winkler H.A. 1984. *Von der Revolution zur Stabilisierung. Arbeiter und Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik 1918 bis 1924*. Berlin, Bonn, Verlag J.H.W. Dietz.

Статья поступила в редакцию 28.07.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 28.07.2022

The paper was submitted 28.07.2021; approved after reviewing 17.12.2021; accepted for publication 28.07.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-88-127

Научная статья / Research paper

Е.Ю. Сергеев*

СОВЕТСКАЯ И БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ НАКАНУНЕ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
125993, Москва, Миусская пл., 6*

Образование СССР в декабре 1922 г. стало этапным событием не только с точки зрения предшествовавшей ему напряженной внутривнутриполитической борьбы, но и в контексте дипломатических усилий по нормализации международных отношений после мировой войны и российской революции. В случае Советской России последнее предполагало необходимость выхода из внешнеполитической изоляции и экономической блокады, которая подталкивала советских лидеров к активизации усилий по восстановлению экономических и политических связей с государствами Запада после Гражданской войны и интервенции. Статья посвящена оценке перипетий взаимодействия советской и британской дипломатии на основных международных конференциях 1922 г. — Генуэзской, Гаагской и Лозаннской. Используя материалы российских и британских архивов, а также воспоминания участников, их служебную и личную переписку, автор подробно анализирует достижения и просчеты Москвы и Лондона в процессе стабилизации Версальско-Вашингтонского миропорядка в ходе подготовки и проведения указанных конференций. Как отмечает автор, Кремлю удалось подготовить почву для дипломатического признания большевистского режима ведущими державами и принять участие в обсуждении режима судоходства в Черноморских проливах, тогда как Уайтхолл сумел укрепить имперские позиции не только в Европе, но и на Ближнем Востоке, хотя перспектива сближения Москвы с Берлином и Анкарой продолжала серьезно беспокоить британское

* *Сергеев Евгений Юрьевич* — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com).

внешнеполитическое ведомство. В ходе рассмотренных международных конференций, однако, не нашла своего решения проблема российских долгов, которая препятствовала полной нормализации двусторонних отношений. В качестве значимых факторов, которые сказались на итогах конференций, автор называет отсутствие консолидированного внешнеполитического курса как у большевистского руководства, так и у британского правительства, неготовность западных дипломатов отказаться от стереотипов восприятия большевиков, а также возникновение опасной для Версальско-Вашингтонского порядка тенденции к сближению государств, проигравших Первую мировую войну, с так называемыми странами-ревизионистами, не признавшими ее итоги. Оценивая результаты дипломатического состязания Москвы и Лондона, автор отмечает, что конференции предоставили сторонам неопределимый опыт обсуждения ключевых проблем не только двусторонних, но и общеевропейских отношений и могут считаться знаковым этапом в процессе перехода от периода конфронтации к попыткам выстраивания конструктивного взаимодействия.

Ключевые слова: советско-британские отношения, Генуэзская конференция, Гагская конференция, Лозаннская конференция, послевоенное восстановление, интервенция, мирное сосуществование, долги царского правительства, Черноморские проливы, В.И. Ленин, Г.В. Чичерин, Л.Б. Красин, Д. Ллойд Джордж, Дж. Кёрзон.

Для цитирования: Сергеев Е.Ю. Советская и британская дипломатия на международных конференциях накануне образования СССР // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 88–127. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-88-127.

Evgeny Yu. Sergeev

**SOVIET AND BRITISH DIPLOMACY
AT INTERNATIONAL CONFERENCES
ON THE EVE OF THE FORMATION OF THE USSR**

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
32A Leninskii prospekt, Moscow, 119334
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya sq., Moscow, 125993*

The paper examines the formation of the Soviet state and its place within the European international relations system in the first half of the 1920s both in the context of new principles of interstate and economic interactions and geo-

political transformations triggered by the First World War. In the case of Soviet Russia, the latter implied the need to break international isolation and economic blockade which pushed Soviet leaders to intensify efforts to restore economic and political ties with the Western states after the Civil War and intervention. The paper focuses on the peripeteias of interaction between the Soviet and British diplomacy at the key international summits of 1922 — the Genoa, the Hague, and the Lausanne conferences. Drawing on a wide range of primary sources from the Russian and British archives, as well as the memoirs of the participants, their official and personal correspondence, the author examines the achievements and miscalculations of Moscow and London in attempts to stabilize the Versailles-Washington world order on the eve and during these conferences. The author emphasizes that the Kremlin managed to pave the way for the diplomatic recognition of the Bolshevik regime by the leading powers and to take part in the discussion on Black Sea straits regime, while Whitehall managed to strengthen imperial positions both in Europe and in the Middle East, although the prospects of rapprochement between Moscow and Berlin and Ankara remained a major concern for the Foreign Office. However, these conferences failed to address the issue of Russian debts and it continued to be an obstacle to the normalization of bilateral relations. The author highlights a number of other significant factors that affected the outcomes of the conferences: the lack of a coordinated foreign policy approaches both among the Bolsheviks and within the British government, the persistence of stereotypes about the Bolsheviks, as well as an emerging trend towards rapprochement between the vanquished and the revisionist states which was particularly dangerous for the Versailles-Washington order. As for the outcomes of the diplomatic rivalry between Moscow and London, the author concludes that these conferences provided the parties with an invaluable opportunity to discuss the key issues of bilateral relations and European big politics and can rightfully be considered an important step in the development of the post-war international relations from confrontation to constructive interaction.

Keywords: Soviet-British relations, Genoa Conference, the Hague Conference, Lausanne Conference, post-war reconstruction, intervention, peaceful coexistence, debts of the tsarist government, Black Sea Straits, Lenin, Chicherin, Krasin, Lloyd George, Curzon.

About the author: *Evgeny Yu. Sergeev* — Doctor of Science (History), Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Science; Professor, Russian State University for the Humanities and the State Academic University for the Humanities (e-mail: eugene.sergeev59@gmail.com).

For citation: Sergeev E.Yu. 2022. Soviet and British diplomacy at international conferences on the eve of the formation of the USSR. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 88–127. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-88-127. (In Russ.)

1922 год занимает особое место в истории международных отношений и внешней политики большевистской России. Окончание Гражданской войны, переход к новой экономической политике и дальнейшее укрепление советского режима обусловили серию шагов Кремля на мировой арене, подготовивших дипломатическое признание СССР ведущими государствами спустя два года.

В этом контексте необходимо обратить внимание на развитие отношений Москвы и Лондона, поскольку Британская империя и Советский Союз являлись крупнейшими по территории государственными образованиями, игравшими важную роль в решении большинства ключевых проблем. Можно с полным основанием констатировать, что именно в 1922 г. советские и британские дипломаты впервые «скрестили шпаги» на нескольких международных конференциях, центральное место среди которых заняли переговоры в Генуе, Гааге и Лозанне.

За прошедшие десятилетия было опубликовано немало исследований отечественных и зарубежных специалистов, посвященных работе этих форумов. Однако в 1920–1930-е годы они в значительной мере носили пропагандистский характер, особенно со стороны советских историков международных отношений¹. На протяжении холодной войны историография указанных конференций пополнилась новыми трудами, которые, в отличие от предыдущего периода, базировались не столько на официальных отчетах участников, стенограммах заседаний парламента и публикациях СМИ, сколько на увидевшей свет дипломатической переписке, а также на некоторых архивных материалах, ставших доступными для исследователей как в европейских странах, так и в СССР. Кроме того, с 1950–1960-х годов авторы монографий и статей стали активно использовать интервью с еще оставшимися в живых участниками событий и мемуарную литературу, объем которой постоянно возрастал. Однако идеологемы и стереотипы эпохи противостояния Востока и Запада оказали заметное влияние на интерпретацию большинства эпизодов дипломатического взаимодействия держав, выдвинув на первый план моменты противоборства и заглушив тенденции к сотрудничеству, в котором были заинтересованы все государства Старого Света, не

¹ Упомянем наиболее содержательные работы в контексте советско-британских отношений: [Иоффе, 1922; Преображенский, 1922; Штейн, 1922a, 1922b; Майский, 1923: 115–129; Dennis, 1924: 222–233; Nicolson, 1926: 187–213; Ronaldshay, 1928: 322–343].

исключая Советскую Россию [Лемин, 1947: 335–346; Fischer, 1951: 318–372, 403–414; Рубинштейн, 1953: 199–382; Owen, 1954: 615–620; Ивашин, 1958: 92–117; Выгодский, 1965: 189–260; Roskill, 1972: 266–276; Чубарьян, 1972: 217–229, 239–243, 251–282; Bush, 1976: 359–389; Волков, 1980: 169–209; Dockrill, Goold, 1981: 236–247; White, 1985].

Новый этап изучения конгрессов в Генуе, Гааге и Лозанне наступил в конце XX — начале XXI в., когда после окончания холодной войны исследователи руководствовались научной объективностью, позволившей интерпретировать интересующие нас конференции с максимальной детализацией [Williams, 1992: 64–71; Fink, 1993; Gilmore, 1994: 557–567; Goekay, 1997: 145–156; Orde, 2002: 183–207; Шишкин, 2002: 135–151; Goldstein, 2003; Salzmann, 2003: 7–32; Макаренко, 2003; Фомин, 2010: 396–427; Carley, 2014: 55–65; Macmeekin, 2015: 483–495; Катасонов, 2015; Сергеев, 2019: 371–432; Быстрова, 2020; Хормач, 2020]. Позитивным изменениям в немалой степени способствовали долгожданное открытие архивных фондов, развитие международного научного обмена в рамках исторических конференций, а также появление возможности проведения информационного поиска в зарубежных исследовательских центрах [подробнее см.: Hartley, 1987; Johnson, 1991].

Характеризуя подготовку, участие делегаций и итоги рассматриваемых форумов, специалисты высказывали различные мнения, которые в целом можно свести к двум концептуальным установкам. Первая, сформулированная главным образом советскими историками, заключается в том, что конференции стали безусловным успехом большевистской дипломатии, представителям которой, прежде всего в лице главы Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) Г.В. Чичерина, его заместителя М.М. Литвинова и наркома внешней торговли Л.Б. Красина, удалось сорвать попытки западных делегаций навязать Москве устраивавшую их схему погашения кредитов и выплаты задолженности. Согласно этой точке зрения большевистские представители переиграли многоопытных лидеров стран Антанты, включая таких асов внешней политики, как британский премьер Д. Ллойд Джордж и глава Форин офис Дж. Керзон. И хотя все указанные конференции завершились не в пользу Москвы, прошедшую «разведку боем» следовало рассматривать как удачный опыт реализации принципов мирного сосуществования государств с различными политическими системами.

Иная точка зрения раскрыта преимущественно в англо-американской историографии 1960–1980-х годов. Ее суть определяется критическим отношением к попыткам Д. Ллойд Джорджа сначала экономически, а затем и политически инкорпорировать Советскую Россию в Версальский мировой порядок. Большинство зарубежных авторов подчеркивают нереалистичность этих планов, указывая на авантюризм британского премьера в стремлении «приручить и цивилизовать» большевистское руководство, не способное, как показали итоги конференций, отказаться от идеи мировой революции ради нормализации отношений с коллективным Западом.

Вместе с тем в последние два десятилетия наметились более нюансированные подходы к оценке Генуи, Гааги и Лозанны, хотя вплоть до настоящего времени в историографии отсутствуют работы, специально посвященные теме дипломатического взаимодействия Москвы и Лондона на указанных конференциях, а в недавно опубликованной капитальной истории внешней политики Великобритании интересующей нас тематике отведено всего две-три страницы, несмотря на то что Соединенное Королевство и РСФСР выступали ключевыми игроками на международной арене 1920-х годов [Капитонова, Романова, 2016: 313, 318–320].

В этой связи автор статьи видит свою задачу в рассмотрении важнейших тенденций, характерных для советско-британского дискурса первой половины 1920-х годов, а также в изучении достижений и просчетов обеих стран на пути к нормализации после турбулентности мировой войны, российской революции и иностранной интервенции. Основная цель исследования, актуальность которого обусловлена сегодняшними коллизиями двусторонних отношений, состоит в поиске ответа на вопрос: можно ли говорить о том, что большевистская дипломатия упустила реальный шанс скорейшего окончания противостояния с Великобританией и другими странами Антанты? Ведь успех перечисленных конференций мог с точки зрения внешней политики привести к реинтеграции России в «концерт держав», а экономически — способствовать формированию смешанной, государственно-частной экономики с использованием западных кредитов и займов. Новизна работы определяется тем обстоятельством, что автор уделяет первостепенное внимание компаративному изучению российских и британских архивных документов, а также источников личного происхождения, ранее недоступных либо остававшихся вне поля зрения специалистов.

Подготовка Генуэзской конференции

Внешнеполитическая изоляция и экономическая блокада толкали советских лидеров к новым попыткам восстановления экономических, а если получится — и политических связей с государствами Запада, прерванных Гражданской войной и интервенцией. НКВД активно зондировал этот вопрос в связи с отправкой западными правительственными и общественными организациями гуманитарной помощи РСФСР, многие регионы которой были охвачены массовым голодом. Так, 4 сентября 1921 г. Г.В. Чичерин телеграфировал дипломатическому агенту в Лондоне Я.А. Берзину о необходимости добиться приема у Д. Ллойд Джорджа и заявить премьеру о возможном согласии Москвы погасить долговые обязательства царского и Временного правительств взамен на признание большевистского режима де-юре и предоставление ему кредитов на условиях, требующих согласования в рамках специальной конференции². По всей вероятности, это предложение открыло для британского правительства перспективу организации международного экономического форума с участием Советской России.

Инициатива Г.В. Чичерина обсуждалась на полях Брюссельского совещания членов Верховного экономического совета Антанты 6–8 октября 1921 г. Заметим, что определенное впечатление на Д. Ллойд Джорджа также произвела речь главы советского правительства В.И. Ленина на Втором Всероссийском съезде политпросветов 17 октября того же года, в которой вождь допустил элементы капитализма в советской экономике на этапе послевоенного восстановления³. Аналогичным образом истеблишмент Запада воспринял декреты Совета народных комиссаров (СНК) о внесении поправок в законодательство, согласно которым реквизиции и конфискации можно было производить только по решению суда, и о начале реформы национальной денежной системы: в отличие от периода «военного коммунизма», она признавалась теперь важнейшим элементом российской экономики⁴. 19 ноября газета

² Чичерин — Берзину, 4 сентября 1921 г. // Документы внешней политики (ДВП) СССР / Отв. ред. А.А. Громько. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1960. С. 306.

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений (ПСС): В 55 т. Т. 44. М.: Госполитиздат, 1970. С. 155–175. Также см.: [White, 1985: 30].

⁴ Hodgson to Curzon, 22 November. 1 December 1921 // The National Archives of the United Kingdom (TNA). Foreign Office (FO) 418/56. Ff. 199–202, 215–216.

«The Times» писала, что «вопрос состоит только в отыскании подходящей формулировки для возвращения России к капитализму», а 2 декабря она же констатировала, что «коммунистический эксперимент в России подошел к концу» [цит. по: White, 1985: 30].

Тем временем 27 октября Г.В. Чичерин направил Дж. Кёрзону официальную ноту, в которой выражалась готовность советского правительства «признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключенным царским правительством до 1914 г., при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих практическую возможность выполнения этих обязательств». В ответ глава Форин офис выразил удовлетворение модификацией прежде негативной позиции Москвы относительно возврата долгов, хотя и попросил уточнить, касается ли это всех финансовых обязательств России, включая выплату компенсации бывшим иностранным собственникам, имущество которых подверглось конфискации или разграблению⁵.

26 ноября фактический полпред в Лондоне Л.Б. Красин сообщил Г.В. Чичерину об упорном молчании британского правительства относительно дальнейших намерений в урегулировании «русского вопроса». Причинами такой паузы, по мнению представителя РСФСР на берегах Темзы, выступали проведение Вашингтонской конференции, занятость Уайтхолла разрешением ирландской проблемы, а также разногласия Великобритании и Франции по урегулированию греко-турецкого конфликта. Но главным затруднением, как подчеркивал Л.Б. Красин, выступала совершенная неспособность советского правительства «организовать труд и производство таким образом, чтобы они давали избыток, необходимый для начатия [так в документе] уплаты по долгам». Полпред указывал, что на Западе сохранялись опасения нецелевого использования кредитов большевистским руководством либо банального их разворовывания кремлевской бюрократией⁶.

⁵ Chicherin to Curzon. 28 October 1921 // Great Britain. Foreign Office. Correspondence with M. Krassin respecting Russia's Foreign Indebtedness. Russia 1921. No. 3. Cmd 1546. London: HMSO, 1921. P. 3–5; Curzon to Krassin. 1 November 1921 // Ibid. P. 5–6; Чичерин — Красину (для передачи Кёрзону). 27 октября 1921 г. // ДВП СССР. Т. 4. С. 492–493.

⁶ Красин — Чичерину. 26 ноября 1921 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 1–4.

Стремясь побудить Уайтхолл к дальнейшим переговорам, Л.Б. Красин 29 ноября 1921 г. дал интервью группе лидеров Британского конгресса тред-юнионов (БКТ), которое было напечатано на страницах одной из пропагандистских брошюр Национального комитета «Руки прочь от России»⁷. В частности, он отметил, что «признание Великобританией Советской России де-юре оказало бы решающее влияние на отказ Запада от интервенционистской политики в этой стране». Обещание «пряника» для Лондона содержало заявление Л.Б. Красина о том, что «в случае возобновления нормальных политических отношений между Россией и Великобританией первоочередная задача состояла бы в выработке с помощью Великобритании плана экономического возрождения России», для чего, по словам представителя Москвы, советское правительство могло бы предоставить концессионные гарантии под английский заем⁸.

14 декабря 1921 г. в субсидируемой большевиками британской газете «Daily Herald» появилась статья, автор которой под псевдонимом «Политикус» выступил с предложением организовать европейскую экономическую конференцию. Тем самым Москва провела зондаж общественного мнения относительно этой идеи. Тогда же Д. Ллойд Джордж вместе с министром торговли Р. Хорном в беседе с Л.Б. Красиным затронул вопрос о создании синдиката крупных финансовых компаний из Великобритании, Франции и Германии для «помощи Советской России», которая могла бы состоять из иностранных капиталовложений в промышленность и сельское хозяйство при условии контроля инвесторов над значимыми железнодорожными магистралями [Coates, Coates, 1943: 64–65; Orde, 2002: 177].

В ответ дипломатический представитель РСФСР на берегах Темзы поставил условием начала деятельности синдиката официальное признание Лондоном большевистского правительства⁹. По прошествии десяти дней Л.Б. Красин фактически поддержал эту идею, выступив хотя бы за частичное признание долгов в обмен на установление полномасштабных дипломатических отношений и оказание финансовой помощи¹⁰. «Непризнание советского правительства является сейчас тем тупиком, в который уперлась вся

⁷ Trade with Russia. The facts. London: S.P., 1921.

⁸ Ответы Красина на вопросы группы руководящих деятелей лейбористского движения. 29 ноября 1921 г. // ДВП СССР. Т. 4. С. 547–557.

⁹ Красин — Чичерину. 17 декабря 1921 г. // Там же. С. 579–582.

¹⁰ Красин — Чичерину. 28 декабря 1921 г. // Там же. С. 605–606.

наша внешняя политика, а равно вопрос содействия восстановлению экономической жизни России, — подчеркнул нарком внешней торговли в телеграмме Г.В. Чичерину после состоявшейся в канун нового 1922 г. еще одной неофициальной встречи с Д. Ллойд Джорджем и Р. Хорном. — Опыт показал, что никаких крупных концессий, денежных сделок и т.п. мы не сможем с западным капиталом заключить, пока из этого тупика не выберемся. Единственным препятствием для претворения в жизнь идеи международного синдиката, по мнению Л.Б. Красина, был его корпоративный, а не государственный характер¹¹.

Будучи воодушевленным наметившейся среди большевистского руководства тенденцией к компромиссу, Д. Ллойд Джордж выступил с проектом резолюции о созыве экономического форума по проблемам реконструкции Европы на встрече членов Верховного военного совета Антанты во французских Каннах 6 января 1922 г. Цель британского премьера состояла в инициации процесса восстановления связей с Веймарской Германией и особенно Советской Россией, руководство которой провозгласило «новую экономическую политику» (НЭП), расцененную многими на Западе как неизбежное возвращение к рыночному хозяйству. Неслучайно поэтому в резолюции, одобренной представителями Антанты, говорилось о «совместных усилиях наиболее мощных государств, необходимых для восстановления жизнеспособности европейской системы, ныне парализованной. Эти усилия должны быть направлены к ликвидации всех препятствий, затрудняющих торговлю». При этом важнейшим условием приглашения национальных делегаций для участия в форуме объявлялось их согласие погасить взаимные финансовые обязательства, соблюдать четкие законодательные нормы в отношении имущественных прав граждан, а также отказаться от враждебных действий друг против друга, включая пропаганду [Штейн, 1922b: 3].

Спустя четыре дня официальный запрос организаторов был направлен в Москву, а на следующий день принципы, указанные в Каннской резолюции, получили законченную формулировку [Штейн, 1922b: 5, 28–29]. 17 января возможность прибытия делегации

¹¹ Красин — Чичерину. 31 декабря 1921 г. // АВП РФ. Ф. 4. Оп. 4. П. 19. Д. 268. Л. 60–70; Красин — Чичерину. 31 декабря 1921 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 29. Л. 160–169.

РСФСР на конференцию Л.Б. Красин обсуждал с экономическим советником британского премьер-министра Э. Уайзом, который подчеркнул желательность встречи с В.И. Лениным для предметного обсуждения международных проблем¹².

Местом проведения форума в результате длительной дискуссии была выбрана Генуя, так как первоначальная идея собраться в Женеве не устраивала Москву и Берлин из-за нахождения в этом городе штаб-квартиры Лиги Наций, членами которой Советская Россия и Германия в то время не являлись. Вместе с тем предложение Кремля встретиться в Лондоне также не было поддержано — на этот раз со стороны Франции и Бельгии, испытывавших давление британского Кабинета по вопросу германских репараций. После некоторых размышлений большевистское руководство позитивно откликнулось на инициативу Верховного военного совета Антанты, хотя идея распространить приглашение и на Турцию, единственного союзника Москвы в тогдашней Европе, была отвергнута Д. Ллойд Джорджем и Дж. Кёрзоном, которые стремились представить созов конференции как результат коллективных усилий союзников¹³.

27 января 1922 г. Г.В. Чичерин на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) подчеркнул значимость нормализации отношений с Великобританией. «На берегах Темзы, — отметил он, — сосредоточилась вся политическая мудрость капиталистического мира. Государственные люди Темзы умеют видеть далеко и обладают тонким чутьем по отношению к поднимающимся новым силам». И далее, отдавая должное главе Кабинета, нарком заявил, что «вступить в соглашение с новой исторической силой, чтобы ее обезвредить, — вот торжество английского традиционного государственного искусства, представителем которого в данный момент является премьер Д. Ллойд Джордж с его гибкостью, с его чутьем по отношению ко всем окружающим

¹² Уайз — Красину. 17 января 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 6–8; Красин — Чичерину. 17 января 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1961. С. 33.

О намерении Д. Ллойд Джорджа встретиться с В.И. Лениным на конференции см.: Gregory J. On the edge of diplomacy: Rambles and reflections, 1902–1928. London: Hutchinson, 1928. P. 194, 203.

¹³ Чичерин — Красину. 21 января 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 15–16; Чичерин — Красину. 21 января 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 59; Кёрзон — Красину. 22 января 1922 г. // Там же. С. 60.

политическим и общественным силам, с его умением компромисса» [White, 1985: 104, 106–107]¹⁴.

Соответственно Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР сформировал комиссию по подготовке к Генуэзской конференции. 26 января на нужды комиссии было выделено 20 тыс. зол. руб. Она включила целый ряд видных экономистов, которые разработали перспективный план развития хозяйства России на ближайшие годы. По мнению экспертов, которые перед отъездом в Геную провели четыре совещания, привлечение иностранного капитала мыслилось в трех основных формах: займов, концессий и акционерных обществ, а необходимые затраты на восстановление экономики должны были составить 1,1–1,2 млрд зол. руб., из которых 0,6–0,7 млрд могло обеспечить государство, а оставшуюся сумму в 0,5 млрд — иностранные займы¹⁵.

Получив 1 февраля 1922 г. директивы Политбюро ЦК РКП(б), одобренные В.И. Лениным, Г.В. Чичерин инструктировал представителей РСФСР в Лондоне и Риме о категорическом нежелании Москвы видеть в Генуе эмиссаров контрреволюционных организаций¹⁶. Спустя неделю М.М. Литвинов сообщил Л.Б. Красину: «Я лично предлагаю предоставить бывшим владельцам [иностранным гражданам] национализированных фабрик, заводов и рудников преимущественное право на получение концессий на эти же предприятия на условиях, совместно с нами вырабатываемых»¹⁷. С точки зрения заместителя наркома, это предложение открывало возможность достижения компромисса по проблеме погашения внешней задолженности РСФСР перед иностранными кредиторами.

¹⁴ О настроениях среди членов советского правительства см.: Report by MI-1(c) to Curzon, 15 March 1922 // TNA. FO 371/8187.

¹⁵ Материалы по подготовке советской делегации к Генуэзской конференции, 1922 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2305. Оп. 1. Д. 1194. Л. 5, 6–7, 28–31, 47–48об. Также см.: Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М.: Госполитиздат, 1963; [Штейн, 1922b: 16–20].

¹⁶ Проект директивы Чичерину и членам советской делегации. 1 февраля 1922 г. // Ленин В.И. О внешней политике Советского государства. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1960. С. 374–376; Чичерин — представителям РСФСР в Лондоне и Риме. 1 февраля 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 74.

¹⁷ Литвинов — Красину. 9 февраля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 25–31.

Следует признать, что противники участия Москвы в экономической конференции имелись как с советской, так и с британской стороны. Негативное мнение, к примеру, высказывали такие руководители, как Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин, К.Б. Радек и А.А. Иоффе [Fink, 1993: 7, 53–57]. Суть их возражений можно было свести к точке зрения последнего из названных политических деятелей, который связывал заинтересованность Британии в проведении форума с внутренними экономическими трудностями и стремлением создать противовес Франции в Европе [Иоффе, 1922: 15, 19]. Близкую позицию занимал известный деятель Коминтерна Ф.А. Ротштейн, который в записке от 23 февраля 1922 г. довольно критически оценивал возможность достижения компромисса между Москвой и Лондоном, поскольку согласие британского правительства на признание большевистского режима означало бы для Уайтхолла ревизию принципов Версальской системы¹⁸.

Если Л.Д. Каменев, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и Г.Я. Сокольников, не говоря о Г.В. Чичерине и Л.Б. Красине, в целом поддерживали курс на нормализацию по крайней мере экономических отношений с Западом, то В.И. Ленин занимал довольно осторожную позицию, которая обуславливалась противоречиями между продолжением курса на мировую революцию и опасением лишиться политической власти в стране из-за воздействия как внутренних, так и внешних факторов. Хотя для главы СНК на первом плане находились экономические вопросы, решение главной политической проблемы — получение гарантий Великобритании и Франции как ведущих членов Антанты относительно невозможности повторения вооруженной интервенции против Советской России занимало, по убеждению В.И. Ленина, не менее важное место в текущей повестке дня¹⁹.

Палитра мнений представителей британской элиты была еще шире. Если Д. Ллойд Джордж, Р. Хорн, министр торговли и будущий премьер С. Болдуин полагали неизбежным дипломатическое признание большевиков, то Дж. Кёрзон и лорд-хранитель печати, в дальнейшем министр иностранных дел О. Чемберлен обставляли его

¹⁸ Записка Ротштейна о Генуэзской конференции. 23 февраля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 1. Д. 20. Л. 34–43.

¹⁹ О международном и внутреннем положении Советской Республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов. 6 марта 1922 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 1–16; Интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк Геральд». 14 апреля 1922 г. // Там же. С. 160.

целым рядом серьезных условий²⁰, а министр колоний У. Черчилль и влиятельный секретарь Кабинета, а также Комитета имперской обороны М. Хэнки выражали категорическое неприятие самой идеи переговоров с Советами²¹. На протяжении января–февраля 1922 г. сотрудники Северного департамента МИД, курировавшие отношения с Россией, оттачивали формулировки принципов, которые легли в основу проектов основных документов конференции [Orde, 1993]. Отражением взглядов противников встречи с коммунистами за столом переговоров стал меморандум главы департамента Дж. Грегори от 12 февраля 1922 г. «Их намерение, — писал дипломат, — состоит в том, чтобы сначала попытаться получить юридическое признание, а затем кредиты, которыми можно было бы самостоятельно распоряжаться». По его мнению, Москва была убеждена в том, что Англия будет вынуждена пойти на соглашение по трем главным причинам: из-за опасений британских правящих кругов относительно продолжения соперничества двух государств на исламском Востоке, уверенности большевиков в мощном воздействии рабочего класса на политику правительства, а также убеждения соратников В.И. Ленина в кризисном состоянии экономики Соединенного Королевства, которое могло быть преодолено только благодаря соглашению с Россией²².

Несмотря на мнения даже близких Д. Ллойд Джорджу правых лейбористских лидеров, таких как Ф. Сноуден, о том, что «с большевиками нельзя иметь дело, поскольку они фанатики и стремятся использовать Запад для преодоления временных трудностей с целью мировой революции»²³, 3 марта 1922 г. премьер выступил в парламенте с обоснованием «экономического признания» Советской России²⁴. Одновременно с 20 по 28 марта представители крупнейших

²⁰ Chamberlain to Lloyd George. 21 March 1922 // University of Birmingham (UB). Cadbury Research Library Special Collections (CRLSC). Austen Chamberlain Papers (AC) 23/6/18; Chamberlain to Lloyd George. 24 March 1922 // Ibidem; Curzon to Chamberlain. 13 May 1922 // Ibid. AC 23/6/34.

²¹ Churchill W. The world crisis. The aftermath. London: Thornton Butterworth, 1929. P. 414–416.

²² Memorandum by Gregory. 12 February 1922 // Documents on British Foreign Policy (DBFP), 1919–1939 / Ed. by E.L. Woodman, R. Butler. London: HMSO, 1947–1984. First ser. Vol. XX. P. 849–853.

²³ Цит. по: Riddell G. Intimate diary of the peace conference and after. London: V. Gollancz, 1933. P. 359–360.

²⁴ Ibid. P. 368.

британских банков занимались выработкой рамочных финансовых условий признания РСФСР. Указав на юридическую несостоятельность отказа Советской России от погашения долговых обязательств и необходимость отмены правительством В.И. Ленина монополии на внешнюю торговлю, банкиры рекомендовали согласовать ежегодные выплаты Москвой 1,1–1,25 млрд зол. руб. для возврата общей суммы долга России перед Великобританией в размере 10,639 млрд²⁵.

Характеризуя свое понимание мотивов проведения конференции, Д. Ллойд Джордж писал О. Чемберлену: «Я никогда не считал, что восстановление европейской торговли и бизнеса окажется возможным без активного участия России». Главная цель проведения мероприятия, по мнению главы Кабинета, заключалась в оформлении всеми его участниками договоренности о взаимном ненападении. 23 марта Д. Ллойд Джордж даже пригрозил выйти из состава правительства в случае неодобрения его позиции министрами: «Если Уинстон [Черчилль], преследуемый мыслью о поражении, которое нанесли его военным проектам большевистские армии, решил, что он скорее подаст в отставку, чем согласится на любое признание [России], независимо от того, насколько полной будет капитуляция коммунистов и что решит остальная Европа, тогда Кабинет должен выбрать между Уинстоном и мною»²⁶.

Наиболее ярко разногласия среди членов Кабинета по «русскому вопросу» проявились на заседаниях 27 и 28 марта, а также 2 апреля 1922 г. Несмотря на возражения У. Черчилля, заявившего, что кремлевское руководство постоянно нарушает условия торгового соглашения, заключенного в 1921 г., организуя подрывные акции на всей территории Британской империи от Ирландии до Индии и стремясь поссорить между собой западные державы, большинство министров поддержали схему участия делегации Соединенного Королевства в конференции, с которой выступил Д. Ллойд Джордж²⁷.

²⁵ Решение совещания экспертов в Лондоне по русскому вопросу. 20–28 марта 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 2. П. 8. Д. 25. Л. 1–10; Генуэзская конференция. 1922. Материалы Генуэзской конференции. (Подготовка, отчеты заседаний, работы комиссии, дипломатическая переписка и пр.) / Сост. Г.Б. Сандомирский. М.: НКВД, 1922. С. 92–105; Меморандум Преображенского о докладе лондонских экспертов. Начало апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 8. Д. 27. Л. 21–24.

²⁶ Lloyd George to A. Chamberlain. 22, 23 March 1922 // TNA. UB. CRLSC. AC 23/6/19.

²⁷ Цит. по: Jones T. Whitehall Diary / Ed. by K. Middlemas. London: Oxford University Press, 1969. Vol. 1. P. 195–197.

В итоге обе делегации отправились в Геную с программами поиска компромиссов не только по экономическим, но и по политическим вопросам. При этом в Москве рассчитывали на мощный пропагандистский эффект, который вызовет приглашение большевиков за стол переговоров с западными лидерами, а в Лондоне надеялись за счет обещания полного дипломатического признания советского режима державами Антанты добиться от него максимальных уступок по вопросам торговли, а главное — погашения внешней задолженности, тесно связанного с урегулированием проблемы германских репараций и выплатой самой Великобританией многомиллионных кредитов США.

«Разведка боем» в Генуе и ее продолжение в Гааге

Оставляя в стороне общую характеристику Генуэзского форума, которую можно найти на страницах исторических трудов, укажем лишь, что представители 29 государств и 5 британских доминионов участвовали в работе пленарных сессий и заседаниях четырех комитетов (политическом, финансовом, торговом и транспортном), проходивших в роскошных залах дворца Сан-Джорджио под председательством итальянского премьера Л. Факта. С точки зрения состава участников главными фигурами конференции, безусловно, выступали Д. Ллойд Джордж и Г.В. Чичерин, поскольку, как справедливо заметил один из советских делегатов, она «по сути, являлась конференцией по “русскому вопросу”» [Преображенский, 1922: 6]. Следует подчеркнуть, что, несмотря на различия в должностном статусе, между ними имелось и нечто общее, а именно необходимость действовать в узких рамках той политической линии, которую преобладавшая часть властных элит обеих стран считала наиболее адекватной сложившейся международной ситуации. Так, Д. Ллойд Джорджу связывали руки многочисленные влиятельные противники каких-либо контактов с Советами, а за спиной Г.В. Чичерина стояли те члены кремлевской верхушки, которые были настроены на продолжение конфронтации с Западом, тем более что для В.И. Ленина, как свидетельствуют воспоминания и официальная переписка, успех конференции уступал по значимости возможному пропагандистскому эффекту переговоров. В одном из писем Г.В. Чичерину глава СНК прямо заявил: «Нам выгодно, чтобы Геную сорвали <...>, но не мы, конечно». И далее: «Заем [у западных стран] мы получим

лучше без Генуи, если Геную сорвем не мы» [цит. по: Латышев, 1996: 184–185].

Таким образом, судя по программным выступлениям британского премьера и советского наркома в первый же день работы форума 10 апреля 1922 г., можно было ожидать его провала, поскольку цели Великобритании и Советской России не совпадали, а все попытки участников встречи сблизить позиции наталкивались на сопротивление антагонистов инкорпорирования большевистского государства в Версальский миропорядок. Отвечая на демагогические призывы Г.В. Чичерина к Антанте сократить вооружения и перераспределить национальные золотые запасы между странами в форме долгосрочных ссуд, Д. Ллойд Джордж вслед за упоминанием о двух попытках усадить Россию за стол переговоров весной 1919 г. и летом 1920 г. заявил: «Ходят упорные слухи о создании крупных армий, о громадных полчищах свирепых революционеров, готовых обрушиться на Европу и низвести страны до того же состояния голода, разрухи и эпидемий, как и в России» [цит. по: Штейн, 1922b: 41]. Далее он поставил ребром вопрос о выплате иностранных долгов как необходимом условии возвращения РСФСР в лоно цивилизованных межгосударственных отношений²⁸.

Во время частной беседы с руководителями советской делегации 14 апреля, организованной английским премьером на вилле Альбертис под Генуей, где размещалась временная резиденция главы британской делегации, Д. Ллойд Джордж попытался убедить Г.В. Чичерина в том, что Антанта лишь предлагает России руководствоваться одинаковыми принципами для всех государств, которые одновременно выступали как кредиторами, так и дебиторами во взаимных расчетах. При этом британский премьер сослался на прецеденты из истории англо-французских отношений, когда и Лондон, и Париж после военных конфликтов обычно воздерживались от взаимных материальных претензий за понесенный ущерб. Кроме того, Д. Ллойд Джордж указал, что требовать от членов Антанты компенсации за интервенцию в сумме более 39 млрд зол. руб. — всё равно что заставлять их выплачивать контрибуцию проигравшим войну державам бывшего Четверного союза. Фактически британское правительство предлагало Москве компромисс: списать все военные

²⁸ Речь Чичерина на открытии Генуэзской конференции. 10 апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 37. Л. 6–12; Генуэзская конференция... С. 78–82, 82–84.

займы России, сократив проценты по ее довоенным долгам, но, безусловно, компенсировать имущественные потери физических лиц в результате национализации либо конфискации их имущества большевиками²⁹.

15 апреля Г.В. Чичерин сообщил в Москву, что главным вопросом для англичан стало признание обязательств по восстановлению собственности иностранцев, пострадавших от национализации, через передачу им предприятий в долгосрочную аренду либо выплату эквивалентной компенсации³⁰. В этой связи нарком предлагал советскому руководству, сохранив монополию на внешнюю торговлю, частично признать довоенные долги царской России перед физическими лицами — держателями ценных бумаг, согласовав со странами Антанты схему их погашения после пятилетнего моратория (позднее он был увеличен Г.В. Чичериным до 30 лет) и осуществив перевод бывшей иностранной собственности в концессии с условием предоставления РСФСР крупного торгового кредита³¹. Тогда из общей суммы российского иностранного долга в 18,5 млрд зол. руб. погашению с процентами подлежало бы всего 6 млрд зол. руб.

Но и эта сокращенная сумма показалась кремлевскому руководству слишком обременительной, поскольку означала бы выделение до 80% бюджета РСФСР на ежегодные платежи³², поэтому инициатива Г.В. Чичерина не встретила поддержки В.И. Ленина, который телеграфировал в Геную о принципиальной нецелесообразности предлагаемых уступок внешним кредиторам. Глава советского правительства назвал инициативы наркома «сумасшествием», пригрозив поместить его в санаторий, отправить в отставку членов делегации и публично дезавуировать любое соглашение с Западом,

²⁹ Запись частной беседы Ллойд Джорджа с русской делегацией. 14 апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0418. Оп. 1. П. 3. Д. 41. Л. 2–17, 47–85.

³⁰ Чичерин — в НКВД. 15 апреля 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 217–220.

³¹ Декларация делегации РСФСР о международных торговых связях. 17 апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 38. Л. 1–4; Генуэзская конференция... С. 127–141.

³² АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 39. Л. 1–10; Меморандум Советской делегации на Генуэзской конференции. 20 апреля 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 232–245; Чичерин — Ллойд Джорджу. 20 апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 41. Л. 4; Чичерин — Ллойд Джорджу. 22 апреля 1922 г. // Там же. Д. 43. Л. 1; DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 518–522.

подписанное без санкции Москвы³³. Не нашло понимания у большевистских лидеров и предложение Л.Б. Красина признать довоенные долги России в сумме 8 млрд зол. руб., добавив к ним еще 3–4 млрд зол. руб. компенсации за национализацию иностранного имущества. Взяв курс на фактический срыв Генуэзского форума, В.И. Ленин 30 апреля 1922 г. телеграфировал Г.В. Чичерину: «Новая конференция месяца через три для нас самая выгодная вещь. Не берите на себя при закрытии Генуэзской конференции ни в коем случае ни тени финансовых обязательств, никакого даже полупризнания долгов и не бойтесь вообще разрыва. Особое мнение т. Красина показывает, что его линия абсолютно неверна и недопустима. Независимо от хода и исхода финансовых переговоров еще раз резко выдвиньте вопрос о взаимном обязательстве для сохранения мира [имелось в виду заключение общеевропейского пакта о ненападении] и поддержите его хотя бы в той неудовлетворительной форме, которую дает Ллойд Джордж»³⁴.

В то же время молниеносное, хотя и подготовленное визитом Г.В. Чичерина в Берлин накануне конференции заключение советско-германского договора в Рапалло 16 апреля 1922 г. получило одобрение членов Политбюро ЦК РКП(б), тогда как на всех участников конференции, и прежде всего британцев, этот дипломатический шаг произвел впечатление «разорвавшейся бомбы». Он традиционно оценивался современниками как личный триумф главы НКИД, с одной стороны, и провал дипломатии Д. Ллойд Джорджа — с другой³⁵. Важнейшим пунктом Рапалльского договора стал взаимный отказ РСФСР и Германии соответственно от получения репараций в сумме более 16 млрд зол. руб. и компенсации стоимости собственности, потерянной немцами в России, что могло бы стать опасным прецедентом для государств Антанты [Штейн, 1922b: 17]. Тем удивительнее выглядело мнение некоторых советских участников конференции о том, что подписание указанного документа было чуть ли не инспирировано Д. Ллойд Джорджем для эвентуального создания противовеса Франции, а в случае разрыва с ней — образо-

³³ Ленин — Сталину (по телефону для передачи Чичерину). 21 апреля 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 261; Проект телеграммы Чичерину. 2 мая 1922 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 172.

³⁴ Ленин — Чичерину. 30 апреля 1922 г. // Там же. С. 171.

³⁵ Minutes of the British delegation. 16 April 1922 // TNA. Parliamentary Archives (PA). Lloyd George Papers (LG). F/150/1.

вания новой политической комбинации в составе Великобритании, Италии, Германии и России [Штейн, 1922b: 53–56].

Беседа представителей Антанты в резиденции итальянского премьера на вилле Раджи 18 апреля сосредоточилась на оценке новой ситуации после заключения советско-германского соглашения. Как заявил Д. Ллойд Джордж, «действительная опасность состояла в объединении интересов Германии и России, а не Германии и большевиков». «Большевизм — прошедшая фаза, — продолжал глава Кабинета, — поэтому рано или поздно, возможно, через пару или более лет в России будет другое, более стабильное правительство...» Главной же угрозой для Версальского порядка, в понимании британского премьера, становилось «военное сотрудничество Москвы и Берлина»³⁶. На следующий день коллективной нотой страны Антанты декларировали право признания недействительными любых положений Рапалльского договора. Как 29 апреля 1922 г. отозвался о нем Дж. Кёрзон, «похоже, мы имеем рецидив возвращения всех великих континентальных держав в очень мутную ситуацию предвоенных интриг и предательства» [цит. по: Salzmann, 2003: 19]. В этой связи отметим, что ради «спасения лица» и принятия хоть какого-то итогового документа Д. Ллойд Джордж готов был согласиться подписать общеевропейский пакт о ненападении, правда, с учетом позиции Италии, которая предлагала одобрить этот международный акт на Генеральной ассамблее Лиги Наций³⁷.

Заключительной попыткой добиться успеха форума стали меморандумы, согласованные главами Антанты и представленные ими советской делегации после совещаний 29 апреля и 3 мая 1922 г. Эти документы отразили некоторые вполне рациональные предложения члена британской делегации, известного экономиста Дж. Кейнса о предоставлении моратория на выплату долгов, эмиссии облигаций для их погашения и выделении Советской России кредита объемом 50 млн ф. ст. Другими словами, меморандумы определили ту красную черту, перейти которую Лондон уже не мог³⁸.

Первый документ содержал важное положение о том, что в случае согласия Москвы на реструктуризацию довоенной задолженности

³⁶ TNA. PA. LG F/145/Pt. 1. Ff. 87–89; Meeting of the Entente representatives at the Villa Raggi. 18 April 1922 // DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 447.

³⁷ Проект пакта о ненападении. 26 апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П 9. Д. 44. Л. 3.

³⁸ Manchester Guardian. 19.04.1922.

через выпуск 5% золотого облигационного займа ей будет предложена экономическая помощь в 15 млн ф. ст. Во втором меморандуме указывалось на возможность пересмотра суммы долга в сторону дальнейшего сокращения наряду с увеличением объема кредитных заимствований для Советской России до 25 млн ф. ст. на максимально льготных условиях с мораторием по погашению в 5 лет³⁹. Показательно, что на организованной 3 мая пресс-конференции Д. Ллойд Джордж пошел ва-банк, заявив: «...если и теперь Россия откажется от соглашения, Англия больше не даст себя третировать. Никогда деловой англичанин не станет вести дела в России после этого» [цит. по: Выгодский, 1965: 235].

В ответной ноте советской делегации обосновывалась необходимость получения Советской Россией займа совокупным объемом почти 8,8 млрд зол. руб. (880 млн ф. ст.) под финансовые гарантии, включавшие поступления от специального налога, а также доходы от продажи платины и предоставления концессий⁴⁰. Ужесточение позиции советской делегации нашло подтверждение в речи Г.В. Чичерина 3 мая на пленарном заседании конференции, когда в соответствии с инструкциями Кремля он исключил малейшую возможность отказа Москвы от государственной монополии на внешнюю торговлю и контроля за валютными операциями⁴¹.

Пожалуй, окончательно убедиться в неспособности достичь компромисса с Москвой Д. Ллойд Джордж смог на неформальной встрече с Л.Б. Красиным 5 мая 1922 г. В ответ на призыв собеседника предоставить кредит в форме государственного займа с ежегодными траншами в 120 млн ф. ст. британский премьер назвал ситуацию безнадежной по причине колоссальной величины запрашиваемой суммы, а главное — неспособности британского правительства добиться в парламенте одобрения официальных гарантий для такого заимствования. Судя по стенограмме этой беседы, глава Кабинета с горечью заявил: «Если советское правительство пришло к выводу, что оно не может согласиться на условия меморандума [от 3 мая

³⁹ Memorandum to the Russian delegation. 3 May 1922 // TNA. PA. LG F/145/Pt. 4. Ff. 380–395; Меморандум Антанты. 2 мая 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 47. Л. 1–7, 8–26, 27–41.

⁴⁰ Memorandum by Rakovski to the president of the financial commission. 3 May 1922 // TNA. PA. LG F/145/Pt. 4. Ff. 415–424; Генуэзская конференция... С. 368–375.

⁴¹ Речь Чичерина в Генуе. 3 мая 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 48. Л. 1–3.

1922 г.], надежды больше нет. Англия должна возвратиться к старой политике изоляции [РСФСР]»⁴².

Последовавшие ноты советской делегации от 6 и 11 мая также свидетельствовали о невозможности достижения компромисса, поскольку делали акцент на нежелании Антанты признать ущерб, который интервенты причинили народному хозяйству России, а также содержали отказ компенсировать потерю имущества иностранными гражданами в ходе революции, названной составителями второго из этих документов обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором)⁴³. 12 мая на встрече с делегатами союзных стран Д. Ллойд Джордж вынужден был признать фиаско конференции: «Ясно, что российская делегация не осмелилась возвратиться в Москву, приняв условия [Антанты], какими бы ни были личные взгляды ее членов»⁴⁴. Аналогичным образом он выразил свое сожаление делегатам из Советской России, прибывшим на виллу Альбертис для заключительной беседы с английским премьером 13 мая. По его мнению, они просто «не выдержали давления экстремистских сил»⁴⁵.

Заключительное пленарное заседание Генуэзской конференции 17 мая 1922 г. сопровождалось выступлением Г.В. Чичерина, который признал значимость форума для налаживания диалога между «первым в мире социалистическим государством и капиталистическим миром», а также ответной речью Д. Ллойд Джорджа. Выразив надежду на продолжение обсуждения «русского вопроса» в рамках следующей международной встречи, британский премьер сделал пессимистический вывод о принципиальной несовместимости двух систем⁴⁶.

Как современники, так и историки по-разному оценивали соперничество советской и британской дипломатий на форуме. К при-

⁴² Minute of the informal meeting of Lloyd George and Krassin. 5 May 1922 // DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 751–755.

⁴³ Меморандум делегации РСФСР. 6 мая 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 49. Л. 1–7; Меморандум делегации РСФСР. 11 мая 1922 г. // Там же. Д. 50. Л. 5–8; Генуэзская конференция... С. 230–241; DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 846; Литвинов — в НКИД. 8 мая 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 360.

⁴⁴ Minute of the meeting of Lloyd George with the Allied delegations. 12 May 1922 // DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 859.

⁴⁵ Minute of the informal meeting of Lloyd George with the Allied delegations. 13 May 1922 // Ibid. P. 868–870.

⁴⁶ Proceedings of the Genoa Conference. 17 May 1922 // TNA. PA. LG F/145/Pt. 1. Ff. 582–593, 593–597; DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 953–969.

меру, А.А. Иоффе определил конференцию в Генуе как «глубокую разведку в тылу у неприятеля» и «победу английского либерализма над французским черносотенством» [Иоффе, 1922: 61, 126], имея в виду категорический отказ Парижа сделать необходимые шаги к дипломатическому признанию Советов. Представители российской эмиграции выражали искреннее сожаление о начале фактического диалога европейских государств с большевистским режимом. Как писал один из бывших дипломатов, «Генуя действительно оказалась поворотным пунктом в развитии европейских отношений, пусть она не удалась, но тем характернее, что, несмотря на неудачу, начинается новая полоса» [цит. по: Кононова, 2005: 67].

Советские историки, по справедливому замечанию одного из исследователей, превратили фиаско конференции в победу большевиков [Макаренко, 2003: 55], поскольку, как правило, акцентировали внимание на «триумфе ленинской дипломатии мирного сосуществования» и на проявленной Г.В. Чичериным «со товарищи» дипломатической гибкости, благодаря которой они сумели-де предотвратить «глобальную экономическую интервенцию» против РСФСР, задуманную якобы Д. Ллойд Джорджем [см., например: Виноградов, 1970: 348].

Более разнообразные, порой крайне оригинальные оценки встречаются в мемуарах современников и трудах зарубежных коллег. Так, один из авторов связал «обескураживающий провал» Генуэзской конференции с «плохой подготовкой, еще худшим проведением и целями, в реальности отличными от первоначально заявленных»⁴⁷. Другой мемуарист иронично уподобил общение с большевиками «встрече ребенка с Робеспьером или Маратом в комнате ужасов музея восковых фигур мадам Тюссо»⁴⁸. А биограф М. Хэнки даже назвал Рапалльское соглашение между Советской Россией и Германией, открывшее период интенсивного сотрудничества двух стран в 1920-е годы, первым шагом на пути к заключению пакта Молотова–Риббентропа [Roskill, 1972: 276].

Заслуживает внимания и точка зрения Дж. Кейнса, который 13 апреля встречался с Г.В. Чичериным и освещал работу конференции для европейской прессы⁴⁹. 10 июня 1922 г. британский эконо-

⁴⁷ Steed H. Through thirty years 1892–1922: A personal narrative. Vol. 2. London: W. Heinemann; New York: Doubleday, Page and Co., 1924. P. 383.

⁴⁸ Gregory J. On the edge of diplomacy... P. 203.

⁴⁹ Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция... С. 142–151.

номист опубликовал итоговую статью в приложении к либеральной газете «The Manchester Guardian». Он передавал свое разочарование итогами завершившегося форума следующим образом: «Я думаю, что никогда на какой-либо иной конференции интеллектуальные стандарты не опускались так низко. Дискуссии — я ограничиваю себя лишь комментарием “русского вопроса” — редко затрагивали реалии. Большая часть времени оказалась занята существующими и порой мелодраматичными спорами британской и французской делегаций об альтернативных вариантах формулы [договора], уже заранее неприемлемой для русских, либо, даже будучи принятой, не ведущей ни к каким практическим результатам...» [цит. по: Orde, 2002: 206–207].

На наш взгляд, необходимо согласиться с мнением А.А. Иоффе, который в одном из писем В.И. Ленину, датированном октябрём 1922 г., писал о «неуверенном и колеблющемся характере нашей дипломатии, который уже принес нам много вреда» и «который оказывает свое влияние до сих пор» [цит. по: Макаренко, 2003: 55]. Проведенное исследование показывает, что шансов на успех «крупнейшей со времени крестовых походов», как назвала ее «The Manchester Guardian» [White, 1985: VII], конференции, скорее всего, не было изначально, а ее неудачу можно было прогнозировать еще перед открытием, хотя У. Черчилль и Дж. Кёрзон до последнего дня работы форума опасались заключения сделки между Д. Ллойд Джорджем и Г.В. Чичериным, причем еще более далеко идущей, чем Рапалльское соглашение [Nicolson, 1937: 245].

Препятствия объективного и субъективного характера встали и на пути участников второго раунда Генуэзской конференции, который состоялся спустя полтора месяца в Гааге. Договоренность о его проведении была декларирована на заключительном заседании во дворце Сан-Джорджио 17 мая 1922 г.⁵⁰ Подготовив достаточно обширную программу переговоров, британская делегация под председательством Ф. Ллойд-Грима, начальника департамента заморских операций Министерства торговли, столкнулась с еще более жесткой позицией, занятой советскими представителями, которыми в Гааге руководил М.М. Литвинов при участии Л.Б. Красина и члена коллегии НКВД Н.Н. Крестинского. Теперь Москва вообще отрицала

⁵⁰ Речь Чичерина на четвертом заседании первой подкомиссии в Генуе. 17 мая 1922 г. // АВП РФ. Ф. 418. Оп. 2. П. 9. Д. 51. Л. 5–9.

необходимость погашения долгов и противилась реституции национализированной собственности бывших владельцев, но в свою очередь требовала предоставить РСФСР заем в 330 млн ф. ст. для восстановления экономики, предлагая взамен ограниченный список сырьевых концессий⁵¹. Иными словами, точки зрения сторон выглядели диаметрально противоположными: если Антанта выступала за реституцию (а Лондон был согласен на компенсацию), то Москва предлагала экономические концессии; если бывшие союзники России были готовы на отсрочку выплаты всех долгов, то советское правительство настаивало на погашении лишь довоенных займов при условии длительного моратория и предоставления крупных кредитов с государственными гарантиями, что для правительства Великобритании было крайне сложно⁵².

Бесплодные прения в трех комитетах, образованных участниками Гаагского форума, очень скоро заставили делегатов из стран Западной Европы, особенно Франции и Бельгии, прийти к выводу о неприемлемости советской позиции. Имевшиеся разногласия среди членов британской делегации не помешали большинству ее членов полностью убедиться в бесперспективности дальнейших попыток заключить некое общее соглашение кредиторов с Россией, что обусловило переход к тактике сепаратных переговоров. 18 июля пресс-бюро советской делегации в Гааге вынуждено было констатировать: «Консервативная печать ликует. “Таймс” пишет: “Уроки Генуи и Гааги состоят в том, что не может быть никакого компромисса с советским правительством”. Газета рекомендует начать возрождение Европы с решения вопроса о германских репарациях. “Дейли Телеграф” расценивает неудачу Гааги как окончательное доказательство неприемлемости для Европы советского правительства, и это создает возможность общей политики Англии, Франции и Америки по отношению к России»⁵³.

Несмотря на провал Генуэзской и Гаагской конференций, они продемонстрировали наличие разных подходов к проблеме стаби-

⁵¹ Доклад российской делегации СНК о ходе работы и результатах Гаагской конференции. 27 июля 1922 г. // Гаагская конференция (1922). Полный стенографический отчет (материалы и документы) / Ред. Г.Н. Лашкевич. М.: НКВД, 1922. С. 7–14.

⁵² О проектах договоров, которые обсуждались в Гааге, см.: DBFP. First ser. Vol. XIX. P. 1038–1138.

⁵³ Цит. по: Сообщение Бюро печати советской делегации на Гаагской конференции. 18 июля 1922 г. // ДВП ССР. Т. 5. С. 499.

лизации Версальского порядка и экономической реконструкции Европы не только у советской и британской делегаций, но и среди властных элит обеих стран. Для кремлевского руководства выбор дальнейшего внешнеполитического вектора определялся тремя возможными сценариями: продолжение курса на подготовку мировой революции с риском новой ответной интервенции западных держав, переход к мирному сосуществованию с ними ценой экономических, а в перспективе — и политических уступок либо отстаивание геостратегических интересов России как «осажденной крепости» с использованием комбинации методов, говоря современным языком, «жесткой» и «мягкой силы».

В свою очередь для британского истеблишмента становилось очевидно, что подготовка условий вовлечения РСФСР в Версальскую систему потребует гораздо большего периода времени и значительных усилий, включая крупные финансовые затраты. Однако без возвращения России и, конечно, Германии в «семью» великих держав трудно было рассчитывать на стабилизацию послевоенного миропорядка на фоне американского изоляционизма и подъема национальных движений в регионах Азии и Африки.

Таким образом, став рубежом между конфронтацией и сотрудничеством, Генуэзская и Гаагская конференции предоставили Москве и Лондону неоценимый опыт обсуждения и попыток разрешения ключевых проблем не только двусторонних, но и общеевропейских отношений, положив одновременно конец активной деятельности белоэмигрантского Совета послов.

Дипломатический поединок Г.В. Чичерина и Дж. Кёрзона в Лозанне

Новый раунд советско-британской дипломатической борьбы был связан с ситуацией вокруг Турции, правительство которой под руководством генерала М. Кемаля аннулировало Севрский мирный договор 1920 г., а в ходе войны против Греции, за спиной которой стояла Антанта, перешло на рубеже 1921–1922 гг. к наступательным действиям [подробнее см.: Фомин, 2010: 265–386]. Такое развитие событий в жизненно важном для интересов Великобритании регионе Ближнего Востока вызвало так называемый Чанакский кризис, угрожавший в сентябре–октябре 1922 г. перерасти в новый полномасштабный вооруженный конфликт вокруг Черноморских проливов. Кризис привел к падению коалиционного правительства

Д. Ллойд Джорджа и заставил Лондон способствовать заключению греко-турецкого перемирия в Мудании, а затем пойти на созыв специальной конференции по турецкому вопросу в швейцарской Лозанне. Именно там в последний раз довелось «скрестить шпаги» Г.В. Чичерину и Дж. Кёрзону, сохранившему свой пост в консервативном Кабинете Э. Бонар Лоу, взгляды которого на эвентуальную нормализацию отношений с РСФСР отличались от позиции Д. Ллойда Джорджа лишь в плане большей длительности и сложности этого процесса [Сергеев, 2019: 423–424].

Необходимость развязать крайне сложный и запутанный клубок противоречий между Турцией и Антантой, Советской Россией и бывшими союзниками, а также Великобританией, Францией и Италией обусловила пересмотр Севрского договора 1920 г. в рамках очередной международной конференции. Выбор Лозанны для ее проведения диктовался несколькими обстоятельствами: удобной локализацией в центре Европы, наличием достаточного количества отелей для многочисленных представителей, а также опытом переговоров по урегулированию итало-турецкого конфликта 1911–1912 гг. Наконец, как и в случае Гenuи, для советской и американской делегаций было также важно, чтобы место проведения конференции не совпало с Женевой, где располагалась штаб-квартира Лиги Наций [Goldstein, 2003: 193].

Несмотря на активную нотную переписку по вопросу созыва этого форума между Москвой, Анкарой и столицами западноевропейских государств, британское правительство первоначально вообще не намеревалось инициировать участие в нем делегации РСФСР, мотивировав свой отказ отсутствием советских представителей на переговорах в Севре⁵⁴. Только решительные протесты со стороны Кремля и кемалистского руководства побудили Лондон после некоторых колебаний направить приглашение в Москву.

Даже формальное посещение церемонии открытия конференции высшими должностными лицами Франции и Италии — Р. Пуанкаре и Б. Муссолини — должно было подчеркнуть ее значимость, хотя работой форума после их отъезда фактически руководил Дж. Кёр-

⁵⁴ Karakhan to Curzon. 12 September 1922 // The Soviet Union and the Middle East: A documentary record of Afghanistan, Iran, and Turkey, 1917–1985 / Ed. by B. Dmytryshyn, F. Cox. Princeton, N.J.: The Kingston Press, 1987. P. 481–485; Циркулярная нота правительства РСФСР иностранным государствам. 24 сентября 1922 г. // ДВП СССР. Т. 5. С. 593–595.

зон, избранный его председателем. В обсуждении приняли участие делегации девяти стран (США и Япония выступили наблюдателями), которые образовали три рабочих комитета: по территориальным и финансовым вопросам, а также по проблеме капитуляций. Конференция проходила в два этапа: с 20 ноября 1922 г. по 4 февраля 1923 г. и с 23 апреля по 24 июля того же года, однако принципиальное значение имел лишь первый. Перед участниками международной встречи стоял целый комплекс политических и экономических проблем, главными из которых были территориальное обустройство Турции, судьба нефтяных месторождений Мосула, а также установление порядка следования военных кораблей и торговых судов через проливы, соединяющие Черное и Средиземное моря [Goldstein, 2003: 201].

Стоит отметить, что для председателя конференции она оказалась кульминацией всей дипломатической карьеры. Дж. Кёрзон по праву занимал это кресло на пленарных заседаниях, одновременно возглавив важнейший комитет по территориальным проблемам. Основную задачу он видел в предотвращении срыва конференции большевиками и кемалистами, стремясь, как он писал Э. Бонар Лоу, одинаково корректно, но всё же твердо относиться к русским и туркам, уступая им в процессуальных мелочах, но неуклонно отстаивая британскую позицию в главных вопросах⁵⁵.

Несмотря на упорное нежелание членов турецкой делегации, Дж. Кёрзону удалось добиться их согласия с основными положениями конвенции по проливам, но тут возникло новое затруднение в лице Г.В. Чичерина. В отечественной историографии работа Лозаннской конференции традиционно сводилась к противостоянию Лондона и Москвы, что, конечно же, выглядит упрощением [Трухановский, 1962: 104]. При всём значении для Великобритании вопроса о Черноморских проливах повестка дня на встрече в Лозанне была гораздо шире, чем дипломатическая дуэль между двумя главами внешнеполитических ведомств, которая, однако, по мнению автора статьи, наглядно демонстрирует подходы дипломатов к нормализации двусторонних отношений⁵⁶.

⁵⁵ Curzon to Bonar Law. 28 November 1922 // TNA. PA. Bonar Low Papers (BL) 111/12/35. Ff. 1–11.

⁵⁶ Чичерин — Литвинову. 9 декабря 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 332.

Если кремлевское руководство было в общем едино относительно необходимости закрыть Босфор и Дарданеллы для прохода военных кораблей Антанты, то в британском истеблишменте соперничали «грекофильская» и «туркофильская» точки зрения на эту проблему. Не желая подтолкнуть М. Кемалья в «объятия» большевиков, консервативный Кабинет также стремился избежать недовольства Греции, выступавшей важнейшим стратегическим союзником Великобритании в Восточном Средиземноморье и способной при неблагоприятном для Лондона развитии событий попасть под влияние Франции. В этой связи интернационализация проливов представлялась Дж. Кёрзону наиболее достижимым компромиссом.

В то же время колеблющаяся позиция Турции, не желавшей лишиться советской поддержки, но опасавшейся сохранения унижительных статей Севрского договора, не была секретом для Г.В. Чичерина, который еще до своего отъезда в Швейцарию вынужден был констатировать: «Теперь нет никакого сомнения, что Турция столкнулась с Антантой. Итак, терять нам нечего. Мы можем самым безудержным образом разоблачать и ругаться» [цит. по: Томас, 2010: 173].

4 декабря 1922 г. Г.В. Чичерин получил возможность выступить с речью на первом заседании комиссии, созданной для рассмотрения вопросов безопасности международного судоходства через Босфор и Дарданеллы. Советский нарком со ссылками на «почти вековую традицию» урегулирования конфликтов на Ближнем Востоке с участием российской дипломатии говорил о недопустимости дискриминации РСФСР⁵⁷. Руководствуясь, как считал Г.В. Чичерин, не только советскими, но и турецкими интересами, он заявил, что Черноморские проливы должны быть открыты для торговых судов и закрыты для военных кораблей всех государств, кроме кемалистской Турции⁵⁸. Как сообщал один из дипломатов в Форин офис, «первое появление Чичерина было интересным, хотя мы все устали от его раздражающего слух фальцета, в то время как остальные русские выглядели ужасными мужланами [*awful ruffians*]» [цит. по: Goldstein, 2003: 200].

⁵⁷ Нота российско-украинско-грузинской делегации. 3 декабря 1922 г. // ДВП СССР. Т. 6. С. 30–32.

⁵⁸ Выступление Чичерина. 4 декабря 1922 г. // АВП РФ. Ф. 421. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Л. 14–16.

После ответной речи румынского представителя, отстаивавшего интернационализацию проливов, говорил сам Дж. Кёрзон, который в письме своему постоянному заместителю Э. Кроу следующим образом описал возникшую ситуацию: «Общее впечатление, произведенное заседанием, было таково, что Турция открыто и добровольно поставила себя в положение унижительного подчинения России, а последняя предложила нелепый план, рассчитанный лишь на превращение Черного моря в укрепленное русское озеро с Турцией в качестве вассала»⁵⁹. С точки зрения руководителя Форин офис, практическая реализация этой идеи означала бы повторение ситуации 1833 г., когда Россия подписала с Османской империей приснопомытный Ункяр-Искелессийский договор, открывший краткий период российского доминирования в регионе Босфора и Дарданелл. Поспешные заверения руководителя турецкой делегации в том, что он вовсе не считает взгляд Анкары идентичным советским предложениям, а также закулисные уверения кемалистов о готовности «порвать с Россией, возобновить давнюю дружбу с Англией и заключить мир» стали, как справедливо отмечали историки, первой дипломатической победой Дж. Кёрзона и поражением Г.В. Чичерина, мнение которого не получило поддержки даже Анкары [Nicolson, 1937: 306–312; Фомин, 2010: 399].

6 декабря председатель конференции вновь взял слово. Дж. Кёрзон представил согласованный с союзниками план решения вопроса о Черноморских проливах: открытие их во всякое время для торговых судов и боевых кораблей без различия флага, кроме государств, находящихся в состоянии войны с Турцией⁶⁰. Все попытки главы НКИД на протяжении дальнейших дискуссий, занявших полторы недели, внести поправки в британский проект завершились неудачей. Однако Дж. Кёрзон, как и Д. Ллойд Джордж, не исключавший из арсенала дипломатии доверительные контакты, предложил своему оппоненту личную встречу, особенно после внесения Г.В. Чичериным компромиссного предложения об «условном» закрытии проливов⁶¹.

⁵⁹ Curzon to Crow. 5 December 1922 // DBFP. First ser. Vol. XVIII. P. 369–370; Curzon to Crow. 6 December 1922 // Ibid. P. 374–375.

⁶⁰ Выступление Кёрзона. 6 декабря 1922 г. // АВП РФ. Ф. 421. Оп. 1. П. 2. Д. 22. Л. 28–35, 36–46.

⁶¹ Предложение советской делегации на Лозаннской конференции. 7 декабря 1922 г. // Там же. Ф. 0421. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 3.

Она состоялась 17 декабря в отеле Beau Rivage, ставшем резиденцией английской делегации во время проведения форума. По сообщению главы британского МИД, он обратил внимание собеседника на постоянные нарушения обязательств, взятых на себя Москвой согласно договору 1921 г., например о прекращении англофобской пропаганды в странах Ближнего и Среднего Востока. «Какой реакции можно ожидать от нас тем якобы друзьям, которые, заключая нас в объятия, втыкают нам нож в спину?» — задал Дж. Керзон риторический вопрос Г.В. Чичерину. И далее продолжил: «До тех пор, пока не будет осуществлен полный разрыв с этой порочной практикой, действительного примирения не произойдет, хотя теперешнее британское правительство не менее, чем его предшественники, желает, чтобы Россия играла должную роль в реконструкции мира, понимая, что ее постоянное отчуждение является потерей для международного сообщества». Согласно интерпретации руководителя Форин офис Г.В. Чичерин отверг все обвинения в адрес советского правительства, уведомив собеседника, что Москва крайне недовольна интригами англичан в Афганистане, Северной Персии и Закавказье и что она не может нести ответственность за действия «всех неофициальных российских агентов на местах». На это Дж. Керзон повторно озвучил мысль о том, что Великобритания «нигде не вредит» России, тогда как Г.В. Чичерин, даже находясь в Лозанне, публикует статьи, чтобы ухудшить отношения. «Изоляция России на Лозаннской конференции», о которой сетовал Г.В. Чичерин, — «вина самой России», — заключил беседу британский министр⁶².

А вот что после свидания с главой британского МИД передал в Москву Г.В. Чичерин: «Керзон не обнаружил резкой враждебности и не проявлял высокомерия, а только холодную деревянность, формализм и неумение или нежелание охватывать вопросы широко политически, как это всегда делал Ллойд Джордж...» По словам наркома, его собеседник высказал убеждение в стабильности большевистского режима, который «как будто нарочно отталкивает Англию и в Англии своих друзей». Но главная проблема, с точки зрения Дж. Керзона, заключалась в продолжении и даже усилении советскими представителями антибританской пропаганды на Востоке, что Г.В. Чичерин постарался опровергнуть. В итоге, по его оценке, глава

⁶² Curzon to Crow. 17 December 1922 // TNA. FO 418/58; Ibid. FO 839/26, DBFP. First ser. Vol. XVIII. P. 397.

Форин офис не отказал себе в удовольствии выступить со скрытой угрозой: «Я приехал для того, чтобы заключить договор о проливах с участием России. Я вполне сознаю, что без России этот договор будет иметь меньше силы. Но если вы не подпишете, это ваше дело, мы подпишем без вас. Может быть, вы потом присоединитесь».

Несмотря на, казалось бы, позитивный настрой руководителя британской делегации, Г.В. Чичерин пришел к пессимистичному выводу о том, что изоляция большевистского режима в Лозанне «несравненно больше, чем в период Генуи и Гааги», когда внешней политикой занимался либерал Д. Ллойд Джордж. «Теперь, — подчеркнул нарком в телеграмме для советского руководства от 9 декабря, — весь вопрос в том, чтобы удержать турок от слишком далеко идущих уступок»⁶³. В другом письме он констатировал: «Общее вынесенное мною впечатление заключается в том, что при Кёрзоне никаких серьезных соглашений с Англией вообще не может быть»⁶⁴.

В результате контрпроект конвенции о Босфоре и Дарданеллах, внесенный советской делегацией 18 декабря 1922 г. на рассмотрение участников конференции, предполагавший комбинированный режим судоходства и закрытие проливов для военных кораблей нечерноморских государств, был отклонен иностранными дипломатами без обсуждения, несмотря на попытку Г.В. Чичерина привлечь их внимание к замыслу британцев «сделать невозможной защиту проливов и Константинополя и поставить Россию под удары крупных флотов»⁶⁵. 19 декабря Дж. Кёрзон сообщил Э. Кроу: «Сначала я отклонил всю схему как простое воспроизведение первоначального предложения Чичерина о закрытии Черного моря, отметив, что у нее не нашлось сторонников, а сама она настолько несовместима с идеями союзников, что обсуждение бесполезно. Поэтому она умерла без вздоха с чьей-либо стороны и с едва различимым стоном автора»⁶⁶.

Пообещав турецким представителям уменьшение суммы репараций с 15 до 12 млн ф. ст., глава Форин офис окончательно перетянул их на свою сторону⁶⁷. О том, что Г.В. Чичерин фактически смирился

⁶³ Чичерин — Литвинову. 9 декабря 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 332–335.

⁶⁴ Чичерин — Литвинову. 17 декабря 1922 г. // ДВП СССР. Т. 6. С. 82–90.

⁶⁵ Проект конвенции о проливах делегации РСФСР. 19 декабря 1922 г. // Там же. С. 99–104.

⁶⁶ Curzon to Crow. 19 December 1922 // DBFP. First ser. Vol. XVIII. P. 398.

⁶⁷ Curzon to Lindsay. 2 February 1923 // Ibid. P. 494.

с дипломатическим поражением в Лозанне, не сумев сыграть на противоречиях между англичанами и французами, как он сначала планировал, свидетельствовала его телеграмма М.М. Литвинову от 30 января 1923 г., в которой всё внимание уделялось не Турции и проливам, а перспективам отношений с Египтом, получившим независимость от Великобритании, а также возможности признания эмира Хусейна бин Али аль-Хашими правителем Хиджаза⁶⁸. И хотя нарком категорически не согласился с окончательным проектом международной конвенции о режиме проливов, покинув Лозанну вслед за Дж. Кёрзоном 7 февраля 1923 г.⁶⁹, советская делегация, но уже во главе с В.В. Воровским, всё же вернулась в Швейцарию для участия во втором раунде конференции. 14 августа 1923 г. полпред в Риме И.О. Иорданский поставил на документе свою подпись, хотя Москва так и не ратифицировала этот международно-правовой акт⁷⁰.

Аналогично предыдущим конференциям, в рамках которых проходила дипломатическая дуэль между британской и советской делегациями, дискуссии среди историков о победителях и проигравших в Лозанне не утихают до настоящего времени. Пожалуй, не будет упрощением констатировать, что исследователи разделились на два лагеря: одни говорили о безусловной победе британской дипломатии, другие же оценивали политику Лондона на Ближнем Востоке гораздо более сдержанно, а некоторые вообще указывали на ее провал.

К числу первых принадлежали авторы, которые писали о том, что Дж. Кёрзону «удалось разрушить советско-турецкий альянс» [Dennis, 1924: 227–228] и восстановить престиж Великобритании в исламском мире благодаря сочетанию дипломатического такта и детального знания ситуации [Nicolson, 1937: 292–293; Dilks, 1984: 52]. Среди сдержанных оценок выделялось мнение известного историка А. Тойнби, который назвал конференцию не чем иным, как «спасением лица со стороны номинально победоносной Британии», столкнувшейся с волной национально-освободительных движений на Ближнем Востоке [цит. по: Goekay, 1997: 164]. Кроме того, критику

⁶⁸ Чичерин — Литвинову. 15 января 1923 г. // АВП РФ. Ф. 0421. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 85–86; Чичерин — Литвинову. 30 января 1923 г. // ДВП СССР. Т. 6. С. 169–171.

⁶⁹ Об итогах первого этапа Лозаннской конференции в британской оценке см.: Curzon to Crow. 5 February 1923 // DBFP. First ser. Vol. XVIII. P. 504–507.

⁷⁰ Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. 1922–1923. М.: Международные отношения, 1960. С. 201.

специалистов вызвало отрицательное отношение лидеров доминионов к действиям главы Форин офис на Лозаннской конференции, который не консультировался с ними, хотя и выступал от лица всей Британской империи [Watt, 1965: 147]. Со своей стороны У. Черчилль, признавая умелое проведение Дж. Кёрзоном этого форума, указывал на непоследовательность и нерешительность политики Кабинета в Западной Азии⁷¹.

Что же касается советских историков, то они стремились принизить значение Лозаннской конференции, отмечая фиаско планов Лондона по созданию «ближневосточной империи» от Александрии до Карачи, достижение Советской Россией «морального успеха» (?) на форуме в Швейцарии, а также «ненависть», проявленную «твердолобым» Дж. Кёрзоном к советским представителям [см., например: Лемин, 1947: 346; Рубинштейн, 1953: 417].

* * *

Подводя итоги дипломатического состязания Москвы и Лондона на международных конференциях 1922 г. в Генуе, Гааге и Лозанне, следует подчеркнуть три важных момента. Во-первых, отсутствие консолидированного внешнеполитического курса как у большевистского руководства, так и у британского правительства, что объяснялось не только новизной и масштабностью задач по формированию послевоенного мирового порядка, но и возникновением публичной дипломатии открытых форумов с участием делегаций многих стран. Во-вторых, очевидную, хотя и вполне понятную неготовность западных дипломатов отказаться от стереотипов восприятия большевистской диктатуры как угрозы стабильности либерально-демократических правительств, чтобы установить определенный *modus vivendi* в отношениях с новой Россией, без участия которой возвращение к «концерту держав» оставалось недостижимой целью. В-третьих, возникновение опасной для творцов Версальско-Вашингтонской международно-правовой системы тенденции к сближению государств, проигравших Первую мировую войну, с так называемыми странами-ревизионистами, не признавшими ее итоги.

В этой связи образование СССР 30 декабря 1922 г. беспокоило Лондон, поскольку любое движение в направлении создания Всемирной Республики Советов либо возвращение России к отстаиванию

⁷¹ Churchill W. The world crisis... P. 388, 391–392, 413, 438.

своих национальных геополитических интересов рассматривалось британской властной элитой как непосредственная угроза ее имперским владениям. Однако первый, хотя и далекий от позитивного опыт общения с представителями большевистского руководства на рассмотренных нами форумах продемонстрировал не только возможность, но и необходимость продолжения диалога двух крупнейших держав по актуальным проблемам двусторонних отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быстрова Н.Е. Советская Россия на конференциях в Генуе и Гааге 1922 г.: взгляд из Кремля. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
2. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Наука, 1970.
3. Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М.: Мысль, 1980.
4. Выгодский С.Ю. У истоков советской дипломатии. М.: Госполитиздат, 1965.
5. Ивашин И.Ф. Очерки истории внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958.
6. Иоффе А.А. Генуэзская конференция. М.: Красная новь, 1922.
7. Капитонова Н.К., Романова Е.В. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016.
8. Катасонов В.Ю. Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М.: Кислород, 2015.
9. Кононова М.М. Структура, статус и механизм функционирования российских дипломатических загранучреждений в эмиграции (1917–1925 гг.) // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. / Отв. ред. С.А. Беляев. М.: ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2005. С. 10–84.
10. Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996.
11. Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919–1925 гг. М.: Госполитиздат, 1947.
12. Майский И.М. Внешняя политика РСФСР, 1917–1922. М.: Красная новь, 1923.
13. Макаренко П.В. Двойные стандарты советской дипломатии // Проблемы социально-политического развития российского общества: Межвузовский сборник научных трудов / Ред. В.М. Черных. Воронеж: Воронежская государственная технологическая академия, 2003. С. 48–56.
14. Преображенский Е.А. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы Европы. М.: Государственное издательство, 1922.
15. Рубинштейн Н.Л. Внешняя политика Советского государства в 1921–1925 гг. М.: Госполитиздат, 1953.
16. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения 1918–1924: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019.

17. Томас Л.Я. Жизнь Г.В. Чичерина. М.: Собрание, 2010.
18. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.) М.: Международные отношения, 1962.
19. Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010.
20. Хормач И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
21. Чубарьян А.О. В.И. Ленин и формирование советской внешней политики. М.: Наука, 1972.
22. Шишкин В.А. Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930 годы) и капиталистический мир. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
23. Штейн Б.Е. Гаагская конференция. М.: Государственное издательство, 1922.
24. Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. М.: Государственное издательство, 1922.
25. Bush B. Mudros to Lausanne: Britain's frontier in West Asia, 1918–1923. Albany; New York: State University of New York Press, 1976.
26. Carley M. Silent conflict: A hidden history of early Soviet-Western relations. Lanham, ML.: Rowman and Littlefield Publishers, 2014.
27. Coates W., Coates Z. A history of Anglo-Soviet relations. Vol. 1. London: Lawrence and Wishart, The Pilot Press, 1943.
28. Dennis A. The foreign policies of Soviet Russia. New York: J.M. Dent and Sons, 1924.
29. Dilks D. The British Foreign Office between the wars // Shadow and substance in British foreign policy, 1895–1939: Memorial essays honoring C.J. Lowe / Ed. by B. Mackercher, D. Moss. Edmonton; Alberta: University of Alberta Press, 1984. P. 33–53.
30. Dockrill M., Goold D. Peace without promise: Britain and the peace conferences, 1919–23. Hamden, CT: Archon Books, 1981.
31. Fink C. The Genoa conference: European diplomacy, 1921–1922. Chapel Hill, London: University of North Carolina Press, 1993.
32. Fischer L. The Soviets in world politics. A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the world, 1917–1929. Vol. 2. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1951.
33. Gilmor D. Curzon. London: J. Murray, 1994.
34. Goekay B. A clash of empires: Turkey between Russian bolshevism and British imperialism, 1918–1923. London; New York: Tauris Academic Studies, 1997.
35. Goldstein E. The British official mind and the Lausanne conference // Power and stability: British foreign policy, 1865–1965 / Ed. by E. Goldstein, B. Mackercher. London: F. Cass, 2003. P. 185–206.

36. Hartley J. Guide to documents and manuscripts in the United Kingdom relating to Russia and the Soviet Union. London: Mansell, 1987.

37. Johnson R. Soviet foreign policy, 1918–1945: A guide to research and research materials. Wilmington, Del.: Scholarly Resources Inc., 1991.

38. Macmeekin S. The Ottoman endgame. War, revolution and the making of the modern Middle East, 1908–1923. London: G. Allen and Unwin, 2015.

39. Nicolson H. Curzon: The last phase, 1919–1925. A study in post-war diplomacy. London: A. Constable, 1937.

40. Nicolson H. Some people. Boston; New York: Mifflin, 1926.

41. Orde A. British policy and European reconstruction after the First World War. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2002.

42. Orde A. British policy and European reconstruction after the Great War // Britain and the threat to stability in Europe, 1918–45 / Ed. by P. Catterall, C.J. Morris. London; New York: Leicester University Press, 1993. P. 8–16.

43. Owen F. Tempestuous journey. Lloyd George, his life and times. London: Hutchinson, 1954.

44. Ronaldshay L. The life of Lord Curzon. Vol. 3. London; New York: E. Benn, 1928.

45. Roskill S. Hankey. Man of secrets. Vol. 2. London: Collins, 1972.

46. Salzmann S. Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and after, 1922–1934. New York: The Boydell Press, 2003.

47. The Soviet Union and the Middle East: A documentary record of Afghanistan, Iran, and Turkey, 1917–1985 / Ed. by B. Dmytryshyn, F. Cox. Princeton, N.J.: The Kingston Press, 1987.

48. Watt D. Personalities and policies. Studies in the formation of British foreign policy in the twentieth century. London: Longmans, 1965.

49. White S. The origins of détente. The Genoa conference and Soviet-Western relations, 1921–1922. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

50. Williams A. Trading with the Bolsheviks: The politics of East-West trade, 1920–1939. Manchester: Manchester University Press, 1992.

REFERENCES

1. Bystrova N.E. 2020. *Sovetskaya Rossiya na konferentsiyakh v Genue i Gaage v 1922 g.: vzglyad iz Kremlya* [Soviet Russia at the 1922 Genoa and the Hague conferences: A view from the Kremlin]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

2. Vinogradov K.B. 1970. *Devid Lloid Dzhordzh* [David Lloyd George]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

3. Volkov F.D. 1980. *Tainy Uaitkholla i Dauning-strit* [Secrets of Whitehall and Downing street]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)

4. Vygodskii S.Yu. 1965. *U istokov sovetskoi diplomatii* [At the origins of the Soviet diplomacy]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
5. Ivashin I.F. 1958. *Ocherki istorii vneshnei politiki SSSR* [Essays on the history of the foreign policy of the USSR]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
6. Ioffe A.A. 1922. *Genuezskaya konferentsiya* [The Genoa conference]. Moscow, Krasnaia nov' Publ. (In Russ.)
7. Kapitonova N.K., Romanova E.V. 2016. *Istoriya vneshnei politiki Velikobritanii* [The history of the foreign policy of Great Britain]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
8. Katasonov V.Yu. 2015. *Genuezskaya konferentsiya v kontekste mirovoi i rossiiskoi istorii* [The Genoa conference in the context of world and Russian history]. Moscow, Kislrod Publ. (In Russ.)
9. Kononova M.M. 2005. Struktura, status i mekhanizm funktsionirovaniya rossiiskikh diplomaticheskikh zagranuchrezhdenii v emigratsii (1917–1925 gg.) [Structure, status and functioning of the Russian diplomatic missions abroad in emigration (1917–1925)]. In: Belyaev S.A. (ed.). *Russkaya emigratsiya v Evrope v 1920–1930-e gg.* [Russian emigration in Europe in the 1920s–1930s]. Moscow, Institute of Russian history RAS, St. Petersburg, Aleteia Publ., pp. 10–84. (In Russ.)
10. Latyshev A.G. 1996. *Rassekrechennyi Lenin* [Declassified Lenin]. Moscow: Mart Publ. (In Russ.)
11. Lemin I.M. 1947. *Vneshnyaya politika Velikobritanii ot Versalya do Lokarno. 1919–1925 gg.* [The foreign policy of Great Britain from Versailles to Locarno. 1919–1925]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
12. Maiskii I.M. 1923. *Vneshnyaya politika RSFSR, 1917–1922* [The foreign policy of the RSFSR, 1917–1922]. Moscow, Krasnaya nov' Publ. (In Russ.)
13. Makarenko P.V. 2003. Dvoinye standarty sovetskoi diplomatii [Double standards of the Soviet diplomacy]. In: Chernykh V.M. (ed.). *Problemy sotsial'no-politicheskogo razvitiya rossiiskogo obshchestva* [Social and economic problems of the Russian society]. Voronezh, Voronezhskaya gosudarstvennaya tekhnologicheskaya akademiya Publ., pp. 48–56.
14. Preobrazhensky E.A. 1922. *Itogi Genuezskoi konferentsii i khozyaistvennyye perspektivy Evropy* [The outcomes of the Genoa conference and the economic prospects of Europe]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
15. Rubinshtein N.L. 1953. *Vneshnyaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1921–1925 gg.* [The foreign policy of the Soviet state in 1921–1925]. Moscow, Gospolitizdat Publ. (In Russ.)
16. Sergeev E.Yu. 2019. *Bolsheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya 1918–1924: ot interventsii k priznaniyu* [Bolsheviks and the British. Soviet-British relations in 1918–1924: From intervention to recognition]. St. Peterburg, Nauka Publ. (In Russ.)
17. Tomas L.Ya. 2010. *Zhizn' G.V. Chicherina*. [The life of G.V. Chicherin]. Moscow, Sobranie Publ. (In Russ.)

18. Trukhanovsky V.G. 1962. *Vneshnyaya politika Anglii na pervom etape obshchego krizisa kapitalizma (1918–1939 gg.)* [The foreign policy of England at the first phase of the general crisis of capitalism (1918–1939)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

19. Fomin A.M. 2010. *Voina s prodolzheniem. Velikobritaniya i Frantsiya v bor'be za 'Osmanskoe nasledstvo'. 1918–1923* [The war to be continued. Great Britain and France in the struggle for 'Ottoman succession']. Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ. (In Russ.)

20. Khormach I.A. 2020. *Sovetskoe gosudarstvo na mezhdunarodnykh forumakh 1920–1930-kh gg.* [The Soviet state at the international forums in the 1920s–1930s]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

21. Chubaryan A.O. 1972. *V.I. Lenin i formirovanie sovetskoi vneshnei politiki* [Vladimir Lenin and the formation of the Soviet foreign policy]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

22. Shishkin V.A. 2002. *Stanovlenie vneshnei politiki poslerevolutsionnoi Rossii (1917–1930 gody) i kapitalisticheskii mir* [The formation of foreign policy of post-revolutionary Russia (1917–1930) and capitalist world]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ. (In Russ.)

23. Shtein B.E. 1922a. *Gaagskaya konferentsiya* [The Hague conference] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)

24. Shtein B.E. 1922b. *Genuezskaya konferentsiya* [The Genoa conference] Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)

25. Bush B. 1976. *Mudros to Lausanne: Britain's frontier in West Asia, 1918–1923*. Albany, New York, State University of New York Press.

26. Carley M. 2014. *Silent conflict: A hidden history of early Soviet-Western relations*. Lanham, ML., Rowman and Littlefield Publishers.

27. Coates W., Coates Z. 1943. *A history of Anglo-Soviet relations*, vol. 1. London, Lawrence and Wishart, The Pilot Press.

28. Dennis A. 1924. *The foreign policies of Soviet Russia*. New York, J.M. Dent and Sons.

29. Dilks D. 1984. The British Foreign Office between the wars. In: Mackercher B., Moss D. (eds.). *Shadow and substance in British foreign policy, 1895–1939: Memorial essays honoring C.J. Lowe*. Edmonton, Alberta, University of Alberta Press, pp. 33–53.

30. Dockrill M., Goold D. 1981. *Peace without promise: Britain and the peace conferences, 1919–23*. Hamden, CT, Archon Books.

31. Fink C. 1993. *The Genoa conference: European diplomacy, 1921–1922*. Chapel Hill, London, University of North Carolina Press.

32. Fischer L. 1951. *The Soviets in world politics. A history of the relations between the Soviet Union and the rest of the world, 1917–1929*, vol. 2. Princeton, N.J., Princeton University Press.

33. Gilmor D. 1994. *Curzon*. London, J. Murray.

34. Goekay B. 1997. *A clash of empires: Turkey between Russian bolshevism and British imperialism, 1918–1923*. London, New York, Tauris Academic Studies.
35. Goldstein E. 2003. The British official mind and the Lausanne conference. In: Goldstein E., Mackercher B. (eds.). *Power and stability: British foreign policy, 1865–1965*. London, F. Cass, pp. 185–206.
36. Hartley J. 1987. *Guide to documents and manuscripts in the United Kingdom relating to Russia and the Soviet Union*. London, Mansell.
37. Johnson R. 1991. *Soviet foreign policy, 1918–1945: A guide to research and research materials*. Wilmington, Del., Scholarly Resources Inc.
38. Macmeekin S. 2015. *The Ottoman endgame. War, revolution and the making of the modern Middle East, 1908–1923*. London, G. Allen and Unwin.
39. Nicolson H. 1937. *Curzon: The last phase, 1919–1925. A study in post-war diplomacy*. London, A. Constable.
40. Nicolson H. 1926. *Some people*. Boston, New York, Mifflin.
41. Orde A. 2002. *British policy and European reconstruction after the First World War*. Cambridge, MA, Cambridge University Press.
42. Orde A. 1993. British policy and European reconstruction after the Great War. In: Catteral P., Morris C.J. (eds.). *Britain and the threat to stability in Europe, 1918–45*. London, New York, Leicester University Press, pp. 8–16.
43. Owen F. 1954. *Tempestuous journey. Lloyd George, his life and times*. London, Hutchinson.
44. Ronaldshay L. 1928. *The life of Lord Curzon*, vol. 3. London, New York, E. Benn.
45. Roskill S. 1972. *Hankey. Man of secrets*, vol. 2. London, Collins.
46. Salzmann S. 2003. *Great Britain, Germany and the Soviet Union: Rapallo and after, 1922–1934*. New York, The Boydell Press.
47. Dmytryshyn B., Cox F. (eds.). 1987. *The Soviet Union and the Middle East: A documentary record of Afghanistan, Iran, and Turkey, 1917–1985*. Princeton, N.J., The Kingston Press.
48. Watt D. 1965. *Personalities and policies. Studies in the formation of British foreign policy in the twentieth century*. London, Longmans.
49. White S. 1985. *The origins of détente. The Genoa conference and Soviet-Western relations, 1921–1922*. Cambridge, Cambridge University Press.
50. Williams A. 1992. *Trading with the Bolsheviks: The politics of East-West trade, 1920–1939*. Manchester, Manchester University Press.

Статья поступила в редакцию 30.07.2021; одобрена после рецензирования 21.12.2021; принята к публикации 01.11.2022

The paper was submitted 30.07.2021; approved after reviewing 21.12.2021; accepted for publication 01.11.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-128-162

Научная статья / Research paper

И.Э. Магадеев*

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И БАЛАНС СИЛ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В 1922 Г.: ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗСКИХ ДИПЛОМАТОВ И ВОЕННЫХ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Процесс консолидации Советского государства в 1922 г. и активность советской дипломатии на важнейших международных форумах имели прямые последствия для стратегической ситуации в Европе. Эвентуальное усиление Советской России/СССР стало одновременно угрозой и возможностью для Франции как одной из ведущих европейских держав того периода, имевшей обязательства и интересы в Центрально-Восточной Европе. Автор статьи ставит цель выявить ключевые оценки французских дипломатов и военных по комплексу вопросов, связанных с судьбами Советской России в 1922 г. и ее местом в европейском балансе сил. Исследование основано на малоиспользованных в отечественной и зарубежной историографии материалах из Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, Национального архива Франции, Исторической службы Министерства вооруженных сил Пятой республики, а также на относительно недавно опубликованных французских дипломатических и военных документах. Автор приходит к выводу, что ход и промежуточные итоги политической консолидации и социально-экономического развития Страны Советов оценивались французскими элитами весьма неоднозначно. С одной стороны, образование СССР стало одним из очевидных проявлений процесса укрепления советской власти, несколько ослабив надежды французских официальных лиц на скорое падение большевиков. В то же время дипломаты и военные в Париже и на местах нередко скептически оценивали перспективы развития советской

* *Магадеев Искандэр Эдуардович* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки факультета международных отношений МГИМО (У) МИД России (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

экономики, констатировали катастрофические последствия голода, хозяйственной и финансовой разрухи. Умеренный оптимизм по поводу возможностей активизировать торгово-экономические контакты с Советской Россией на фоне постепенного восстановления последней сосуществовал с выраженным пессимизмом. Такой же амбивалентностью характеризовались и французские оценки военного потенциала Советского государства. Констатация текущей ограниченности возможностей Рабоче-крестьянской Красной армии и Рабоче-крестьянского Красного флота соседствовала с признанием того, что основания для развития военной мощи Советского государства не были подорваны. В связи с этим международно-политические позиции Москвы в дальнейшем могли укрепиться, что отразилось бы на балансе сил в Европе. В этих условиях во французских элитах шли споры относительно перспектив «нормализации» большевистского режима и его встраивания в Версальский порядок. Все эти противоречивые установки, взгляды и оценки, ярко очерченные в 1922 г., в значительной мере предопределили общее направление и конкретное наполнение французской политики в отношении СССР и в последующие годы.

Ключевые слова: Франция, Советская Россия, баланс сил, Центрально-Восточная Европа, Версальский порядок, европейская безопасность, Красная армия, санитарный кордон, политика мирного сосуществования.

Для цитирования: Магадеев И.Э. Советская Россия и баланс сил в Центрально-Восточной Европе в 1922 г.: взгляд французских дипломатов и военных // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 128–162. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-128-162.

Iskander E. Magadeev

**FRENCH DIPLOMATS AND THE MILITARY
ON SOVIET RUSSIA AND THE BALANCE OF POWER
IN CENTRAL-EASTERN EUROPE IN 1922**

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

The consolidation of the Soviet state in 1922 and the activities of Soviet diplomacy in the key international forums had a direct impact on the strategic situation in Europe. The eventual strengthening of Soviet Russia/the USSR was both

a threat and an opportunity for France as one of the leading European powers of that period, which had obligations and interests in Central and Eastern Europe. The author aims to identify the main approaches of French diplomats and the military to a set of issues related to the possible development of Soviet Russia in 1922 and its place in the European balance of power. The study is based on a wide range of primary sources from the Diplomatic Archives of the Ministry of Europe and Foreign Affairs of France, the National Archives of France, the Historical Service of the Ministry of the Armed Forces of the Fifth Republic, as well as on recently published French diplomatic and military documents. The author concludes that the French elites had a rather ambiguous attitude towards the process and the first results of political consolidation and socio-economic development of the Soviet state. On the one hand, the formation of the USSR was an obvious manifestation of the growing Soviet power that somewhat diminished the hopes of French officials for the imminent fall of the Bolsheviks. At the same time, diplomats and the military both in Paris and on-site were often skeptical about the prospects for the development of the Soviet economy, noting the catastrophic consequences of hunger, economic and financial ruin. Moderate optimism about the opportunity to intensify trade and economic contacts with Soviet Russia as its economy recovers coexisted with pronounced pessimism. The French assessments of the military potential of the Soviet state were marked by the same ambivalence. The acknowledgement of the current limited capabilities of the Red Army and the Red Fleet was accompanied by the growing recognition that the basis of the military power of the Soviet state had not been undermined. All this could help Moscow improve its international stance in the future, which would inevitably affect the balance of power in Europe. Under these circumstances, the French elites debated the prospects for the 'normalization' of the Bolshevik regime and its incorporation into the Versailles order. The author argues that all these contradictory attitudes, views and assessments that surfaced in 1922 to a large extent predetermined the overall direction and specific content of the French policy towards the USSR in the following years.

Keywords: France, Soviet Russia, balance of power, East Central Europe, Versailles order, European security, Red Army, cordon sanitaire, peaceful co-existence policy.

About the author: *Iskander E. Magadeev* — PhD (History), Associate Professor at the Department of European and American Studies, School of International Relations, MGIMO University (e-mail: iskander2017@yandex.ru).

For citation: Magadeev I.E. 2022. French diplomats and the military on Soviet Russia and the balance of power in Central-Eastern Europe in 1922. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 128–162. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-128–162. (In Russ.)

1922 год стал одним из поворотных в развитии международных отношений в Европе в период, последовавший за окончанием Первой мировой войны, в том числе ввиду происходившей тогда трансформации баланса сил. Позиции советских республик, образовавших в декабре 1922 г. СССР, укрепились по сравнению с прошлым. В них наметилось частичное улучшение экономического положения, контроль со стороны новых властей над внутривнутриполитической ситуацией стал более плотным, расширились международные связи Москвы, советская дипломатия была представлена на ряде важнейших международных форумов (Генуэзской, Гаагской, Лозаннской конференциях) [Сергеев, 2019: 371–432; Хормач, 2020: 69–124, 181–228]. Относительная консолидация Страны Советов имела прямые последствия для стратегической ситуации в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе, опосредованно влияя на военно-политическое положение и на Западе континента.

В начале 1920-х годов Франция занимала крайне важное место в европейском балансе сил. Оно было обусловлено не только статусом одной из ключевых держав-победительниц Первой мировой войны, но и силой ее армии (численность в Европе в 1920 г. составляла 608 тыс. человек) [Histoire militaire..., 1992: 307], а также мощью военно-промышленного комплекса, масштабом накопленных за годы войны вооружений. Указанные факторы не только обеспечивали превосходство Третьей республики над Германией, но и были факторами общеевропейского значения.

Их роль была очевидна в Центрально-Восточной Европе, в том числе ввиду существования с февраля 1921 г. франко-польского «альянса» (исследователи дискутируют, насколько данный термин применим к зафиксированным тогда взаимным обязательствам Парижа и Москвы) [Враг, противник, союзник..., 2021b: 88]. Учитывая напряженность в отношениях Москвы и Варшавы, сохранившуюся даже после заключения Рижского мирного договора 1921 г., Кремль всерьез опасался, что Франция, а также Великобритания могут оказаться самыми различными способами вовлечены в новый эвентуальный советско-польский конфликт [Магадеев, 2015]. Обострение франко-германского взаимодействия на протяжении 1922 г., кульминацией которого стал ввод франко-бельгийских войск в Рур в январе 1923 г., сказалось в свою очередь и на Востоке Европы, увеличив риск конфликта СССР с лимитрофами.

Цель статьи — выявить ключевые оценки французских дипломатов и военных по комплексу взаимосвязанных вопросов, связанных с судьбами Советской России в 1922 г. и ее местом в европейском балансе сил. Среди основных вопросов можно выделить следующие: какое место Страна Советов занимала в представлениях Парижа о системе европейской безопасности? Как дипломаты и военные Третьей республики оценивали военно-политическое и экономическое состояние Советской России? Каковы, с точки зрения французских экспертов, были сильные и слабые стороны СССР, а также перспективы развития советской власти и государства? Наконец, продолжала ли Советская Россия восприниматься как революционное государство или наблюдались тенденции к ее «нормализации»?

Ответы на поставленные вопросы позволяют оценить, как процесс консолидации Советского государства в 1922 г. воспринимался представителями одной из наиболее могущественных европейских держав того периода, имевшей обязательства и интересы в Центрально-Восточной Европе. Автор также стремится выявить роль советского фактора в развитии иных векторов внешней политики Парижа (прежде всего германского и польского). Достижение этой задачи позволит продемонстрировать не только сложность координации Францией своих отношений с различными державами, но также очевидную и в начале 1920-х годов проблему неделимости безопасности в Европе, наличие самой тесной связи между стратегической ситуацией на Востоке и Западе континента.

В методологическом отношении автор исходит из расширительного толкования термина «баланс сил». В данном случае под ним понимается не только соотношение военных потенциалов и мощи вооруженных сил государств, но и совокупность факторов, от которых зависят реализация этого потенциала и применение армии, флота и авиации. Особое внимание обращено на следующие факторы: состояние и степень консолидации политической власти, экономическое положение страны, намерения и цели руководства. Более того, объективный баланс сил неотделим от его восприятия той или иной стороной, от характера субъективных оценок угроз, вытекающих из потенциала и намерений Другого [Jervis, 2017]. Ценным в этом смысле представляется тезис российской исследовательницы Е.В. Романовой, высказанный при обсуждении феномена стабильности в международных отношениях: «Восприятие системы как стабильной или нестабильной может меняться в зависимости от по-

зиции оценивающего ее государства. Стабильность, таким образом, предстает не только как объективное состояние системы, но и как субъективное восприятие» [Романова, 2009: 512]. Аналогичное суждение вполне применимо и при обсуждении феномена баланса сил.

Термин «Центрально-Восточная Европа», вынесенный в заглавие статьи, вслед за российским историком В.А. Зубачевским используется «в прагматических целях» [Зубачевский, 2017: 338], без идеологической нагрузки, а именно — для емкой характеристики геополитического пространства между Германией и Советским Союзом, ограниченного Балтийским морем на севере и Балканами на юге. В качестве аналогичного по смысловому наполнению в российской историографии также фигурировал термин «восточная часть Центральной Европы» [Зубачевский, 2017: 338].

Само по себе формирование СССР в декабре 1922 г., оказавшееся своего рода кульминацией более ранних политических процессов, которые протекали внутри советских республик, а также на международной арене, не стало вехой в развитии французских оценок в отношении Страны Советов. К тому же в это время французское руководство во главе с председателем Совета министров и министром иностранных дел Р. Пуанкаре было сосредоточено на подготовке к скорой оккупации Рура [Jeannesson, 1998]. Вместе с тем образование Советского Союза нередко рассматривалось в Париже как закономерный итог тех тенденций, которые французская дипломатия и разведка констатировали раньше. Более того, ряд озвученных в 1922 г. оценок и суждений применительно к Советской России/СССР нередко уходили корнями в уже сформировавшиеся представления о большевиках.

Ограничение хронологических рамок исследования преимущественно 1922 годом связано со значением последнего для эволюции европейского баланса сил, о чем говорилось выше, а также с резонами технического порядка. За счет сужения хронологического фокуса статьи автор стремился пойти «вглубь» и реконструировать достаточно полную картину французских оценок военно-политического и экономического потенциала Страны Советов, а также восприятия в Париже внутривнутриполитических процессов и перспектив развития советской власти. Подобные оценки и суждения нередко характеризовали не только текущее отношение Парижа к тем или иным процессам, связанным с Советским Союзом, но и более глубокие тенденции восприятия России. Их можно рассматривать как одно

из субъективных проявлений тех «глубинных сил», о которых размышлял французский международник П. Ренувен. Подразделяя введенное им понятие на материальные и духовные силы, к первым он относил преимущественно географические факторы, демографию, экономику и финансы, ко вторым — коллективные ментальности, психологию, общественное мнение [Renouvin, Duroselle, 1964]. В этом смысле представленная статья имеет определенную актуальность, позволяя выявить ряд фундаментальных представлений французских дипломатов и военных о России, отчасти заметных даже в первые десятилетия XXI в.

Новизна предложенного исследования связана прежде всего с привлечением ряда малоизвестных в отечественной и зарубежной историографии материалов из Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции, Национального архива Франции, Исторической службы Министерства вооруженных сил Пятой республики, а также относительно недавно опубликованных французских дипломатических и военных документов. Опираясь на указанные источники, автор предпринимает попытку осветить новые аспекты и дополнить выводы ряда обобщающих работ по советско-французским отношениям периода непризнания, продолжавшегося до 1924 г. [Hogenhuis-Seliverstoff, 1981; Cœuré, 1999; Hogenhuis-Seliverstoff, 1999; Карлей, 2019; Враг, противник, союзник..., 2021a, 2021b].

Советская Россия как новый/старый фактор европейской безопасности

Несмотря на то что Октябрь 1917 г. воспринимался французскими наблюдателями пять лет спустя как очевидный рубеж в российской истории, это обстоятельство не отменяло определенных черт преемственности в том, как они оценивали место «новой России»¹ в европейском балансе сил. Симптомы того, что восприятие Страны Советов французскими деятелями как стратегического фактора в Европе характеризуется определенной преемственностью с ситуацией до 1917 г., наблюдались достаточно рано. Представление о том, что Россия может выступить потенциальным «восточным противовесом» Германии периодически встречалось в документах МИД Франции (Кэ д'Орсэ) и 2-го (разведывательного) бюро Ген-

¹ Herriot É. La Russie nouvelle. Paris: Ferenczi, 1922.

штаба французской армии в 1919–1920 гг. [Carley, 1976: 173; Враг, противник, союзник..., 2021b: 211–212]. Оно сохранялось и позднее, сосуществуя с признанием текущей слабости Советской России/СССР. К тому же в подобных оценках, как правило, подразумевалось, что речь идет не о большевистской России, а о стране после предполагаемого падения или глубокой трансформации советской власти. В этом смысле многие французские оценки существовали словно в двух измерениях: 1) в текущем, когда у власти в Москве находились большевики, а Страна Советов воспринималась как угроза; 2) в измерении теоретического будущего, когда несоветская Россия могла бы вновь стать партнером или союзником Франции. При этом непроницаемых границ между данными измерениями не было: те, кто позитивно размышлял о теоретическом будущем, были склонны призывать к налаживанию взаимодействия даже с большевиками.

В январе 1923 г. глава Русской службы МИД Франции и бывший консул в Москве Ж.Ф. Гренар полагал, что СССР «со всех сторон возвращается в европейскую и мировую политику». «Будет излишним — продолжал дипломат, — подчеркивать здесь капитальную роль России в общей политике [Франции]. Она вовлечена (и эта тенденция будет только нарастать) в вопросы, в которых затронуты наши важнейшие интересы и задействована максимальная дипломатическая активность. Мы обнаруживаем ее прежде всего в Германии, где российская позиция может иметь бесчисленные последствия; Польша, наша союзница, ведет с ней тяжелую игру; страны Балтии и Румыния уязвимы для ее ударов; славяне Центральной Европы смотрят в ее сторону; ни одна держава не является столь значимой на Черном море и в Проливах, а также в самой Турции; ее влияние распространяется на Персию, Афганистан, Центральную Азию и даже на Индию; наконец, всякий вопрос, связанный с Китайской империей и Японией, не является для нее чужим»².

О потенциальном франко-российском сотрудничестве для сдерживания Германии тогда же размышлял влиятельный глава Управления политических и торговых дел Кэ д'Орсэ граф Э. Перетти делла Рокка. Он убеждал свое руководство в том, что «нам нужна точка опоры в Европе, которую может дать только российский массив суши и с которой у нас не было бы конфликта интересов» [Карлей,

² Note de Grenard pour Peretti, 24 janvier 1923 // Documents diplomatiques français (DDF). 1923. T. 1. Paris: Peter Lang, 2010. P. 121–122.

2019: 161]. В духе, характерном для французских документов того периода, Э. Перетти писал о необходимости «союза с русским народом» [Карлей, 2019: 161]. Этой фразой дипломат намекал на то, что речь шла об альянсе не с большевиками, а с Россией в ее некоей будущей, предполагаемой ипостаси.

Отсылка со стороны Э. Перетти к «русскому народу» была характерным эвфемизмом для обозначения некоей России «помимо» большевистской власти. К тому времени практика использования подобной фразеологии уже существовала. Выражение, например, присутствовало в тексте решения Верховного совета Антанты от 16 января 1920 г. о снятии блокады с Советской России (оно разрешало «обмен товарами на основе взаимности между русским народом и союзными и нейтральными странами») [Ullman, 1968: 330]. Об определенном сохранении традиционных «ментальных карт» [Сœurgé, 2004], при котором прошлые оценки стратегической роли Российской империи накладывались на восприятие Страны Советов, говорила и другая использовавшаяся во французских дипломатических документах лексика. В них встречались, например, постоянные отсылки именно к «России», а не к советским официальным названиям государства (РСФСР, СССР и т.п.); частым было применение дореволюционной топонимики (Ревель вместо Таллина, Ковно вместо Каунаса и т.д.) [Враг, противник, союзник..., 2021b: 213].

Вместе с тем, если учесть непростое отношение многих французских деятелей к Российской империи и царившим в ней порядкам, подобную традиционализацию восприятия не всегда можно было трактовать как нечто положительное. В некоторых французских оценках СССР предстал своего рода гибридом большевизма и былых имперских традиций, что не вызывало в Париже позитивных эмоций. Сотрудник французской военной разведки подполковник Р. Бюксеншютц, например, полагал, что «если сегодняшняя Россия является еще более негостеприимной, мы должны понимать: в своей близорукой внешней политике коммунисты выступают наследниками чиновников старого режима. Они усвоили их идеи, предрассудки, наглую манеру поведения, сутяжничество и нередко — ксенофобию»³. С тезисами о сочетании в советской политике большевизма и традиций были склонны соглашаться в Генштабе

³ Note de Buchsenschutz, 30 septembre 1922 // Archives du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). Papiers d'agents. Papiers Millerand (118 PAAP). Vol. 67. Fol. 38.

французской армии. Как отмечалось в одной из записок апреля 1921 г., в борьбе «против англичан, французов или поляков большевики использовали патриотические чувства и вновь объединили вокруг себя искренних патриотов прежней России» [Попова, 2000: 264].

Представление о будущей несветской России как о «восточном противовесе» Германии и факторе поддержания баланса сил в Европе (в его французском понимании) сказывалось и на дискуссиях о границах российской территории. С призывами к расчленению Страны Советов, разыгрыванию национальной и религиозной карт выступали те, кто видел в Советской России скорее союзника Германии, а не противовес ей. В январе 1922 г. на стол президента Третьей республики А. Мильерана лег текст, фиксирующий настроения одного из представителей французского военного истеблишмента — маршала Ю. Лиотэ. В этой записке отражение получили сохранявшийся среди ряда военных антисоветский настрой и даже готовность пойти на расчленение России: «Если Северная и Центральная Россия — опора правительства Советов — всё больше оказывается в орбите прусской Германии (и этому процессу очень сложно помешать), то ситуация в южных Россиях (*les Russies du Sud*) — Украине, Крыму и на других территориях — обстоит иначе. <...> Они намного меньше подвержены влиянию Германии, там проживает больше мусульман, и нельзя исключать их отделения от Севера [России]...»⁴.

В 1922 г., даже на фоне уменьшения былых надежд на антибольшевицкие восстания, французская дипломатия и разведка не отказывались от контактов с представителями националистической эмиграции. Это говорило о сохранении планов по ослаблению СССР, несмотря на его потенциальную функцию противовеса Германии. Так, 10 мая Р. Пуанкаре встретился с бывшим министром иностранных дел Грузинской Демократической Республики, меньшевиком Е.П. Гегечкори и обсудил с ним положение в Грузии, в том числе, как суммируют исследователи, речь шла о «повстанческом движении, развивавшемся в стране под руководством Объединенного военного центра — подпольной структуры, выполняющей роль главного руководящего и координирующего центра антибольшевицких повстанческих ячеек и отрядов. Во время встречи Пуанкаре обещал

⁴ Note de Lyautey, 22 janvier 1922 // Archives Nationales de la France (AN). Sous-série 470 Archives Privées (AP). Vol. 82.

Гегечкори в случае необходимости оказать повстанцам помощь оружием, снаряжением и финансами» [Мамулия, Абуталыбов, 2014: 198].

Однако реальное французское содействие закавказской эмиграции оставалось весьма ограниченным. Как свидетельствовала записка Р. Пуанкаре от 22 августа 1922 г., адресованная военному министру Франции А. Мажино, Париж сохранял осторожность: «Способствуя организации антисоветского восстания в стране, составлявшей часть бывшей Российской империи, — писал Р. Пуанкаре, — Франция нарушит обязательства, взятые ее правительством, перед лицом общественного мнения и Советов. Советы могут вполне резонно воспринять подобные действия в качестве враждебного акта, направленного против них». Он считал, что надежды на крупные восстания в Закавказье лишены основания. Париж готов был оказывать содействие только *a posteriori*, т.е. в том случае, если грузинский народ «сам избавится от представителей большевиков»⁵.

Отчасти этот настрой французских властей улавливала советская разведка. В одном из агентурных сообщений в октябре 1922 г. говорилось о предполагаемых переговорах в Париже между представителями закавказской эмиграции и сотрудником Генштаба французской армии. В сообщении было отмечено, что французский офицер отнесся к просьбам о содействии «довольно холодно»: «...была обещана финансовая поддержка, однако на первых порах небольшая — до 5 миллионов франков, а в случае успеха восстания и до 100 миллионов франков»⁶. Еще большим скепсисом были проникнуты суждения французских дипломатов о перспективах национализма и «сепаратизма» на Украине и в Белоруссии: они во многом продолжали восприниматься как часть единого имперского пространства (в новой ипостаси), управляемого из Москвы [Recherches sur la France..., 1995]. В МИД Франции даже в октябре 1920 г., на фоне военных побед Польши в войне против Советской России, считали, что возможное присоединение белорусских земель ко Второй Речи Посполитой «чревато угрозами в будущем, поскольку сомнительно, что восстановленная Россия когда-нибудь

⁵ DDF. 1922. T. 2. Bruxelles: Peter Lang, 2008. P. 209–210.

⁶ Сообщение Н. Прокоповского, не позднее 19 октября 1922 г. // Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы / Ред. колл.: В.А. Золотарёв, Я.Ф. Погоний, А.П. Белозёров и др. Т. 2. М.: Триада-Х, 2001. С. 436.

его признает»⁷. Уже после подписания Рижского мирного договора 1921 г. видный член французской центристской Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов Э. Даладьё в статье от 20 апреля 1921 г. в газете «Bonsoir» критиковал соглашение. С точки зрения Э. Даладьё, в договоре не были учтены «настроения населения, которое вопреки собственной воле оказалось включено в состав Польши» [Dessberg, 2009: 26].

Опция в виде существования достаточно сильной, демократической и несоветской России, выступающей противовесом Германии на Востоке Европы, была неким отдаленным идеалом для Парижа. Однако этот идеал с трудом сочетался с реальной восточноевропейской и советской политикой Франции после окончания Первой мировой войны. Одним из ее магистральных направлений стало укрепление «санитарного кордона» — комбинации стран-лимитрофов Советской России во главе с Польшей. «Санитарный кордон» был призван выполнить тройную функцию: выступить в случае конфликта «вторым фронтом» против Германии, сдерживать распространение советского влияния (в геополитической и революционной форме) на Запад, не допустить образования советско-германской сцепки в Восточной Европе [Нові, 1975]. В Париже проявляли внимание и к потенциальному южному ответвлению «санитарного кордона» в виде кемалистской Турции, с которой Франция стремилась поддерживать весьма дружественные отношения, а также в виде закавказских государств в случае их выпадения из советской орбиты. В январе 1922 г. Ю. Лиотэ стремился убедить А. Мильерана в том, что «согласие (*entente*) [Франции] с Анкарой и Константинополем предстает как крайне важное и многообещающее обстоятельство, если за ним последует постепенное установление контроля над всеми Россиями Юга»⁸.

В Париже осознавали, что стратегические опции в отношении нынешней и будущей России, из которых исходили французские дипломаты и военные, с трудом сочетаются друг с другом. Одна требовала проведения политики «санитарного кордона», другая — «наведения мостов» во взаимодействии даже с советской властью в надежде на ее последующую трансформацию. О плохой совмести-

⁷ Note sur la Lithuanie et la Russie blanche, 19 octobre 1920 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 25–28.

⁸ Note de Lyautey, 22 janvier 1922 // AN. 470 AP 82.

мости этих опций говорила, например, обеспокоенность польской дипломатии в связи с визитом в РСФСР в сентябре–октябре 1922 г. председателя Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, депутата Парламента и мэра Лиона Э. Эррио [Лавренова, 2014; Враг, противник, союзник..., 2021а: 540–548]. Визит стал одной из выраженных попыток частично нормализовать отношения с большевиками. Официальная Варшава, как сообщал французский посланник Г. де Панафье, была всерьез обеспокоена потенциальным советско-французским сближением⁹. Об этих же настроениях свидетельствовала одна из бесед главы Департамента торговых отношений МИД Франции Ж. Сейду с польским посланником во Франции Ю. Веловойским в октябре 1922 г. Посланник обеспокоенно говорил о том, что французские визитеры прибывают в Москву «в большом количестве», а отношение официальных властей Третьей республики к советским торговым представителям в Париже претерпело «очевидные изменения»¹⁰.

Поставленная перед обозначенной внешнеполитической дилеммой, французская дипломатия предпочитала иметь под рукой обе опции, варьируя акцент на той или иной в зависимости от обстоятельств. Даже в июле 1920 г., в разгар советско-польской войны, во время которой Франция оказала немаловажную помощь Варшаве и всерьез опасалась прорыва Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) в Центральную Европу, А. Мильеран (тогда в статусе председателя Совета министров и министра иностранных дел) не забывал о долгосрочной перспективе. Инструктируя французского дипломата Э. Дара, отправленного посланником в Мюнхен, А. Мильеран не преминул напомнить о том, что «единая Германия стала угрозой для нашей безопасности, и противовесом ей может служить только военный союз с Россией, который непросто заменить чем-то в нынешних условиях»¹¹. В феврале 1923 г., в начальной фазе Рурского кризиса, Ж. Сейду еще более остро осознавал вызовы, связанные как с текущим положением, так и с дальнейшей эволюцией баланса сил в Европе. С его точки зрения, «существование Польши в нынешнем

⁹ Panafieu à Poincaré, 16 octobre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 409–410.

¹⁰ Note de Seydoux, 12 octobre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 47–48.

¹¹ Millerand à Dard, 20 juillet 1920 // DDF. 1920. T. 2. Paris: Imprimerie nationale, 1999. P. 220.

виде с трудом совместимо с ситуацией, когда Германия и Россия восстановят свои силы и мощь»¹².

Если по вопросам «санитарного кордона» и отношениям с Москвой во французской дипломатии присутствовала двойственность, то более ясным было осознание в Париже тех сценариев, которые французские власти не хотели допустить. Прежде всего, речь шла о недопущении выстраивания «фронта» держав, негативно настроенных в отношении мирного урегулирования по итогам Первой мировой войны: «Ж. Клемансо и его окружение хорошо понимали также, что две пострадавшие от войны державы, как Германия и большевистская Россия, имеют веские основания для объединения сил в борьбе с победителями» [Ачкинази, 2020: 118].

Если говорить о событиях 1922 г., то особую обеспокоенность в Париже вызвало заключение Рапалльского соглашения (16 апреля). Р. Пуанкаре и французские военные считали, что в договоре помимо опубликованных статей есть некие секретные военные клаузулы антипольского характера. На страницах дневника начальник Генштаба французской армии генерал Э. Бюа характеризовал Рапалльский договор как «бомбу», брошенную «немцами, действующими в согласии с Советами». По мнению генерала, речь шла о формировании «германо-славянского блока», причем в качестве потенциального «германского и русского диктатора» Э. Бюа, как и в 1920 г., видел немецкого военачальника Э. Людендорфа¹³. В речи, прочитанной в г. Бар-ле-Дюке 24 апреля, Р. Пуанкаре не только заклеил «германо-большевистский» договор, но и пригрозил единоличными действиями Франции против Германии в случае просрочки последней платежей по репарациям. После Рапалло французские власти активизировали планирование оккупации Рура [Враг, противник, союзник..., 2021a: 354–355]. Помимо Советской России и Германии потенциальным участником «фронта» ревизионистов могла стать кемалистская Турция. Особую обеспокоенность в Париже вызывала информация о возможных совместных действиях Москвы и Анкары в период Чанакского кризиса сентября–октября 1922 г., когда существовал риск силового прорыва кемалистов к Константинополю и Проливам [Магадеев, 2022].

¹² Note de Seydoux, 16 février 1923 // DDF. 1923. T. 1. P. 247.

¹³ Note de 18 avril 1922 // Journal du général Buat, 1914–1923 / Prés. par F. Guelton. Paris: Perrin, 2015. P. 1198–1199.

Приближающийся крах или начало восстановления?

Французские представления о состоянии советской экономики

Стратегические выкладки французских дипломатов и военных относительно места Советской России в европейском балансе сил были неразрывно связаны с тем, как они оценивали социально-экономическое состояние Страны Советов, ее военный потенциал и боеспособность вооруженных сил. Ответы на эти вопросы были важным компонентом того концептуального фундамента, на котором строились действия самого Парижа в отношении большевиков. Видение французскими аналитиками стратегической роли Советской России и представление о внутреннем положении дел в ней были двумя сторонами одной медали.

Один из общих факторов, оказывавших серьезное воздействие на восприятие в Париже ситуации в Советской России, заключался в дефиците качественной информации о событиях и процессах, происходивших к востоку от «санитарного кордона» после 1917–1918 гг. Российский дипломат-эмигрант и бывший посол во Франции В.А. Маклаков с пренебрежением писал в декабре 1922 г. о том, что «французы вообще мало знают Россию», «у них суждения прямолинейны»¹⁴. Хотя в подобной оценке весомой была роль субъективизма (В.А. Маклакову не нравились набиравшие силу в Париже представления о «нормализации» советского режима и его эволюции в сторону умеренности), всё же заочно с ней соглашались и французские представители. В июне 1923 г. военный министр А. Мажино писал о России как о «непроницаемой» с точки зрения получения оттуда проверенных и надежных сведений¹⁵. В мае 1924 г. французский посланник в Эстонии Л.М. де Вьен, считавший сбор информации об СССР одной из ключевых задач своей дипломатической миссии, продолжал сообщать о том, что получаемые им сведения о Стране Советов, «как правило, тенденциозны и противоречивы»¹⁶. Несмотря на то что французские дипломаты и военные признавали не самое высокое качество информации, получаемой ими об СССР, это не избавляло их от необходимости давать ответы на важные вопросы.

¹⁴ Маклаков — Бахметеву, 21 декабря 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!»: В.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 2 / Под ред. О.В. Будницкого. М.; Стэнфорд: РОССПЭН, 2001. С. 410.

¹⁵ Maginot à Poincaré, 11 juin 1923 // DDF. 1923. Т. 1. P. 657.

¹⁶ De Vienne à Poincaré, 30 mai 1924 // DDF. 1924. Т. 1. Paris: Peter Lang, 2013. P. 495–496.

Внутриполитическое и социально-экономическое положение Советской России в 1922 г. представляло крайне противоречивым. Этот тезис применим ко многим французским суждениям более раннего периода, тем не менее ситуация в год образования СССР обладала спецификой.

С одной стороны, надежды французских официальных лиц на скорое падение советской власти несколько ослабли по сравнению с прошлыми годами, и ряд деятелей в Париже предлагали сделать ставку на нормализацию торгово-экономического взаимодействия с большевиками. Эти шаги, как надеялись в Москве, могли стать прологом для дипломатического признания Страны Советов. Одним из наиболее важных симптомов подобной трансформации французских оценок стал упоминавшийся выше визит Э. Эррио в 1922 г. Именно этот политик, придя к власти в 1924 г., стимулировал установление официальных дипломатических отношений между Парижем и Москвой.

Согласно информации французской дипломатической миссии в Варшаве Э. Эррио, вернувшийся из РСФСР в Париж через польскую столицу, «не скрывал удивления от того, что видел на улицах и в театрах Москвы прилично одетых людей, богатые прилавки магазинов, заполненные посетителями рестораны, короче говоря, картины нормальной жизни»¹⁷. Схожие сведения до французских дипломатов доносил один из французских предпринимателей по фамилии Лели. Он имел давние бизнес-связи с Россией и представлял «Торгово-промышленную компанию французских инженеров России». В октябре 1922 г., вернувшись из поездки в РСФСР, Лели убеждал представителей Кэ д'Орсэ в существовании достаточно неплохих условий жизни в Москве, перспектив на грядущий урожай в стране. Он призывал стимулировать возвращение в Россию малого французского бизнеса, полагал, что Новая экономическая политика (НЭП) ведет к эволюции советского режима и отказу от «коммунистической пропаганды»¹⁸.

С другой стороны, многие французские дипломаты и военные считали, что подлинное положение дел в Советской России остается крайне плачевным и перспективы развития Страны Советов отнюдь не выглядят благоприятными. В марте 1922 г. В.А. Маклаков делился

¹⁷ Panafieu à Poincaré, 16 octobre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 408.

¹⁸ Note de Seydoux pour Poincaré, 16 octobre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 50.

со своим постоянным корреспондентом, российским дипломатом-эмигрантом Б.А. Бахметевым, ощущением об упадке в Париже «веры в способность русского народа возродиться»¹⁹. Генерал Э. Бюа скептически воспринял позитивные впечатления Э. Эррио, вынесенные из поездки в РСФСР. После сообщения, сделанного мэром Лиона в декабре 1922 г. в румынской дипломатической миссии в Париже, Э. Бюа на страницах дневника намекал на субъективизм Э. Эррио: «Естественно, большевики оказывали ему повышенное внимание. Его всегда перевозили в лучших вагонах, размещали в прекрасных апартаментах, приглашали дегустировать лучшие блюда, каждый вечер предупреждали, чтобы он не забыл надеть пальто»²⁰.

Одним из авторитетных экспертов, активно участвовавших в различных мидовских и межведомственных дискуссиях о советской политике Франции, был уже упоминавшийся Ж. Сейду [Jeannesson, 2013]. Накануне Генуэзской конференции он призывал Р. Пуанкаре не ограничиваться исключительно обструкционистской политикой в отношении России «с ее бесчисленными ресурсами и огромным населением», а предложить совместно со странами Малой Антанты и Бельгией проекты «реконструкции» РСФСР. Эти проекты, с точки зрения дипломата, могли бы стать альтернативой плану британского премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, к которым в Париже относились с недоверием²¹.

Однако подобные умеренно-оптимистичные соображения Ж. Сейду быстро уступили место выраженному пессимизму в отношении будущего Страны Советов после провала Генуэзской конференции [Jeannesson, 2000: 415]. Записка Ж. Сейду от 24 июня 1922 г., посвященная состоянию советской экономики, отличалась весьма подробным разбором указанного вопроса. Автор основывался на относительно широкой выборке источников — от официальных сообщений Наркомата финансов РСФСР и сведений международных организаций, оказывавших содействие в борьбе с голодом в Советской России, до личных впечатлений иностранных путешественников и, как можно предположить, на информации от представителей белой эмиграции. Особое внимание Ж. Сейду обра-

¹⁹ Маклаков — Бахметеву, 25 марта 1922 г. // «Совершенно лично и доверительное!». Т. 2. С. 232.

²⁰ Note de 29 décembre 1922 // Journal du général Buat. P. 1300.

²¹ Note de Seydoux pour Poincaré, 17 mars 1922 // DDF. 1922. T. 1. Bruxelles: Peter Lang, 2007. P. 368.

тил на влияние продолжавшегося голода в советских республиках²². В целом записка была проникнута глубоким пессимизмом: «...экономическая ситуация в России приближается к катастрофе, которая не может продолжаться долго». Повышая градус эмоциональности описания, Ж. Сейду отмечал «бесчисленные случаи каннибализма», писал о том, что «вся Украина южнее Харькова находится во власти ужасного голода», и предлагал сравнивать положение дел в России «с 1000-м годом», когда наблюдалась «столь же плачевная ситуация». В отличие от советской дипломатии, подчеркивавшей, что голод стал результатом «тяжелого стихийного бедствия»²³ и «периодически повторяющихся засух»²⁴, глава Департамента торговых отношений Кэ д'Орсэ считал, что причины носили рукотворный характер.

Ж. Сейду выделил два фактора, которые рассматривал в качестве определяющих: «падение производства» и «дефицит платежных средств». Как и другие дипломаты²⁵, он видел в России преимущественно аграрную страну, экспортировавшую сырье. Согласно этой логике благополучие РСФСР зависело от уровня развития сельского хозяйства и возможностей продать на внешних рынках продовольствие, нефть, уголь, руды и другие виды сырья. Ж. Сейду констатировал глубочайший кризис в ключевых секторах советской экономики. Согласно приведенным в записке данным было засеяно лишь 30% обрабатываемых земель, резко упала добыча угля (до 329 млн пудов (ок. 5,4 млн тонн)²⁶ в 1921 г. по сравнению с 1752 млн пудов (ок. 28,7 млн тонн) в 1916 г.), нефтяная промышленность деградировала «до уровня ок. 1880 г.», а добыча в ней — до 1891 г. При этом «денежный голод по своим последствиям был столь же разрушителен, как и недостаток зерна». Резко упали покупательная способность на душу населения (с 12 руб. в 1914 г. до 78 копеек) и объем бюджета (составил в реальном исчислении 1/5 или 1/6 от довоенного). В итоге Ж. Сейду считал «просто абсурдным, что Рос-

²² Note de Seydoux, 24 juin 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 115–130.

²³ Чичерин — Литвинову, 19 августа 1921 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР) / Комиссия по изданию дипломатических документов при МИД СССР: А.А. Громыко и др. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 275.

²⁴ Выступление Красина на Конференции по экономическому восстановлению и всеобщему миру, 12 октября 1921 г. // ДВП СССР. Т. 4. С. 415.

²⁵ См., например: *Mémoire* du Département, 1 juin 1922 // DDF. 1922. Т. 1. P. 668.

²⁶ Рассчитано, исходя из соотношения 1 пуд = 16, 381 кг.

сия в ее нынешнем состоянии может быть выгодным рынком для Европы. До тех пор, пока не будет восстановлено русское сельское хозяйство и не появится стабильная валюта, позволяющая торговать с прибылью, в этой стране нельзя ничего ни продать, ни купить. Всё, что мы можем получить в настоящий момент, — это кое-какое количество нефти, металлического лома, руды и угля, которые готовы к отгрузке в Баку или на Донбассе»²⁷.

В целом Ж. Сейду давал более негативную картину по сравнению с данными официальной советской статистики. Приведенные французским дипломатом цифры по добыче угля существенно отличались от информации Центрального статистического управления (ЦСУ) РСФСР, определявшего объем добычи в 1921 г. в 515–520 млн пудов²⁸. Заниженными выглядели данные Ж. Сейду по валовому сбору зерновых в 1921 г. на территории советских республик: 1540 млн пудов *versus* 1700 млн пудов согласно советским документам [Лященко, 1956: 93]. Напротив, приведенная им оценка состояния нефтяной промышленности была близка к официальной статистике. Если объем добычи нефти в Российской империи в 1891 г. составил 276,1 млн пудов [Сумбатзаде, 1972: 10], то аналогичный показатель в 1921 г. находился на уровне 246 млн пудов²⁹. Не претендуя на определение степени достоверности официальной статистики и выявление реального состояния советского экономического развития в начале 1920-х годов, отметим лишь, что представление о советской экономике, которое существовало во французских дипломатических и экспертных кругах, отличалось пессимизмом. Нередко оно базировалось не на официальных советских данных, а на иной информации, в том числе поставляемой представителями белой эмиграции и французскими путешественниками.

О крайне нестабильной ситуации в Советской России свидетельствовали и другие французские оценки, сосредоточенные на прогнозах текущего урожая. Считалось, что пока у крестьян есть хотя бы какие-то деньги, определенный спрос на промышленные товары

²⁷ Note de Seydoux, 24 juin 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 115–130.

²⁸ В одном сборнике ЦСУ общий объем добычи определялся в 515 798,8 тыс. пудов, в другом, чуть более позднем, — в 520 814 тыс. пудов. См.: РСФСР. Труды Центрального статистического управления. Т. 8. Вып. 2. М.: Б.и., 1922. С. 220; РСФСР. Труды Центрального статистического управления. Т. 8. Вып. 3. М.: Б.и., 1922. С. 112.

²⁹ РСФСР. Труды Центрального статистического управления. Т. 8. 1922. Вып. 2. С. 223; Вып. 3. С. 114.

будет существовать, однако новый неурожай мог снова разрушить товарообмен между городом и селом³⁰. Аналитики французского МИД, нередко преувеличивая, были склонны подчеркивать роль иностранных капиталов и технологий в потенциальном развитии Страны Советов. Как было отмечено во внутреннем меморандуме от 1 июня 1922 г., «восстановление России в значительной части зависит от действия, которое эта страна получит от иностранного капитала»³¹.

Таким образом, умеренный оптимизм по поводу возможностей активизировать торгово-экономические контакты с Советской Россией на фоне постепенного восстановления последней, ассоциировавшийся с Э. Эррио и некоторыми представителями французского бизнеса, сосуществовал в Париже в 1922 г. с выраженным пессимизмом. Отражением последнего были в том числе записки Ж. Сейду, к голосу которого на Кэ д'Орсэ были склонны прислушиваться.

Советские вооруженные силы в зеркале французских оценок

Анализ потенциала и текущего состояния советской экономики был важен для французских дипломатов и военных не только ввиду перспектив торговли со Страной Советов, но и в свете суждений о боеспособности РККА и Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ). Эта боеспособность, очевидно, зависела от положения дел в промышленности и сельском хозяйстве. Французские оценки по данному вопросу вновь не были единообразными и характеризовались амбивалентностью.

Дипломаты и военные Третьей республики неоднократно фиксировали достаточно слабое состояние советских вооруженных сил, которое сложно было отрицать. Согласно одному из исследователей, «в 20-е гг. Красной армии как силы, способной обеспечить оборону страны, практически не существовало» [Минаков, 2004: 10–11].

На французские оценки относительно низкой боеспособности РККА в 1922 г. влияли различные факторы: от советских неудач в недавней войне против Польши до состояния советской экономики и инфраструктуры, питавших сухопутные силы. Возвращаясь к событиям 1920 г., Г. де Панафье писал об РККА почти в пренебрежительном тоне: «...в августе и сентябре прошлого года большевистская

³⁰ Note de Seydoux, 7 octobre 1922; Note de Seydoux pour Poincaré, 16 octobre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 44, 54.

³¹ DDF. 1922. T. 1. P. 668.

армия продемонстрировала свою полную неспособность осуществить крупномасштабное наступление. Разглагольствования “Правды” и непримиримое поведение [полпреда РСФСР Л.М.] Карахана в Варшаве никого не обманут. Вся Европа знает о том, что правительство Советов находится в плену непреодолимых экономических проблем, а плачевное состояние средств коммуникации в стране и невыразимый дефицит припасов не позволят реализовать крупное перемещение войск»³². В мае 1922 г. французский военный атташе в Великобритании генерал А. де ля Пануз был склонен соглашаться с данными британской разведки, в которых боеспособность Красной армии оценивалась невысоко. Развертывание советских войск, как считалось, могло быть осуществлено лишь медленными темпами, что успокаивало британцев на счет возможного неожиданного нападения Советской России, поскольку признаки его подготовки были бы заметны заранее. Система транспортных коммуникаций рассматривалась как находившаяся в плачевном состоянии, а уровень военного производства — как недостаточный для начала эвентуальной агрессии³³.

Состояние железнодорожной инфраструктуры — фактора, имевшего очевидное стратегическое значение, — было для французских военных одним из показателей того, на что способна РККА. В сентябре 1922 г. в кругах 2-го бюро Генштаба французской армии была составлена специальная справка по данному вопросу, пошедшая «по инстанциям» наверх (ее текст отложился в том числе среди бумаг президента А. Мильерана). Авторитетности документу добавляло то обстоятельство, что его автором выступил один из наиболее опытных французских разведчиков, работавших на российском/советском направлении, — уже упоминавшийся подполковник Р. Бюксеншютц. Ранее, в 1915–1917 гг., он был главой французского разведывательного бюро при Главном управлении Генштаба Русской императорской армии и помощником военного атташе Франции, пробыв в России почти три года — «больше, чем кто-либо из французских офицеров за время [Первой мировой] войны» [Павлов, Гельтон, 2019: 212]. В указанной справке Р. Бюксеншютц подчеркнул, что «на самом деле [советские] железные дороги плачевно функцио-

³² Panafieu à Briand, 24 novembre 1921 // DDF. 1921. T. 2. Bruxelles: Peter Lang, 2005. P. 615.

³³ La Panouse à Maginot, 31 mai 1922 // Service historique de la défense (SHD) / Département de l'armée de terre (DAT), 7N 2794.

нируют, поскольку им не хватает всего». Подполковник считал почти бессмысленными даже дорогостоящие попытки решить проблему за счет импорта. С его точки зрения, советские закупки локомотивов за рубежом не принесли большой пользы, поскольку те не могли нормально функционировать ввиду недостатка топлива и неподходящей конфигурации (слишком большая масса локомотивов). Как итог, «российские железнодорожники сражаются в крайне плачевных условиях за поддержание железных дорог в функционирующем состоянии»³⁴.

Очевидно, что подобное состояние инфраструктуры ограничивало оперативно-стратегические возможности Красной армии. Даже Э. Эррио, констатировавший улучшение экономической ситуации в РСФСР, полагал, что реальная боеспособность РККА остается крайне низкой³⁵. Авторитетный маршал Ф. Фош в сентябре 1922 г. стремился убедить польских военных в том, что основные силы Польши должны быть сосредоточены против Германии, а не Советской России. Последняя, с точки зрения маршала, «на протяжении достаточно долгого времени будет противником, которого стоит рассматривать лишь во вторую очередь, поскольку он не представляет непосредственной угрозы. <...> Несколько дивизий [на восточной границе Польши] будет достаточно, да и эти дивизии следует как можно быстрее заменить резервными соединениями»³⁶.

И всё же говорить о полной успокоенности французской разведки и дипломатии в отношении советских вооруженных сил не приходилось. Констатация их текущей слабости соседствовала с опасениями по поводу будущего развития, причем особое значение придавалось потенциальному и реальному германскому содействию в модернизации Красной армии и флота. В сентябре 1922 г. Ж.Ф. Гренар констатировал постепенный прогресс в развитии РККА. Он сообщал своему руководству об «общей реорганизации Красной армии, которая идет уже 2–3 месяца. Ее целью является сокращение численности, исходя из резонансов военно-технического и экономического характера. Численность пехоты сокращают, усиливают пулеметные части при сохранении численности артиллерии. Дивизия теперь состоит из трех полков вместо трех бригад, сохраняя былую артиллерию.

³⁴ Note de Buchsensschutz, 30 septembre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 35.

³⁵ Note de 29 décembre 1922 // Journal du général Buat. P. 1300.

³⁶ Note de 20 septembre 1922 // Journal du général Buat. P. 1243.

В итоге организация армии приближается к французской модели»³⁷. Последнюю мысль можно было расценивать как специфическую форму похвалы, хотя сами советские военачальники вряд ли бы с ней согласились. М.Н. Тухачевский писал в 1923 г. о «дымке какой-то пассивной вялости», окутавшей французские директивные документы по тактике ведения боя, которые не рассматривались как истина в последней инстанции³⁸.

Другие сведения, поступавшие к Ж.Ф. Гренару, указывали на то, что обозначенный им процесс трансформации Красной армии мог быть связан с доктринальным влиянием, исходившим от рейхсвера. Информаторы Ж.Ф. Гренара утверждали, что «немецкие советники Троцкого, в особенности генерал Бауэр» оказывали влияние на непосредственное развитие РККА, предлагая увеличить ее боеспособность за счет сокращения численности»³⁹. К 1922 г. представление о наркоме по военным делам РСФСР Л.Д. Троцком как о «германофиле» стало традиционным во французских дипломатических и разведывательных оценках. При этом любые реальные или предполагаемые проявления советско-германского военно-политического и военно-технического сотрудничества вызывали повышенную обеспокоенность в Париже [Враг, противник, союзник..., 2021а: 333–334, 351–352].

О том, что даже в период военной слабости РСФСР французские эксперты не исключали будущего усиления советских вооруженных сил, говорили их оценки в отношении РККФ — слабого звена советской военной системы в начале 1920-х годов. Аргумент о возростающей силе Красного флота использовался как довод в пользу того, чтобы не сокращать собственное французское присутствие на Балтике. В ноябре 1922 г. посланник Франции в Швеции Л.Ш. Делава подчеркивал в одном из своих донесений в Париж: «В тот момент, когда Германия восстанавливает свое влияние на Балтике и все говорят о ренессансе большевистского флота, было бы неосторожно с нашей стороны ухудшать собственное положение, которого мы достигли с помощью небольших авизо [класс боевых кораблей]»⁴⁰.

³⁷ Note de Grenard, 22 septembre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 316.

³⁸ Тухачевский М.Н. Модные заблуждения (1923) // Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. М.: Политиздат, 1964. С. 174.

³⁹ Note de Grenard, 21 juin 1922 // АМАЕ. 118 РААР 67. Fol. 114. По всей видимости, речь шла о полковнике М. Бауэре, приближенном к генералу Э. Людендорфу.

⁴⁰ Delavaud à Poincaré, 13 novembre 1922 // DDF. 1922. T. 2. P. 541, note 2.

Советская и германская «угрозы» вновь не просто шли в паре во французских оценках, а усиливали одна другую. В мае 1922 г. А. де ля Пануз передавал из Лондона сведения о предполагаемом «заключении между Германией и правительством Советов договоренностей по реорганизации [советского] флота при участии германских офицеров. Возможно, что некоторое количество немцев в настоящее время уже находится в российском флоте для приведения кораблей в должное состояние»⁴¹.

Советский политический режим: степень прочности и характер развития

В Париже хорошо понимали, что состояние советской экономики и вооруженных сил создает объективный фундамент советской мощи (пока весьма небольшой). Однако реальное использование последней зависело от политического режима и целей людей, находившихся у власти в Москве.

В 1922 г., как и раньше, французские дипломаты и военные не исключали и даже продолжали надеяться на возможные антибольшевистские выступления внутри Советской России, которые могли быть поддержаны извне силами белой эмиграции, странами-лимитрофами при содействии западных держав [Враг, противник, союзник..., 2021b: 697–702]. Однако подобные надежды были слабее, чем в предыдущие периоды. В Париже с неохотой признавали относительную стабилизацию советского режима, который, тем не менее, продолжали рассматривать как хрупкий и подверженный различного рода трансформациям.

В январе 1922 г. во французских властных кругах всё еще имела хождение информация о возможных вооруженных экспедициях белых в Советскую Россию. 10 января в сообщении из Риги посланник Д. де Мартель обратил особое внимание на фигуру полковника, князя А.П. Ливена, командовавшего ранее 5-й дивизией в составе Северо-Западной армии белых сил. Советская разведка полагала, что А.П. Ливен «пользуется большим доверием и симпатией у французов»⁴².

Князь, который, как считалось, получил от П.Н. Врангеля полномочия действовать на территориях к северо-востоку от со-

⁴¹ La Panouse à Maginot, 31 mai 1922 // SHD/DAT, 7N 2794.

⁴² Сообщение агента ВЧК, 28 сентября 1920 г. // Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1. М.: Гея, Триада-Х, 1998. С. 168.

ветских границ, надеялся, что грядущей весной его силам удастся воспользоваться предполагаемыми волнениями в РСФСР: «В том, что касается тактики, — суммировал Д. де Мартель состоявшуюся беседу, — она будет заключаться в захвате большевистских складов вооружений. После того как эта задача будет решена, местное население будет организовано в банды, которые пополнятся за счет добровольцев. Первоочередной целью восстаний будет перерезать железную дорогу, ведущую из Москвы в Петроград». Д. де Мартель считал план нереалистичным и не верил в поддержку действий белых со стороны местного населения. Однако дипломат не стал отговаривать А.П. Ливена и сделал из беседы вывод о том, что «генерал Врангель не отказался от надежд возобновить борьбу против большевиков». Последняя фраза была подчеркнута в экземпляре донесения, отложившегося среди бумаг А. Мильерана, что свидетельство о внимании президента к ней⁴³. В упоминавшейся выше записке Ю. Лиотэ, которая примерно тогда же, в январе 1922 г., легла на стол А. Мильерана, выраженный антисоветский настрой маршала и призывы к расчленению России соседствовали с идеей о необходимости применить более изощренные методы, нежели вооруженные интервенции. С точки зрения маршала, надо было действовать «не с помощью авантюры в духе Врангеля, но за счет экономической политики, пропаганды и всей совокупности средств, которые можно найти»⁴⁴.

На протяжении 1922 г. к голосу активных интервенционистов и адептов идеи о скором падении советской власти из среды белой эмиграции в Париже прислушивались всё меньше. Уже в марте В.А. Маклаков отмечал «перемену французского настроения» в отношении большевиков. Дипломат считал, что эта трансформация «тем опаснее, что исходит от Пуанкаре, человека независимого, а с другой [стороны] консервативного, который таким образом дает мерило тому, где идет срединная линия французских настроений. Это еще больше сбивает с толку нашу эмиграцию...»⁴⁵. Показательным было ухудшившееся отношение французских деятелей к эсеру Б.А. Савинкову, одному из наиболее активных сторонников стимулирования антибольшевистских восстаний в советских республи-

⁴³ Martel à Briand, 10 janvier 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 39–40.

⁴⁴ Note de Lyautey, 22 janvier 1922 // AN. 470 AP. Vol. 82.

⁴⁵ Маклаков — Бахметеву, 31 марта 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 236.

ках. В мае 1922 г., вскоре после личной встречи с Б.А. Савинковым, В.А. Маклаков отметил, что его собеседник «остался сейчас без помощи» своих бывших патронов, в том числе французского политика Л. Барту, «с которым [эсер] когда-то очень дружил во Франции. Тот период, когда Савинков мог изображать себя в Европе главой зеленого движения и настаивать на том, чтобы разговаривали с ним в качестве такового, по-видимому, завершился»⁴⁶.

На Кэ д'Орсэ были осведомлены о недовольстве действиями официального Парижа в кругах антисоветской эмиграции. В неподписанной записке от 1 июня 1922 г. были суммированы сведения о положении дел в Советской России, поступившие в МИД Франции от эсеров. Последние «очень живо выражают свое сожаление по поводу того, что шефы французского правительства, [принимая те или иные решения], не устраивают предварительные консультации с главными представителями российской демократии. Последние всегда были самыми твердыми сторонниками Антанты; благодаря своим прямым связям с народными массами в России они всегда могут предоставить полезные сведения»⁴⁷.

Если надежды французских дипломатов и военных на скорое падение власти большевиков явно пошли на спад, то в 1922 г. несколько усилилась тенденция иного рода — размышлять о возможной внутренней эволюции и «нормализации» советского режима. Подобные идеи существовали и раньше. О том, что большевизм вступил «на путь эволюции», во 2-м бюро Генштаба французской армии говорили, например, еще в октябре 1920 г. [Vidal, 2015: 49]. Такие оценки стали более активно циркулировать в Париже после начала НЭПа в 1921 г. Как правило, подобные тезисы озвучивали те французские деятели, которые выступали за наведение мостов в отношениях с Москвой.

Автор неподписанной записки от 28 января 1922 г. (возможно, Ж.Ф. Гренар), отправленной руководству МИД Франции и А. Мильерану, подчеркивал, «что лидеры большевиков говорят об изменениях, происходящих сейчас в России, как об изменении тактики. В реальности мы находимся перед новой революцией, не менее серьезной и не менее глубокой, чем в 1917 г. Россия не перестает удивлять

⁴⁶ Маклаков — Бахметеву, 3 мая 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 300–301.

⁴⁷ Note 'Situation politique en Russie. Point de vue du parti socialiste-révolutionnaire russe de droite', 1 juin 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 97.

мир»⁴⁸. Автор указанной записки не был одинок. 3 мая 1922 г. «квалифицированный и надежный информатор» французской военной разведки в Будапеште сообщал том, что «налицо эволюция большевизма» [Попова, 1996: 59]. В схожем духе высказывался Э. Эррио. Суммируя его позицию, Г. де Панафье сообщал, что, с точки зрения мэра Лиона, «в России коммунистические идеи пережили глубокую эволюцию и, почти забытые, в настоящий момент находятся на грани исчезновения. Настрой комиссаров, с которыми он беседовал, — [заместитель председателя СНК РСФСР Л.Б.] Каменев, [кандидат в члены Политбюро Н.И.] Бухарин, [заместитель наркома финансов Г.Я.] Сокольников и даже Троцкий, — показался ему далеким от идей о возвращении к интегральному марксизму (именно они вдохновляли известные декреты 1917 г. о национализации). Г-н Эррио не скрывал своего восхищения перед познаниями, политической зрелостью, способностями и даже здравым смыслом и умеренностью многих [большевиков], в особенности — Троцкого»⁴⁹. Даже Д. де Мартель, не склонный идеализировать ситуацию в СССР, полагал в январе 1923 г., что советское руководство «эволюционирует в сторону возвращения если не в поступках, то хотя бы на уровне риторики, к капитализму...»⁵⁰.

Однако говорить о повсеместном распространении таких суждений во французских властных кругах не приходилось. По-своему примечательным был тот факт, что процитированный выше пассаж записки от 28 января 1922 г., экземпляр которой отложился среди бумаг А. Мильерана, был перечеркнут⁵¹. Президент Третьей республики, известный своим жестким антисоветским настроением, явно не был согласен с подобными тезисами. Мыслей об эволюции советской власти не разделял и Р. Бюксеншютц. В сентябре 1922 г. он писал: «Ничто не позволяет ожидать в краткосрочной перспективе политических изменений в России, несмотря на экономические проблемы, которые будут лишь усугублены в случае новых потрясений»⁵².

Схожие выводы содержались и в другой входящей информации, аккумулируемой в Париже. Стремление различных представителей белой эмиграции убедить французские власти в том, что об эволю-

⁴⁸ Note de Service, 28 janvier 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 65.

⁴⁹ Panafieu à Poincaré, 16 octobre 1922 // DDE. 1922. T. 2. P. 408.

⁵⁰ Note de 29 janvier 1923 // Journal du général Buat. P. 1331.

⁵¹ AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 65.

⁵² Note de Buchsensschutz, 30 septembre 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 36.

ции и «нормализации» советской власти речи не шло, было вполне понятным. В.А. Маклаков полагал, что французы, считавшие, будто «большевики эволюционируют», отличались «безграничным легкомыслием и невежеством»⁵³. В марте 1923 г. на заседании парижской группы партии кадетов его участники позитивно оценили настрой А. Мильерана. Они рассматривали президента Третьей республики в качестве преграды на пути налаживания отношений между Францией и СССР⁵⁴. Более неожиданным оказался источник сведений, поступивших в январе 1922 г. от З.А. Пешкова — французского майора с примечательной судьбой, являвшегося крестником А.М. Горького и братом Я.М. Свердлова [Dubosclard, 2001]. В записке З.А. Пешкова, которая легла на стол А. Мильерана, были суммированы мысли А.М. Горького, изложенные в его недавних беседах с крестником на территории Германии. Оценки А.М. Горького мало соответствовали шаблонному образу «буревестника революции»: «...положение дел [в Советской России] еще хуже, чем представляют в Европе, и оно ухудшается с каждым днем. <...> Если они [большевики] даже получают от Европы финансовую и экономическую помощь, которую запрашивают, у них не получится использовать ее по назначению <...>. Те, кто полагают, что большевики способны к эволюции, ошибаются...» А.М. Горький, согласно донесению З.А. Пешкова, даже говорил о том, что «Ленин провел почти всю свою жизнь за границей. Он совсем не знает своей страны...»⁵⁵.

Приведенные выше размышления Э. Эррио о настрое различных народных комиссаров в Москве демонстрировали, что идеи о внутренней эволюции советского режима были тесно связаны с представлениями французских деятелей о роли конкретных лидеров большевиков и раскладе политических сил в Кремле. Заметная в суждениях мэра Лиона тенденция искать некое «умеренное» крыло среди представителей советской власти существовала и раньше. В декабре 1921 г. не кто иной, как председатель Совета министров и

⁵³ Маклаков — Бахметеву, 5 апреля 1922 г. // «Совершенно лично и доверительно!». Т. 2. С. 247.

⁵⁴ Протокол заседания парижской демократической группы Партии народной свободы, 5 марта 1923 г. // Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии / Ред. совет: О.В. Волобуев и др. Т. 6. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1999. С. 72.

⁵⁵ Note du Ministère des Affaires étrangères 'Impressions de Gorky sur la situation en Russie', 5 janvier 1922 // АМАЕ. 118 ПААР 67. Fol. 37–38.

министр иностранных дел Франции А. Бриан, относил к этому крылу В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, надеясь на их шаги по частичному признанию «царских долгов»⁵⁶. Несколькими месяцами ранее французский социалист Ж. Лонге, находившийся в другом политическом лагере, чем А. Бриан, мыслил в схожем ключе. Он противопоставлял действия наркома иностранных дел Г.В. Чичерина и наркома внешней торговли Л.Б. Красина «фанатикам Третьего Интернационала во главе с [Г.Е.] Зиновьевым»⁵⁷.

По такому чувствительному вопросу, как разногласия внутри большевиков, информация французской дипломатии и разведки была скудной, но они проявляли к нему повышенное внимание в 1922 г., особенно на фоне сведений об ухудшавшемся здоровье В.И. Ленина. Основываясь на информации, поступавшей из белоэмигрантских кругов, Ж.Ф. Гренар отметил в июне 1922 г.: «Подтверждено, что Ленин страдает от *tabes dorsalis* [форма нейросифилиса] в очень поздней стадии. Не может быть и речи о его выздоровлении». Тогда же Ж.Ф. Гренар наметил Л.Д. Троцкого как преемника вождя, подчеркивая, однако, что эта кандидатура встречает «сильную оппозицию»⁵⁸.

Дискуссионный вопрос о «нормализации» советской власти и влиянии «умеренного» крыла большевиков интересовал французских дипломатов и военных не только с теоретической точки зрения. Ответ на него должен был, среди прочего, указать на основы внешнеполитического планирования Москвы: продолжает ли она исходить, как нередко считалось в Париже ранее, из целей продвижения мировой революции? Или, напротив, советская внешняя политика приобретает более традиционный характер и Москва готова пойти на нормализацию отношений с западными странами, в том числе Францией? Французская дипломаты и разведчики задавались подобными вопросами отнюдь не только в 1922 г., но и много лет спустя.

* * *

Проведенный анализ различных аспектов и граней восприятия Советской России и ее места в европейском балансе сил французски-

⁵⁶ British Secretary's notes of a meeting between Lloyd George and Briand, 21 December 1921 // Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1 / Ed. by W. Medlicott et al. Vol. 15. London: HMSO, 1967. P. 784.

⁵⁷ Longuet J. La politique étrangère de la Russie des Soviets // Le Populaire, 29 septembre 1921.

⁵⁸ Note de Grenard pour Peretti, 21 juin 1922 // AMAE. 118 PAAP 67. Fol. 113.

ми дипломатами и военными в 1922 г. позволяет сделать следующие выводы. Образование СССР стало одним из очевидных проявлений процесса укрепления советской власти, победившей в Гражданской войне. Вместе с тем ход и промежуточные итоги политической консолидации и социально-экономического развития Страны Советов не выглядели во французских оценках однозначными. Дипломаты и военные в Париже и на местах нередко скептически оценивали перспективы развития советской экономики, констатировали катастрофические последствия голода, хозяйственной и финансовой разрухи, ослабленность РККА и РККФ. Тем не менее подобное видение текущей ситуации в целом ряде случаев сосуществовало с пониманием, что основания для развития мощи Советского государства не были подорваны. Это обстоятельство, как полагали многие дипломаты и военные, могло в дальнейшем укрепить военно-политические позиции Москвы в Европе, оно же стимулировало французский бизнес не оставлять российский рынок своим западным конкурентам.

Эвентуальное усиление Советской России/СССР было для Парижа одновременно угрозой и возможностью. Исход зависел от целого ряда факторов, многие из которых были малопредсказуемы. Вариант несоветской, достаточно сильной России, выступающей «восточным противовесом» Германии и имеющей рабочее взаимодействие со странами-лимитрофами, был одним из наиболее предпочтительных для французских дипломатов и военных. Одной из предпосылок для его осуществления, пусть это и редко озвучивалось в эксплицитной форме, было падение советской власти или, что казалось более реалистичным в условиях 1922 г., ее эволюция и «нормализация». Под последними, как правило, понимались отход от проведения радикальных реформ внутри и от экспорта революции вовне, переход к налаживанию взаимодействия с западными странами.

Подобные размышления теоретического порядка были обращены в будущее, хотя отчасти влияли на некоторые текущие настроения ряда французских деятелей, выступавших с идеей наведения мостов во взаимодействии с Москвой. Французская дипломатия, сохраняя указанную опцию «про запас» и не исключая ее задействования при определенных обстоятельствах, всё же пока делала ставку на другую стратегию. В ее рамках Советская Россия/СССР воспринималась преимущественно как угроза и риск для баланса сил в Европе. Краеугольными камнями этой стратегии выступали ослабление Германии, недопущение образования «фронта» ревизионистов и

«оси» Берлин — Москва — Анкара, поддержка стран «санитарного кордона» во главе с Польшей. Но если стремление к вариативности и сохранению различных внешнеполитических опций по-своему было понятно и разумно, оно всё же не могло застраховать французское руководство от рисков нескоординированности и внутренней противоречивости собственной дипломатии, от необходимости рано или поздно сделать трудный выбор в пользу того или иного варианта военно-политической стратегии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачкинази Б.А. Проблема безопасности Франции после окончания Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2020. Т. 64. № 3. С. 107–129. DOI: 10.31857/S013038640009147-9.

2. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 1. СПб.: РХГА, 2021.

3. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. / Отв. ред. А.Ю. Павлов. Т. 2. СПб.: РХГА, 2021.

4. Зубачевский В.А. Политика СССР в Центрально-Восточной Европе (1924–1925 гг.) // Первая мировая война, Версальская система и современность / Отв. ред. И.Н. Новикова и др. СПб.: РХГА, 2017. С. 337–350.

5. Карлей М. Тайная война: Запад против России, 1917–1930. М.: Ист-Лит, 2019.

6. Лавренова А.В. Поездка Эдуарда Эррио в Советскую Россию в 1922 году (по новым архивным материалам) // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 57–68.

7. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.

8. Магадеев И.Э. Франция в советских стратегических оценках (1920–1924 гг.) // Российские и славянские исследования / Отв. ред. А.П. Сальков. Вып. 10. Минск: БГУ, 2015. С. 192–196.

9. Магадеев И.Э. «Французский фактор» в развитии Чанакского кризиса (сентябрь–октябрь 1922 г.) // Восток (Oriens). 2022. № 1. С. 66–77. DOI: 10.31857/S086919080016116-4.

10. Мамулиа Г., Абуталыбов Р. Страна огней. В борьбе за свободу и независимость. Политическая история азербайджанской эмиграции. 1920–1945 гг. Баку: CBS, 2014.

11. Минаков С.Т. Военная элита 20–30-х годов XX века. М.: Русское слово, 2004.

12. Павлов А.Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб.: РХГА, 2019.

13. Попова С.С. «Они готовы возобновить борьбу»: Военное министерство и МИД Франции о белой эмиграции в Венгрии. 1920–1921 гг. // Исторический архив. 1996. № 1. С. 41–70.

14. Попова С.С. Франция и большевистская Россия (1917–1921). Документы из Архива Военного министерства Франции // Россия и Франция XVIII–XX века / Отв. ред. П.П. Черкасов. Вып. 3. М.: Наука, 2000. С. 253–269.

15. Романова Е.В. Структурные факторы системной стабильности // Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Издательство МГУ, 2009. С. 511–545.

16. Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб.: Наука, 2019.

17. Сумбатзаде А.С. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане. М.: Наука, 1972.

18. Хормач И.А. Советское государство на международных форумах 1920–1930-х гг. М.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2020.

19. Carley M.J. The politics of Anti-Bolshevism: The French government and the Russo-Polish war, December 1919 to May 1920 // *The Historical Journal*. 1976. Vol. 19. No. 1. P. 163–189.

20. Cœuré S. La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique. Paris: Éditions du Seuil, 1999.

21. Cœuré S. La langue russe et la 'carte mentale' de l'Europe au XXe siècle. Réflexions sur l'exemple français // *Matériaux pour l'histoire de notre temps*. 2004. Vol. 76. No. 1. P. 27–33.

22. Dessberg F. Le triangle impossible: Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles: Peter Lang, 2009.

23. Dubosclard A. 'Commandant' Pechkoff (1884–1966). De l'armée à la diplomatie au service des intérêts français // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2001. No. 2–3. P. 243–254. DOI: 10.3917/gmcc.202.0243.

24. *Histoire militaire de la France* / Ed. by A. Corvisier. Vol. 3. Paris: PUF, 1992.

25. Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris: Publications de la Sorbonne, 1981.

26. Hogenhuis-Seliverstoff A. La trace ténue d'une alliance ancienne. La France et la Russie, 1920–1922 // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 1999. No. 193. P. 117–130.

27. Hovi K. Cordon sanitaire or barrière de l'est? The emergence of the French Eastern European alliance policy, 1917–1919. Turku: Turun yliopisto, 1975.

28. Jeannesson S. La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l'URSS (1921–1928) // *Histoire, économie et société*. 2000. Vol. 19. No. 3. P. 411–429.

29. Jeannesson S. Jacques Seydoux, diplomate (1870–1929). Paris: Presses universitaires Paris-Sorbonne, 2013.

30. Jeannesson S. Poincaré, la France et la Ruhr (1922–1924). Histoire d'une occupation. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 1998.

31. Jervis R. Perception and misperception in international politics. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 2017.

32. Recherches sur la France et le problème des nationalités pendant la Première Guerre mondiale (Pologne, Lituanie, Ukraine) / G.-H. Soutou. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 1995.

33. Renouvin P., Duroselle J.-B. Introduction a l'histoire des relations internationales. Paris: A. Collin, 1964.

34. Ullman J.R. Anglo-Soviet relations, 1917–1921. Vol. 2. Princeton: Princeton University Press, 1968.

35. Vidal G. Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917–1939. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2015.

REFERENCES

1. Atchkinasi B.A. 2020. Problema bezopasnosti Frantsii posle okonchaniya Pervoi mirovoi voyny [Problem of France's security after the end of the First World War]. *Modern and Contemporary History*, vol. 64, no. 3, pp. 107–129. DOI: 10.31857/S013038640009147-9. (In Russ.)

2. Pavlov A.Yu. (ed.). 2021a. *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg.* [Enemy, rival or ally? Russia in the French foreign policy in 1917–1924], vol. 1. Saint Petersburg, RHGA Publ. (In Russ.)

3. Pavlov A.Yu. (ed.). 2021b. *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg.* [Enemy, rival or ally? Russia in the French foreign policy in 1917–1924], vol. 2. Saint Petersburg, RHGA Publ. (In Russ.)

4. Zubachevskii V.A. 2017. Politika SSSR v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope (1924–1925 gg.) [Soviet policy in Central-Eastern Europe (1924–1925)]. In: Novikova I.N. et al. (eds.). *Pervaya mirovaya voyna, Versal'skaya sistema i sovremennost'* [First World War, Versailles system and contemporary world]. Saint Petersburg, RHGA Publ., pp. 337–350. (In Russ.)

5. Carley M.J. 2014. *Silent conflict: A hidden history of early Soviet-Western relations*. Lanham, MD, Rowman & Littlefield [Russ. ed.: Karlei M. Tainaya voyna: Zapad protiv Rossii, 1917–1930. Moscow, Istlit Publ.].

6. Lavrenova A.V. 2014. Poezdka Eduarda Errio v Sovetskuyu Rossiyu v 1922 godu (po novym arkhivnym materialam) [Édouard Herriot's trip to Soviet Russia in 1922 (on new archival documents)]. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 57–68. (In Russ.)

7. Lyashchenko P.I. 1956. *Istoriya narodnogo khozyaistva SSSR* [History of the national economy of the USSR], vol. 3. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russ.)

8. Magadeev I.E. 2015. Frantsiya v sovetskikh strategicheskikh otsenkakh (1920–1924 gg.) [France in the Soviet strategic estimates (1920–1924)]. In: Sal'kov A.P. (ed.). *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya* [Russian and Slavic studies], vol. 10. Minsk, BGU Publ., pp. 192–196. (In Russ.)

9. Magadeev I.E. 2022. 'Frantsuzskii faktor' v razvitii Chanakskogo krizisa (sentyabr'–oktyabr' 1922 g.) ['French factor' and dynamics of the Chanak crisis (September–October 1922)]. *Vostok (Oriens)*, no. 1, pp. 66–77. DOI: 10.31857/S086919080016116-4. (In Russ.)

10. Mamulia G., Abutalybov R. 2014. *Strana ognia. V bor'be za svobodu i nezavisimost'*. *Politicheskaya istoriya azerbaidzhanskoi emigratsii. 1920–1945 gg.* [Land of fires. Struggling for freedom and independence. Political history of the Azerbaijani emigration. 1920–1945]. Baku, CBS Publ. (In Russ.)

11. Minakov S.T. 2004. *Voennaya elita 20–30-kh godov XX veka* [Military élite of the 1920–1930s]. Moscow, 'Russkoe slovo' Publ. (In Russ.)

12. Pavlov A.Yu., Gel'ton F. 2019. *V kabinetakh i okopakh: frantsuzskie voennye missii v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [In the cabinets and the trenches: French military missions in Russia during the First World War]. Saint Petersburg, RHGA Publ. (In Russ.)

13. Popova S.S. 1996. 'Oni gotovy vozobnovit' bor'bu': Voennoe ministerstvo i MID Frantsii o beloi emigratsii v Vengrii. 1920–1921 gg. ['They are ready to resume the battle': The War ministry and the MFA of France about the White emigration in Hungary. 1920–1921]. *Istoricheskii arkhiv*, no. 1, pp. 41–70. (In Russ.)

14. Popova S.S. 2000. Frantsiya i bol'shevistskaya Rossiya (1917–1921). Dokumenty iz Arkhiva Voennogo ministerstva Frantsii [France and the Bolshevik Russia (1917–1921). Documents from archives of the French War ministry]. In: Cherkasov P.P. (ed.). *Rossiya i Frantsiya XVIII–XX veka* [Russia and France, 18th–20th centuries], vol. 3. Moscow, Nauka Publ., pp. 253–269. (In Russ.)

15. Romanova E.V. 2009. Strukturnye faktory sistemnoi stabil'nosti [Structural factors of the systemic stability]. In: Manykin A.S. (ed.). *Osnovy obshchei teorii mezhdunarodnykh otnoshenii* [Foundations of the international relations theory]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., pp. 511–545. (In Russ.)

16. Sergeev E.Yu. 2019. *Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu* [The Bolsheviks and the British. Soviet-British relations in 1918–1924: From intervention to recognition]. Saint Petersburg, Nauka Publ. (In Russ.)

17. Sumbatzade A.S. 1972. *Sotsial'no-ekonomicheskie predposylki pobedy Sovetskoi vlasti v Azerbaidzhane* [The establishment of the Soviet regime in Azerbaijan, its social and economic preconditions]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

18. Khormach I.A. 2020. *Sovetskoe gosudarstvo na mezhdunarodnykh forumakh 1920–1930-h gg.* [The Soviet state at the international forums of the 1920–1930s]. Moscow, IRI RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ. (In Russ.)

19. Carley M.J. 1976. The politics of Anti-Bolshevism: The French government and the Russo-Polish war, December 1919 to May 1920. *The Historical Journal*, vol. 19, no. 1, pp. 163–189.

20. Cœuré S. 1999. *La grande lueur à l'Est: Les Français et l'Union soviétique*. Paris, Éditions du Seuil.

21. Cœuré S. 2004. La langue russe et la 'carte mentale' de l'Europe au XXe siècle. Réflexions sur l'exemple français. *Matériaux pour l'histoire de notre temps*, vol. 76, no. 1, pp. 27–33.

22. Dessberg F. 2009. *Le triangle impossible: Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles, Peter Lang.

23. Dubosclard A. 2001. 'Commandant' Pechkoff (1884–1966). De l'armée à la diplomatie au service des intérêts français. *Guerres mondiales et conflits contemporains*, no. 2–3, pp. 243–254. DOI: 10.3917/gmcc.202.0243.

24. Corvisier A. (ed.). 1992. *Histoire militaire de la France*, vol. 3. Paris, PUF.

25. Hogenhuis-Seliverstoff A. 1981. *Les relations franco-soviétiques 1917–1924*. Paris, Publications de la Sorbonne.

26. Hogenhuis-Seliverstoff A. 1999. La trace ténue d'une alliance ancienne. La France et la Russie, 1920–1922. *Guerres mondiales et conflits contemporaines*, no. 193, pp. 117–130.

27. Hovi K. 1975. *Cordon sanitaire or barrière de l'est? The emergence of the French Eastern European alliance policy, 1917–1919*. Turku, Turun yliopisto.

28. Jeannesson S. 2000. La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l'URSS (1921–1928). *Histoire, économie et société*, vol. 19, no. 3, pp. 411–429.

29. Jeannesson S. 2013. *Jacques Seydoux, diplomate (1870–1929)*. Paris, Presses universitaires Paris-Sorbonne.

30. Jeannesson S. 1998. *Poincaré, la France et la Ruhr (1922–1924). Histoire d'une occupation*. Strasbourg, Presses universitaires de Strasbourg.

31. Jervis R. 2017. *Perception and misperception in international politics*. 2nd ed. Princeton, Princeton University Press.

32. Soutou G.-H. (ed.). 1995. *Recherches sur la France et le problème des nationalités pendant la Première Guerre mondiale (Pologne, Lithuanie, Ukraine)*. Paris, Presses de l'Université Paris-Sorbonne.

33. Renouvin P., Duroselle J.-B. 1964. *Introduction à l'histoire des relations internationales*. Paris, A. Collin.

34. Ullman J.R. 1968. *Anglo-Soviet relations, 1917–1921*, vol. 2. Princeton, Princeton University Press.

35. Vidal G. 2015. *Une alliance improbable: L'armée française et la Russie soviétique 1917–1939*. Rennes, Presses universitaires de Rennes.

Статья поступила в редакцию 26.06.2022; одобрена после рецензирования 04.08.2022; принята к публикации 17.11.2022

The paper was submitted 26.06.2022; approved after reviewing 04.08.2022; accepted for publication 17.11.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-163-194

Научная статья / Research paper

В.В. Романов*

**НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИИ В 1917–1922 ГГ.
В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ЛИБЕРАЛЬНОГО ПОЛИТИКО-АКАДЕМИЧЕСКОГО
ИСТЕБЛИШМЕНТА США**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»,
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33*

В статье анализируется эволюция подходов и оценок политико-академического истеблишмента США относительно национально-территориальной трансформации России на заключительном этапе Первой мировой войны, в условиях революции и Гражданской войны. Американская дипломатия была в тот момент нацелена на разработку и осуществление собственной амбициозной программы либерально-демократического переустройства послевоенного мира, в которой подчеркнутое внимание уделялось вопросам национального самоопределения. В этой связи администрация В. Вильсона не могла не отреагировать на по-настоящему радикальные изменения, которые происходили на пространстве бывшей Российской империи. В то же время эта реакция отличалась большим своеобразием, которое часто вызывало недоумение у европейских политиков, но вместе с тем, как отмечает автор, отражало особенности трактовки В. Вильсоном и его окружением принципа национального самоопределения. В соответствии с этой трактовкой данный принцип предполагал не столько право на этническое обособление (как это было принято в Европе), сколько право гражданского сообщества на самоуправление. При этом право самостоятельно распоряжаться своей судьбой, с одной стороны, в духе социал-дарвинистских подходов объявлялось привилегией только достигших определенной зрелости народов, а с другой — в каждом конкретном случае соотносилось с соображениями политической раци-

* Романов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, научный руководитель факультета истории, мировой политики и социологии, профессор кафедры международных отношений и политологии ТГУ имени Г.Р. Державина (e-mail: vvromanov@mail.ru).

ональности и перипетиями смены политических режимов в России. Так, если либеральный политико-академический истеблишмент США в целом последовательно поддерживал независимость Польши и Финляндии, то большинству других национальных меньшинств (народам Прибалтики, украинцам, белорусам, армянам, грузинам, азербайджанцам, народам Средней Азии и др.) чаще всего предлагалось отстаивать свою автономию в рамках единой и демократической России. Особенно противоречивой оказалась политика США на российском направлении после прихода к власти большевиков. Как отмечает автор, последовательное неприятие большевистских преобразований сочеталось в ней с нежеланием подстегивать сепаратизм национальных окраин, продиктованным страхом неограниченной дезинтеграции России, превращения ее в зону непрекращающихся этнических конфликтов. В результате США не признавали большинства национальных образований, декларировавших свою независимость в 1917–1922 гг. При этом автор заключает, что в дальнейшем усиливавшееся идеологическое и политическое противостояние с Советской Россией не позволило руководству США адекватно оценить национально-территориальные изменения, закрепленные большевиками при создании СССР.

Ключевые слова: национальное самоопределение, Вудро Вильсон, вильсонизм, либерализм, национальные меньшинства, Российская империя, Советская Россия, образование СССР, Российская революция, нация.

Для цитирования: Романов В.В. Национально-территориальная трансформация России в 1917–1922 гг. в оценках представителей либерального политико-академического истеблишмента США // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 163–194. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-163-194.

Vladimir V. Romanov

**THE US LIBERAL POLITICAL
AND ACADEMIC ESTABLISHMENT
ON NATIONAL-TERRITORIAL
TRANSFORMATION OF RUSSIA IN 1917–1922**

*Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000*

The paper examines the evolution of approaches and assessments of the US political and academic establishment regarding the national-territorial transfor-

mation of Russia at the final stage of the First World War, during the Revolution and the Civil War. During that period the US diplomacy was focused on developing and implementing its own ambitious program for the liberal-democratic reorganization of the post-war world with particular focus on issues of national self-determination. As a result, Wilson's administration could not remain indifferent to the dramatic changes on the territory of the former Russian Empire. However, as the author notes, for European politicians its responses appeared rather unusual and often puzzling. The latter was due to a very specific interpretation of the principle of national self-determination adopted by W. Wilson and his associates as the right of the civil society to self-government rather than the right to ethnic separation. At the same time, the right to independently determine their own destiny was reserved, in a spirit of social-Darwinism, only for peoples who had reached a certain maturity. And moreover, each particular case was additionally assessed in terms of both political rationality and developments of political situation in Russia in general. For instance, the US liberal political and academic establishment consistently supported the independence of Poland and Finland while most other national minorities (the peoples of the Baltic region, Ukrainians, Belarusians, Armenians, Georgians, Azerbaijanis, the peoples of Central Asia, etc.) were usually encouraged to defend their autonomy within a united and democratic Russia. The author notes, that the US policy towards Russia became particularly controversial after the Bolsheviks came to power: the consistent rejection of the Bolshevik reforms was accompanied by the reluctance to incite separatism on the national outskirts out of fear of Russia's uncontrolled disintegration and its subsequent transformation into a site of endless ethnic conflicts. As a result, the United States did not recognize most of the national entities that declared their independence in 1917–1922. At the same time, the author concludes that the growing ideological and political confrontation with Soviet Russia in the following years did not allow the US leaders to adequately assess the national-territorial transformations that were brought about by the creation of the USSR.

Keywords: national self-determination, Woodrow Wilson, Wilsonism, liberalism, national minorities, Russian empire, Soviet Russia, formation of the USSR, Russian revolution, nation.

About the author: *Vladimir V. Romanov* — Doctor of Sciences (History), Professor, Scientific Director of the Faculty of History, World Politics and Sociology, Professor at the Department of International Relations and Political Science, Derzhavin Tambov State University (e-mail: vvromanov@mail.ru).

For citation: Romanov V.V. 2022. The US liberal political and academic establishment on national-territorial transformation of Russia in 1917–1922. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 163–194. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-163-194. (In Russ.)

Постановка проблемы

Политические трансформации в России в 1917–1922 гг. наглядно отражали динамику глобальных революционных преобразований, происходивших под влиянием Первой мировой войны. При этом на пространстве бывшей Российской империи в данный период осуществлялись, пожалуй, самые радикальные изменения, которые принципиально обновили весь ландшафт страны. В обширной и разноплановой научной литературе, посвященной этой проблеме, до сих пор не прекращаются дискуссии о том, что нового привнесла Российская революция 1917 г. в национальную конструкцию государства. Данные дискуссии встроены в более широкое обсуждение, прежде всего природы большевистской власти, особенностей идентичности и самоидентичности советского строя [Новая имперская история постсоветского пространства, 2004; Летняков, 2018; A state of nations, 2001; Rolf, 2021].

Наибольшую популярность среди американских оценок процесса национального строительства в постреволюционной России имеет получившая распространение еще в годы холодной войны концепция известного советолога Р. Пайпса. Противопоставляя «коммунизм» и «национализм», он рассматривал образование СССР как исключительно насильственное и репрессивное восстановление Российской империи партией большевиков [Pipes, 1954]. Нельзя умолчать, конечно, и об имеющихся в американской историографии противоположных суждениях о Советском Союзе. Например, в работах профессора Гарвардского университета Т. Мартина, специалиста по национальной политике большевиков, обоснован вывод о том, что СССР не был ни федерацией, ни моноэтническим государством. Ученый назвал Советский Союз империей «положительной деятельности», в которой была предпринята оригинальная попытка соединить социалистические ориентиры экономического и политического «единства» государства с национализмом. На практике это привело к всесторонней и приоритетной поддержке национальных меньшинств в большей степени, чем русских, которые этнически преобладали в государстве. С масштабами программ подобной «положительной деятельности» для национальных меньшинств в СССР, как считает Т. Мартин, до сих пор нельзя сравнить ни одну другую страну мира [Martin, 2001: 17–18]. Актуальность и острота дискуссий относительно особенностей национального устройства

Советского Союза усилились после его дезинтеграции. Многие авторы, опираясь на критику «имперской сущности» СССР, пытались обосновать не только закономерность распада многонационального государства, но и абсолютную законность собственного и независимого пути бывших советских республик. Данный аргумент и в наши дни остается подчас решающим для противников какого-либо сближения этих территорий с современной Россией.

Не вдаваясь в подробности общественно-политического и академического дискурса об «имперской природе» государственного устройства СССР/России, попытаемся рассмотреть другой, конкретно-исторический сюжет. В частности, обратимся к тому, как в условиях революционных преобразований 1917–1922 гг. национально-территориальную трансформацию пространства бывшей Российской империи воспринимала политико-академическая элита Соединенных Штатов Америки. Интерес к данной проблеме вызван как минимум одним важным обстоятельством. Президент Вудро Вильсон, возглавлявший администрацию США до 1921 г., разработал программу послевоенного переустройства мира, важным аспектом которой был национальный вопрос. С его именем традиционно связывают не только провозглашение в «14 пунктах» принципа национального самоопределения, но и отстаивание интересов национальных меньшинств на международной арене [Ambrosius, 2002; «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя..., 2018]. Следовательно, распад многонациональной Российской империи, борьба за самоопределение ее отдельных территорий не могли не привлекать внимание официального Вашингтона. Важно заметить, что многие вильсоновские суждения на этот счет и в наши дни остаются в центре внимания как политиков, так и ученых. На В. Вильсона и его советников ссылался, например, президент РФ Владимир Путин, анализируя истоки американской стратегии расчленения России¹. Вместе с тем к авторитету В. Вильсона, как правило, апеллируют все народы, стремящиеся к обретению национального самоопределения. Неслучайно в ряде стран Восточной Европы (Польше, Чехии) ему поставлены памятники за помощь в борьбе за независимость [Wolf, 2020]. Многие эксперты, однако, признают неоднозначность и противоречивость

¹ Большая пресс-конференция Владимира Путина. 23.12.2021 года // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/news/67438> (дата обращения: 27.02.2022).

данного сегмента вильсоновского наследия и тот бесспорный факт, что отстаивание прав национальных меньшинств может послужить поводом для перманентных конфликтов [Münkler, 2018].

В этой связи в статье рассмотрены оценки национально-территориальной трансформации России, представленные в общественно-политическом дискурсе США 1917–1922 гг., и их влияние на американскую политику на российском направлении. Предметом анализа стали суждения лишь определенной (как правило, либеральной) части политико-академического истеблишмента США, имевшей отношение к разработке официального курса Вашингтона. В ее составе помимо высшего политического руководства (президентов, государственных секретарей, дипломатов) оказались и отдельные специалисты по «русскому вопросу», которых привлекали к экспертным оценкам процессов, проходивших в России. За пределами авторского внимания остались представители законодательной власти США и широкие круги американской общественности, включая сторонников оппозиционного нелиберального лагеря. В их среде в тот период, естественно, велись собственные и довольно разнообразные дискуссии относительно национально-территориальной трансформации постреволюционной России. Тем не менее эти дискуссии в силу своих особенностей должны стать предметом специального исследования.

Россия в контексте национальной программы вильсонизма

Говоря об оценках в политико-академическом истеблишменте США национально-территориальной трансформации России в 1917–1922 гг., следует учитывать, что для официального Вашингтона определяющим интеллектуальным фактором понимания международных процессов были тогда теория и практика вильсонизма. По своей природе политическая концепция 28-го президента Соединенных Штатов Вудро Вильсона опиралась как на традиционные американские представления о мире (например, на убеждения о собственной исключительности), так и на европейскую либерально-демократическую традицию [Smith, 2017: 130–146]. Одним из ключевых положений вильсонизма, как правило, считают призывы президента к реализации принципа национального самоопределения. Правда, разработка такого положения политическим руководством США уже давно вызывает немало недоумений. Для Америки как страны, представляющей собой «плавильный котел», да еще и с

достаточно сильными к началу XX в. расистскими предубеждениями, этническое многообразие мира вряд ли могло стать простым вопросом в политической повестке дня периода Первой мировой войны и послевоенного мирного урегулирования. Автор статьи уже обращался к этому сюжету в своих публикациях [Романов, 2008; Romanov, 2019]. Детальный и многоаспектный анализ теоретических воззрений В. Вильсона по национальному вопросу представлен и в ряде других обстоятельных трудов отечественных и зарубежных исследователей [Мальков, 2010; Heater, 1994; Manela, 2007], поэтому обратимся лишь к политико-философской логике суждений президента США относительно проблем самоопределения.

Для В. Вильсона национальный вопрос всегда опирался на его понимание особенностей функционирования государственных институтов в той или иной стране. Отталкиваясь от американского опыта, В. Вильсон относил идеи свободы и народного суверенитета к числу базовых принципов любого демократического общества. Он разделял кальвинистскую доктрину равных возможностей и, стало быть, полагал, что все люди уже по своей природе способны к самоуправлению. Однако как убежденный социал-дарвинист В. Вильсон неоднократно говорил о том, что право самостоятельно распоряжаться своей судьбой, по сути, является привилегией здравомыслящих и достигших зрелости народов². Интересно посмотреть и на то, как В. Вильсон трактовал сам термин «нация». Он, например, указывал на различия в немецком и американском истолковании этого понятия. Немцы, считал он, видят в нации «сообщество, объединенное по происхождению и крови», американцы же подразумевают под нацией «сообщество, объединенное политическим устройством, образом жизни и традициями»³. Другими словами, нация, по В. Вильсону, — некий аналог гражданского общества, следовательно, под национальным самоопределением он понимал совсем не этническое обособление (как это было принято в Европе), а скорее право того самого гражданского сообщества на самоуправление.

² An address in Wilmington. 'Liberty'. 05.02.1897 // The papers of Woodrow Wilson / Ed. by A.S. Link et al. 69 vols. Princeton: Princeton University Press, 1966–1994 (далее — PWW). Vol. 10. P. 149; A political essay. 'Democracy and efficiency'. 01.10.1900 // PWW. Vol. 12. P. 10, 18.

³ Notes for lectures in a course on the elements of politics. 05.03.1898 // PWW. Vol. 10. P. 471.

Кроме того, вильсоновские суждения о перспективах национального самоопределения нельзя рассматривать в отрыве от исторических условий, в которых они были декларированы. В частности, многие исследователи указывают на стремление президента США в условиях Первой мировой войны противопоставить свою программу послевоенного урегулирования как авторитаризму Центральным державам, так и радикализму большевиков [Heater, 1994: 36–40]. Следовательно, право наций на самоопределение как политическая цель зачастую использовалась им (да и не только им одним) еще и в качестве инструмента борьбы с военно-политическими и идеологическими противниками.

Чрезвычайно важно оценить также степень понимания В. Вильсоном ситуации в России, в рамках которой он оценивал проблему национально-территориальной трансформации на пространстве Российской империи. В период своей академической карьеры будущий глава Белого дома, как известно, активно изучал не только американский, но и мировой опыт функционирования государственных институтов. Тем не менее можно смело сказать о том, что принстонский профессор не обладал глубокими познаниями ни в российской истории, ни в современной ему российской политике.

В своих научных работах В. Вильсон крайне редко и без каких-либо симпатий упоминал Россию. Это было связано прежде всего с тем, что основным объектом его научных интересов были традиции англосаксонской демократии, а Российская империя, как правило, присутствовала в них в качестве примера «авторитарного» монархического политического режима, «аномального» для современной Европы⁴. Данное обстоятельство дополнялось широко распространенным и однозначно негативным восприятием в США положения национальных меньшинств в России. Показательна, например, записка, подготовленная для МИД управляющим российским консульством в Сан-Франциско А.И. Кохановским в июне 1915 г. Он писал, что в Соединенных Штатах русских давно «привыкли ругать», поэтому в печати, на различных массовых мероприятиях продолжают звучать «оскорбления и наговоры» в адрес России. «В одних статьях изображается дикая жизнь русского народа; в других — жестокое правительство; в третьих — страдания евреев и финнов;

⁴ Wilson W. The state: Elements of historical and practical politics. Boston: D.C. Heath & Co., 1889. P. 597, 603.

в четвертых — безвыходное положение русских финансов; даже в похвалах России проводится мысль: “они так же далеки от нас, как китайцы и папуасы”». Такое положение дел А.И. Кохановский объяснял плохой осведомленностью американцев по поводу реального положения дел в Российской империи⁵.

Перспективы национально-территориальных изменений в России в годы Первой мировой войны оценивались в США, начиная с такого непростого национального вопроса для Российской империи, как польский. Этот вопрос на протяжении XIX в. не раз появлялся в повестке европейской политики, как правило, в контексте каких-либо антироссийских кампаний. Первая мировая война способствовала очевидной интернационализации обсуждения перспектив развития польской государственности. Из проблемы внутривнутриполитического развития России этот вопрос довольно быстро стал предметом международных столкновений. Их отправной точкой следует считать воззвание к полякам, опубликованное от имени Верховного главнокомандующего сухопутными и морскими силами Российской империи Великого князя Николая Николаевича в самом начале войны (1 августа 1914 г.).

В этом документе недвусмысленно указывалось на то, что целью войны станет объединение всех польских земель с последующим предоставлением Польше широкой автономии в составе Российской империи⁶. Политический и пропагандистский подтекст возвания был детально проанализирован в работах историков [Селезнёв, 2017]. Важно сказать и о том, что содержание данного документа вписывалось в логику российских представлений о контурах послевоенного европейского порядка. В частности, министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов в неофициальной беседе с послами Франции и Великобритании в сентябре 1914 г. подчеркнул, что в случае победы союзных держав «территориальные изменения должны быть проведены на основах национального принципа». Касаясь будущего Польши, глава российского внешнеполитического ведомства еще раз отметил целесообразность присоединения к

⁵ Записка управляющего консульством в Сан-Франциско А.И. Кохановского в МИД, 10/23 июня 1915 // Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917 / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: МФД, 1999. С. 611–613.

⁶ Proclamation of the Supreme Commander-in-Chief [Grand Duke Nicholas], 01.08.1914 // Documents of Russian History, 1914–1917 / Ed. by F.A. Golder. N.Y.; London: Century Co., 1927. P. 37.

России польских земель, находившихся под контролем Германии и Австро-Венгрии⁷.

Американский общественно-политический дискурс по «польскому вопросу» был иным. Его направленность во многом была связана с тем, что в США присутствовала большая польская диаспора (по разным оценкам, от 1 до 2,5 млн человек) и активно действовали пропольские лоббисты. На территории Соединенных Штатов к 1914 г. были созданы авторитетные общественные этнические организации поляков, в распоряжении которых имелись собственные журналы и газеты. Всё это помогло сформировать в американском общественном мнении устойчивую симпатию к полякам и поддержку их борьбы за свободу, национальную независимость и единство своей родины [Walaszek, 1998]. Следует еще сказать и о том, что польская тематика оказалась одной из ключевых для генезиса глобальной программы президента В. Вильсона по национальному вопросу. Как точно отметила российская исследовательница В.И. Журавлёва, для него проблема самоопределения польского народа стала «способом реализации идеи об особой миссии США по защите прав малых наций Европы выбирать ту форму суверенитета, которую они сочтут наиболее достойной» [Журавлёва, 2004: 225].

В январе 1917 г., призывая к «миру без победы», президент В. Вильсон аргументировал свою позицию «простым» и, видимо, естественным для него «польским» примером: «Никакой мир не может и не должен быть прочным, если он не признает и не принимает того, что правительства получают все свои справедливые полномочия с согласия управляемых и что нигде не существует права передавать народы от суверенитета к суверенитету, как если бы они были имуществом. Я считаю само собой разумеющимся привести единственный пример: государственные деятели повсюду согласны с тем, что должна быть создана единая независимая и автономная Польша»⁸. В этой связи именно В. Вильсона сами поляки традиционно отождествляют с политиком, который в значительной степени способствовал возрождению независимой Польши [Kusielewicz, 1955]. Вильсоновская внешнеполитическая философия и польские устремления к самоопределению нашли логическое завершение в

⁷ Палеолог — Делькассе, 14/1 сентября 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Сер. III. Т. 6. Ч. 1. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. С. 247–248.

⁸ An address to the Senate, 22.01.1917 // PWW. Vol. 40. P. 536–537.

«14 пунктах», где были однозначно закреплены не только «независимость» польского государства, но и международные гарантии этого статуса⁹.

Таким образом, судьба Польши в США рассматривалась в контексте глобальной программы либеральной трансформации мирового порядка. Однако американское толкование «польского вопроса» принципиально отличалось от российских подходов. В России разговоры о национальном самоопределении в отношении тех или иных регионов империи зачастую рассматривались в контексте происков «врагов» страны. Об этом, например, писал член Совета МИД И.Я. Коростовец в своей записке о перспективах сближения России и США, указав, что серьезные расхождения в трактовках «польского вопроса» остаются важнейшим препятствием для встречного движения двух стран¹⁰.

Революция 1917 г.: начало либеральных преобразований или погружение в хаос

Начало Российской революции 1917 г. привело к очевидным трансформациям в американских представлениях о перспективах решения национальных проблем в новой России. Свержение царского самодержавия и приход к власти либерального Временного правительства в некоторой степени изменили вильсоновские подходы. Многие американцы тогда с восторгом встречали Российскую революцию, поскольку были уверены, что она открывала новые перспективы для успешного осуществления вильсоновских принципов справедливого послевоенного мира. Известный журналист Г. Бернштейн в письме В. Вильсону ссылался при этом на состав Временного правительства. Эти люди, подчеркивал он, «находятся под влиянием американских идеалов и руководствуются американскими традициями». Таким образом, по мнению Г. Бернштейна, «дух Америки» распространялся по всему миру¹¹.

В первые недели после Февраля американское общественное мнение в целом разделяло точку зрения о том, что события в России развивались по самому благоприятному сценарию. Публикации

⁹ An address to a Joint Session of Congress, 08.01.1918 // PWW. Vol. 45. P. 534–537.

¹⁰ Записка члена совета МИД И.Я. Коростовца, 26 января / 8 февраля 1917 г. // Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917. С. 648.

¹¹ Bernstein to Wilson, 23.03.1917 // PWW. Vol. 41. P. 457.

наиболее авторитетных газет и журналов акцентировали внимание читателей прежде всего на процессе демократизации России, которая тем самым в полной мере «оправдала надежды ее друзей»¹². Все эти обстоятельства, безусловно, учитывали в Вашингтоне при принятии быстрого решения о признании новой «российской демократии», о чем американский посол в Петрограде был проинформирован уже 20 марта¹³. Позднее президент В. Вильсон в своем послании Конгрессу об объявлении войны Германии (2 апреля 1917 г.) завершил логику позитивных оценок произошедших изменений в России, назвав ее «подходящим партнером для Лиги чести»¹⁴.

С точки зрения решения национального вопроса Временное правительство, как казалось в США, уже в самом начале своей деятельности сделало ряд важных шагов в правильном направлении. В частности, было принято несколько правовых актов, отменивших все ограничения для российских граждан по сословному принципу, вероисповеданию или национальной принадлежности¹⁵. Была подтверждена конституционная автономия Финляндии, декларирована уверенность Временного правительства в том, что «создание независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом, [станет] надежным залогом прочного мира в будущей обновленной Европе»¹⁶. Правда, окончательное решение проблем самоопределения народов бывшей Российской империи предлагалось отложить до созыва Учредительного собрания.

В этих условиях официальный Вашингтон не пытался как-то обострять во взаимодействии с Временным правительством тему национальных отношений. Администрация В. Вильсона практически не заявляла о какой-либо четкой позиции относительно центробежных тенденций, проявлявшихся в бывшей империи. В частности, речь можно вести о действиях Центральной Рады Украины

¹² См.: The Outlook. 28.03.1917. P. 542–547; The North American Review. April 1917. P. 502–522; The New Republic. 07.04.1917. P. 286–288.

¹³ The Secretary of State to the Ambassador in Russia (Francis), 20.03.1917 // Papers relating to the foreign relations of the United States (далее — FRUS). 1918. Russia. Vol. 1. P. 12.

¹⁴ An address to a Joint Session of Congress. 02.04.1917 // PWW. Vol. 41. P. 524.

¹⁵ Сборник Указов и Постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля — 5 мая 1917 г. Пг.: Гос. типогр., 1917. С. 8, 46–47.

¹⁶ Там же. С. 23–24, 423–424.

или Сейма Финляндии, в одностороннем порядке провозгласивших себя верховной властью на соответствующих территориях¹⁷. Тем не менее многие эксперты по России не раз указывали в тот период на сложность постановки вопроса о самоопределении на бывшем имперском пространстве. Так, в донесениях американского вице-консула в Москве Д. Макгована отмечалось, что помимо Польши и Финляндии движение под лозунгами национального суверенитета активно развивается еще и в таких регионах, как Прибалтика, Украина, Кавказ, Армения и даже Сибирь. Консул в Одессе Дж. Рей, описывая первомайскую демонстрацию в городе, точно охарактеризовал состояние национальной проблемы на юге. В рядах демонстрантов, подчеркивал он, сторонников единой демократической России сменяли поборники независимой Украины под двцветным знаменем и Молдавии — под трехцветным, а под стягом с имперским орлом по улицам города проследовал взвод казаков [Листиков, 2006: 70]. В этих условиях по вопросу о сохранении территориальной целостности Российского государства мнения ближайших советников президента В. Вильсона разделились.

Так, советник В. Вильсона полковник Э. Хауз рассматривал распад России как событие свершившееся. Вслед за возрождением независимой Польши он предполагал одобрить самостоятельность финнов, литовцев, латышей, возможно, и украинцев, Кавказ рассматривать как часть проблемы Турецкой империи, а на «мусульманскую Россию» (т.е. Среднюю Азию) выдать «ограниченный мандат для управления на основе протектората» одной из держав. А вот госсекретарь Р. Лансинг, симпатизировавший борьбе русских антибольшевистских сил за сохранение единства страны, предлагал президенту избегать скоропалительных решений, поскольку распад России мог оказаться лишь «временным»¹⁸.

Наверное, весь комплекс национальных проблем в революционной России оставался для официального Вашингтона не полностью понятным. Даже Украина в тот период была для американского истеблишмента своеобразной «зоной равнодушия» [Украинская

¹⁷ Революция и национальный вопрос: Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке / Под ред. С. М. Диманштейна. М.: Изд-во Ком. акад., 1930. С. 161–164, 211–214.

¹⁸ Архив полковника Хауза: В 4 т. Т. 4. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937–1944. С. 151–153; The Secretary of State to President Wilson. 26.11.1918 // FRUS. The Paris Peace Conference, 1919. Vol. I. P. 270–271.

государственность в XX веке., 1996: 250–251], а ситуация в других регионах (например, в Закавказье или Средней Азии) — и вовсе *terra incognita*. Однако общая картина для специалистов складывалась, видимо, в своеобразный «клубок противоречий», из которого было трудно быстро найти выход. Кроме того, можно говорить еще и об определенной настороженности американцев к борьбе за самоопределение отдельных народов бывшей империи. Например, борьба украинцев за самостоятельность зачастую воспринималась в США как «гражданская война в единой России». В 1919 г. американский дипломат Ф. Полк так объяснял послу Украинской народной республики в Лондоне А. Марголину позицию американской администрации: «Украина представляет собой нечто вроде нашего Юга, а Россия в украинско-российском конфликте выступает в роли нашего Севера. Вот почему вся украинско-российская борьба напоминает нам американскую гражданскую войну»¹⁹.

Еще одним фактором, который влиял на отношение США к национальным процессам, проходившим в революционной России, стала активно заявлявшая о себе социалистическая альтернатива Февралю. Именно с ней были связаны самые радикальные лозунги революции. Это касалось в том числе перспектив национально-территориальной трансформации России. Так, буржуазно-либеральные партии Временного правительства (например, октябристы и кадеты), признавая равные для всех наций права, оставались всё же приверженцами единой и неделимой России, а вот в программных установках эсеров, меньшевиков и большевиков всегда присутствовало положение о праве наций на самоопределение. Заявляя о своих политических приоритетах, социалисты уже 14 марта 1917 г. инициировали принятие Петросоветом двух принципиальных обращений — «К народам мира» и «К польскому народу». Признавая принцип «национально-политического самоопределения народов», они однозначно подчеркивали, что «Польша имеет право быть совершенно независимой в государственно-международном отношении»²⁰. Правда, во время обсуждения этих документов на

¹⁹ Margolin A. From a political diary. Russia, the Ukraine, and America. 1905–1945. New York: Columbia University Press, 1946. P. 41.

²⁰ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 года: В 5 т. / Под общ. ред. П.В. Волобуева. Т. 1. Л.: Наука, 1991. С. 324–325.

заседании совета прослеживался и еще один любопытный момент. Представители национальных регионов (например, Украины и Литвы) призвали депутатов поддержать стремление к независимости и других народов бывшей Российской империи. Вместе с тем литовский представитель сделал существенную оговорку: «Не думайте, товарищи, что мы от вас отъедемся. К такой стране, которой показала себя Россия, все будут всеми фибрами стремиться и рука об руку с ней бороться за свободу». По сути, приоритет решения национального вопроса в стране многим социалистам виделся тогда в создании «федеративной демократической республиканской России»²¹.

Случившийся Апрельский кризис и образование коалиционного министерства с очевидным социалистическим креном при сильном влиянии на него Петросовета были восприняты американскими политиками и дипломатами как решительное ухудшение перспектив политики США в России. Посол Д. Фрэнсис, консулы в Москве М. Саммерс, в Петрограде — Н. Уиншип, в Одессе — Дж. Рей отмечали негативные процессы, стремительно развивавшиеся в бывшей империи. К их числу они относили и новые факты обострения национального вопроса [Листиков, 2006: 100–103]. Интересный комментарий относительно надвигавшегося «русского хаоса» представлен в одной из публикаций Independent от 7 июля 1917 г.: «Первым последствием свержения самодержавия в России было всеобщее разложение. Различные народности, составлявшие Российскую империю, воспользовались возможностью заявить о своей независимости <...> без оглядки на других. Поляки, финны, литовцы, украинцы и грузины высказались за автономию, и даже отдельные городские коммуну вроде Кронштадта провозгласили себя независимыми республиками. От строгой регламентации и насильственного подчинения русский народ в один день перешел к неограниченной свободе, и было бы удивительно, если бы этим не стали бы злоупотреблять»²². При этом американцы уже тогда прогнозировали, что таким хаосом могут воспользоваться радикалы и анархисты (к числу которых относили и В.И. Ленина). Именно так и произошло в октябре 1917 г., когда власть оказалась в руках большевиков.

²¹ Там же. С. 318–321, 330.

²² Russian Chaos // Independent. 07.07.1917.

США и национальная политика большевиков

Очень быстро президент США увидел в большевиках потенциальных врагов того либерально-демократического миропорядка, который он хотел построить. Подписание ими сепаратного Брестского мира, подрывавшего общую «борьбу с авторитаризмом»; усиление курса на мировую революцию; разгон Учредительного собрания и начало «красного террора» — всё это изменило отношение американского руководства к большевистской власти. Именно в этих условиях в Вашингтоне приняли решение не признавать новое правительство России.

Важным обстоятельством, определившим отношение США к большевикам, стала и национальная политика новой власти. На первый взгляд казалось, что большевики наиболее последовательно воплощали в жизнь принцип национального самоопределения. Одним из первых их документов стала «Декларация прав народов России» (2/15 ноября 1917 г.), закрепившая их «равенство и суверенность», а также право «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»²³. На этом основании большевики сразу же поддержали провозглашение независимости Финляндией и Польшей, обратились с призывом к борьбе за свободу к народам Востока. Однако реальная национальная политика, которую направлял нарком И. Сталин, была довольно лицемерной. Показательным примером в этом отношении стала Финляндия. Сначала большевики признали ее независимость, провозглашенную Сеймом, но при этом поддержали левых социал-демократов, попытавшихся захватить власть, что фактически инициировало гражданскую войну в стране [Kirby, 1978]. Примерно так же большевики пытались добиваться своих целей и на территории других национальных окраин бывшей Российской империи (например, в Польше). Результатом такой двойственности стало практически повсеместное усиление сепаратистских настроений.

Тем не менее даже в этих условиях В. Вильсон не мог отказаться от своего благожелательного отношения к важнейшим завоеваниям Российской революции. Обращаясь к IV чрезвычайному Всероссийскому съезду Советов (13 марта 1918 г.), американский президент поддержал стремление русского народа «освободиться навсегда

²³ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. С. 14–15.

от самодержавия и сделаться самому вершителем своей судьбы»²⁴. Все дальнейшие действия В. Вильсона в «русском направлении» (в том числе американское участие в интервенции и дискуссии на Парижской конференции) показывали его глубокое убеждение, что Россия, «переболев большевизмом», должна сама решить свои внутренние проблемы, а уже затем стать частью цивилизованного международного сообщества, сформированного на «либерально-демократических» принципах. Этим объясняется, почему при всех перипетиях Гражданской войны, частью которой была борьба различных народов бывшей империи за национальное самоопределение, администрация США не спешила признавать независимость отдельных территорий.

Ряд американских политиков в 1918–1919 гг. предпочитали говорить о бывшей Российской империи как о стране, которая фактически утратила единство. Более того, в перспективе данное обстоятельство, как считалось, могло бы предотвратить воссоздание России под властью «сильной военной личности», что стало бы очевидной «угрозой миру». Именно в этом контексте Э. Хауз еще в 1918 г. в неопубликованной части своего дневника писал о своем желании «видеть Сибирь независимой республикой, а Европейскую Россию — поделенной на три части» [цит. по: Фоглесонг, 1998: 603]. Правда, американский президент по пути на Парижскую мирную конференцию, соглашаясь с тем, что Россия расколота, всё же предлагал к каждой территории применять принцип национального самоопределения, выяснив, «под чей суверенитет [де-факто существующие] различные государства хотели бы перейти»²⁵. Но стратегически он всё равно надеялся на восстановление территориальной целостности России, «в которой различные регионы должны получить определенную степень автономии» с учетом, конечно, неперменного демократического транзита страны²⁶.

Однако к 1920 г. ситуация в Советской России стала меняться. Большевикам удалось одержать победу в Гражданской войне, произошла некоторая внутренняя стабилизация режима, обозначилась перспектива налаживания торгово-экономических отношений западных государств с Москвой. Одновременно с этим усилилось

²⁴ Там же. С. 212.

²⁵ Diary of Dr. Grayson. December 8, 1918 // PWW. Vol. 53. P. 338.

²⁶ Diary of Dr. Grayson. June 11, 1919 // PWW. Vol. 60. P. 387.

стремление большевиков с помощью созданного в 1919 г. Коминтерна расширять «экспорт революции» по всему миру. Данные обстоятельства стали для Вашингтона предметом самых серьезных размышлений. Американцев волновали тогда два главных вопроса: какую позицию занять относительно официального признания правительства большевиков и как быть с проблемой национального самоопределения ряда территорий бывшей Российской империи. Ведущую роль в деле осмысления новых реалий пришлось сыграть государственному секретарю Б. Колби, назначенному во внешнеполитическое ведомство США 23 марта 1920 г. Именно он подготовил проект известной ноты, ставшей ответом на запрос итальянского посольства относительно позиции США по советско-польской войне (10 августа 1920 г.).

Отправной точкой для него стала позиция президента, оглашенная 4 мая 1920 г. на заседании кабинета. Невзирая на определенное давление финансово-промышленных кругов, заинтересованных в российском рынке²⁷, В. Вильсон высказался тогда против каких-либо торговых отношений с большевиками. Эта позиция нашла отражение в итоговом тексте ноты. Очень резко в ней было сказано по поводу развернувшейся деятельности Коминтерна, который субсидировался Москвой и «открыто ставил своей целью содействие проведению большевистских революций по всему миру». В этой связи Б. Колби привел еще один довод против установления официальных отношений с Советской Россией. По его мнению, большевистские дипломаты станут «каналом интриг и пропаганды мятежа против институтов и законов страны»²⁸.

Наиболее дискуссионным для американских политиков тогда оставался вопрос о территориальной целостности России. Несмотря на абсолютную, как всем казалось, приверженность принципу самоопределения наций, В. Вильсон продолжал подчеркивать необходимость восстановления единой демократической федеративной России, в которой все народы могли бы иметь национальную автономию. Эта точка зрения была отчетливо выражена, например, в письме, которое направил еще бывший госсекретарь Р. Лансинг

²⁷ Об этом не раз сообщали в Москву, например, сотрудники миссии Л.К. Мартенса. См.: Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 129. Оп. 4. П. 3. Д. 3. Л. 18–19.

²⁸ The Secretary of State to Italian Ambassador (Avezzana). August 10, 1920 // FRUS. 1920. Vol. III. P. 464.

Литовскому национальному совету 15 октября 1919 г.²⁹ Ссылаясь на этот документ, Б. Колби подтвердил в своей августовской ноте: США не желают, чтобы Россия, «находящаяся в беспомощном состоянии, <...> была бы еще более ослаблена политикой расчленения, служащей чьим-то другим, но не русским интересам»³⁰. В этой связи он обращал внимание на твердое намерение США не признавать независимость балтийских государств, Грузии и Азербайджана. Даже окончательное решение проблемы Армении, по мнению госсекретаря, не могло быть найдено без России.

Как показывает содержание ноты, Б. Колби в очередной раз выразил глубокое убеждение В. Вильсона в том, что Россия преодолет большевистский этап своей истории, который связан с сохранением «анархии, страданий и лишений». Именно это, по заверению госсекретаря, позволит «возрожденной, свободной и единой России вновь занять главенствующее положение в мире, объединившись с другими свободными народами в деле поддержания мира и справедливости»³¹. Тем самым администрация Соединенных Штатов, оставаясь в целом идейной противницей большевиков, сумела всё же отстоять понимание геополитической целесообразности сохранения единства России.

Нельзя не сказать о том, что при подготовке указанного документа Б. Колби во многом опирался на идеи, высказанные известным американским публицистом Дж. Спарго [Radosh, 1965]. Он считался в ту пору одним из самых квалифицированных экспертов в США по русской проблематике. По своим воззрениям Дж. Спарго был правым социалистом и критически относился к большевизму, который квалифицировал как «милитаризм, доведенный до безумия». Тем не менее эксперт понимал, что Россия объективно оставалась важным элементом всего послевоенного устройства мира. Следовательно, перспективы ее распада, или, как он говорил, «балканизации», представляли серьезную опасность как для США, так и для всех других стран. Лучшим решением российской национальной проблемы, по мнению Дж. Спарго, стало бы сохранение федеративного единства России при формировании областной автономии отдельных регио-

²⁹ Lansing to Lithuanian National Council. October 15, 1919 // PWW. Vol. 66. P. 25.

³⁰ The Secretary of State to Italian Ambassador (Avezzana). August 10, 1920 // FRUS. 1920. Vol. III. P. 466-467.

³¹ Ibid. P. 467.

нов³². Как видим, все эти аргументы нашли почти дословное отражение в письме, направленном Госдепартаментом итальянскому послу.

Другими словами, нота не стала манифестом, призывавшим к прямой конфронтации с большевизмом. Это обстоятельство не могли не отметить даже советские руководители, в частности Г.В. Чичерин. Архивные материалы, отразившие ход подготовки официального ответа Москвы на ноту Б. Колби, демонстрируют, что нарком обращал тогда особое внимание на сохранявшиеся различия по отношению к перспективам территориального расчленения России, которые имелись между США и европейскими державами³³. Правда, нельзя забывать и о другом. Американская администрация не отказывалась от обсуждения перспектив национального самоопределения отдельных территорий на окраинах бывшей империи. В частности, в переписке Госдепартамента по вопросу признания Литвы в январе 1921 г. было подчеркнуто, что у США «нет намерения официально восстановить» прежние границы Российской империи или «навязать на какой-либо из нерусских территорий власть великороссов»³⁴. При этом приоритетом для Вашингтона оставались достижение «умиротворения» и прекращение военных конфликтов в приграничном с Советской Россией пространстве.

Образование СССР в американских оценках

Подходы В. Вильсона во многом определили вектор дальнейшей американской политики по отношению к национально-территориальной трансформации России даже после его ухода с должности президента. В частности, администрация его преемника У. Гардинга, в очередной раз отказываясь не только от признания Советской России, но и от возобновления с ней каких-либо официальных торговых отношений, почти дословно использовала аргументы В. Вильсона³⁵. При этом в начале 1920-х годов в американском общественно-политическом дискурсе усилилась «демонизация» большевиков и Страны Советов в целом. Главными доводами такой политики оставались

³² Spargo J. The psychology of Bolshevism. New York: Harper & brothers publishers, 1919; Idem. Russia as an American problem. New York: Harper & brothers publishers, 1920.

³³ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 4. П. 3. Д. 2. Л. 21–22; ДВП СССР. Т. 3. С. 172–173.

³⁴ Mr. Jonas Vileisis to the Secretary of State. January 27, 1921 // FRUS. 1921. Vol. II. P. 754.

³⁵ The Secretary of State to the President of the American Federation of Labor (Gompers). April 5, 1921 // FRUS. 1921. Vol. II. P. 770–774.

революционные намерения Коминтерна, действие «советской пропаганды» и активная борьба большевиков с традиционными для американцев ценностями (например, религией) [Foglesong, 2007: 556–562]. Национальная проблематика в дискурсе о России стала постепенно уходить на второй план, хотя в различных официальных материалах и публицистике по-прежнему присутствовали рассуждения о возможном федеративном объединении всех бывших национальных регионов страны после падения большевистского режима.

Вызывает интерес, например, аналитическая записка неофициального представителя США в Риге Э. Янга, направленная в Госдепартамент в связи с обсуждением ситуации в Прибалтике. Американский эксперт писал о том, что нецелесообразно оценивать «нравственную оправданность» действий латышей, эстонцев и литовцев, «провозгласивших свою независимость в час слабости России», ведь, пойдя на такой шаг, эти народы сумели сохранить, «по крайней мере на этой части бывшей Российской империи, территорию, свободную от опустошения и разрушения коммунизмом и большевизмом». В дальнейшем Э. Янг не исключал возвращения прибалтийских земель в состав постбольшевистской России. Признавая, что, с точки зрения США, сильная Россия весьма желательна, он высказывался всё же за «немедленное признание» Литвы, Латвии и Эстонии³⁶. Наверное, для трех балтийских стран такая двойственная позиция США была не очень понятной [Vilkauskaitė, 2013: 50–67]. Но она в полной мере отражала общий настрой администрации У. Гардинга по возможности продолжить вильсоновский курс на сохранение территориального единства бывшей Российской империи, правда, в формате демократического и федеративного государства, отказавшегося от большевизма.

Оценивая деятельность миссии США в Риге, ключевого центра американской экспертизы по Советской России в 1920-х годах, можно сказать о том, что ход национально-территориальной трансформации на пространстве бывшей империи всё же не стал предметом серьезной аналитической работы ее сотрудников. Об этом говорит, например, тематика писем, направленных из Риги в Госдепартамент. Из их числа, по подсчетам исследователей, почти половина были посвящены экономическим процессам. Политическая проблематика

³⁶ The Commissioner at Riga (Young) to the Secretary of State. April 6, 1922 // FRUS. 1922. Vol. II. P. 870–873.

была представлена вопросами внешней политики, деятельности административных органов, судебных инстанций, церкви [Grant, 1978: 111–112]. Довольно странно, что почти не анализировался ход развернувшейся тогда в РКП(б) дискуссии относительно предполагаемых изменений национально-государственного устройства.

Да и в американской периодике 1921–1923 гг. русская тема стала терять былую актуальность. Во всяком случае, количество публикаций на этот счет оказалось наименьшим по сравнению со всеми другими периодами межвоенной истории [Filene, 1967: 287–288]. Как в этих публикациях оценивались национальные проблемы в Советской России? В одной из статей справочного характера, опубликованной в журнале «Foreign Affairs» в сентябре 1922 г., РСФСР квалифицировалась как «федерация государств и более или менее автономных областей с общей таможенной линией и некоторыми общими органами управления». Контроль центральной власти над 24 различными национально-территориальными образованиями (среди которых «независимые» и «автономные» республики, «автономные области» и даже «трудовые коммуны») справедливо обозначен как «значительно варьирующий в зависимости от времени и обстоятельств». Среди этих образований названы и Дальневосточная республика, и даже Сибирь, статус которой для автора был, правда, «неочевиден»³⁷. В какой-то мере эта картина отражала существовавшие на заключительном этапе Гражданской войны де-факто «правительства».

Другие статьи того же журнала носили уже более аналитический характер. Так, из их числа можно выделить публикацию, где даны оценки различных международных и внутривнутриполитических аспектов положения России после Генуэзской и Гаагской конференций 1922 г., в работе которых впервые принимали участие официальные советские делегации. Сам этот факт автор статьи оценивал как свидетельство определенной политической и экономической стабилизации большевистского режима, признанной в мире. Не были обойдены вниманием и возможные перспективы самоопределения некоторых российских регионов. В частности, интересное и актуальное даже для наших дней мнение было высказано относительно международного контекста обсуждавшейся независимости Украины. Автор предпо-

³⁷ Lawrence M. Russia today // Foreign Affairs. Vol. 1. No. 1 (September 15, 1922). P. 156–157.

ложил, что для Польши или Румынии самостоятельная Украина, может быть, и стала бы буфером между ними и Советской Россией, но она неизбежно оказалась бы под влиянием крайне националистических кругов, которые стали бы требовать от восточноевропейских соседей возврата всех своих украинских территорий «с большей настойчивостью и суровостью, чем это делает Москва»³⁸. Другими словами, для американского эксперта был очевиден прогноз, что самоопределение Украины могло бы послужить лишь обострению ситуации в регионе.

Анализируя противоречия, которые уже дали о себе знать на пространстве национальных окраин бывшей Российской империи, ряд авторов писали о польско-литовской конфронтации, квалифицируя ее как «тупиковую», не имевшую каких-либо перспектив для быстрого разрешения³⁹. Известный американский ученый и в прошлом сотрудник Inquiry Р. Лорд рассмотрел не только современное состояние польско-литовского конфликта, но и его исторические корни. Этот конфликт, по словам автора, демонстрировал, насколько сложно в реальной политике соединить «исторические права и чувства с требованиями, основанными на принципе национальности и на том, что является волей заинтересованного населения»⁴⁰. Этот же вывод, по сути, был представлен и в другой статье, посвященной уже теоретическим проблемам национализма. Ее автором был историк и международник А. Циммерн. По его словам, вильсоновский призыв к национальному самоопределению допускал «множество интерпретаций». Именно по этой причине он применялся в отдельных политических условиях по-разному: «...он помог разрушить Австро-Венгерскую империю, но оставил трехнациональную Швейцарию нетронутой; это развалило Россию, но <...> не принесло независимости ни Армении, ни Украине». Борьбу за дело самоопределения А. Циммерн назвал «безнадежной борьбой за несбыточный идеал»⁴¹.

³⁸ K. Russia after Genoa and the Hague // Foreign Affairs. Vol. 1. No. 1 (September 15, 1922). P. 151.

³⁹ Lithuania under two governments // Current History. Vol. 16 (April–September 1922). P. 151.

⁴⁰ Lord R.H. Lithuania and Poland // Foreign Affairs. Vol. 1. No. 4 (June 15, 1923). P. 58.

⁴¹ Zimmern A.E. Nationalism and internationalism // Foreign Affairs. Vol. 1. No. 4 (June 15, 1923). P. 122–124.

Таким образом, анализ обсуждения всего лишь небольшого круга проблем национально-территориальной трансформации на пространстве бывшей Российской империи, представленного на страницах американских общественно-политических журналов в начале 1920-х годов, показывает, что эти материалы вписывались в логику развернувшихся тогда дискуссий о Версальской системе международных отношений и судьбах вильсонизма. При всей очевидности и, казалось бы, всеобщем консенсусе относительно ценности принципа национального самоопределения реальная политика в Европе (не говоря уже о ситуации в Азии или Африке) оказалась значительно сложнее теоретических построений творцов либерального миропорядка. Тем не менее альтернативный опыт решения национальных проблем в Советской России практически выпал из фокуса внимания экспертов.

Речь идет, в частности, о создании СССР, ставшего, бесспорно, новой моделью национально-территориального объединения земель бывшей Российской империи. Ни в американской периодике, ни в доступных материалах дипломатической службы США 1922–1923 гг. так и не удалось выявить каких-либо серьезных и обстоятельных материалов о формате нового Союза. Видимо, это не очень интересовало политиков и интеллектуалов эпохи «нормальности».

Определенным подтверждением такого вывода может стать публикация журнала «The North American Review». Ее автор, профессор Кларкского университета А. Деннис, однозначно заявлял: «Вся проблема внутрисоветской политики нас непосредственно не касается. Правительство России — не наше дело». При этом неизменными, как отмечено в статье, оставались американские требования по ключевому вопросу — признанию России⁴². Требования, на которые ссылался автор, были выдвинуты еще в период президентства В. Вильсона и практически дословно повторены госсекретарем республиканской администрации Ч. Хьюзом⁴³. Они, как уже говорилось, сводились к отказу от «коминтерновской» линии внешней политики, компенсации частной собственности американцев, экспроприированной в годы революции, и признанию всех внешних долгов России периода Первой мировой войны. Всё это даже и не предполагалось как-то

⁴² Dennis A.L.P. Characteristics of Bolshevik diplomacy // The North American Review. Vol. 218. No. 816 (November 1923). P. 606.

⁴³ Press release issued by the Department of State/ March 21, 1923 // FRUS. 1923. Vol. II. P. 756–759.

обсуждать с советским правительством. Такой подход, конечно, не позволял официальному Вашингтону обращать серьезное внимание на то, как большевики решали национальный вопрос в создаваемом тогда Советском Союзе.

Однако среди американских экспертов по России были и те, кто пытался осмыслить формат национально-территориального устройства созданного СССР. Например, можно обратиться к суждениям известного американского журналиста У. Дюранти, который с 1922 г. руководил московским бюро «The New York Times» [Тихий, 2008]. Он вспоминал, что американцев, проживавших тогда в Советской России, больше всего «озадачило» положение Конституции СССР о возможности выхода республик из Союза. Сотрудник отдела печати Наркомата иностранных дел, с которым у У. Дюранти и его коллег состоялся разговор на этот счет, сослался не только на необходимость закрепления «права на самоопределение». Он указал еще и на то, что составители Конституции предполагали закрепить тем самым возможность расширения Союза в будущем: «Мы предвкушаем время, когда другие страны, может быть, не соседствующие непосредственно территориально, как Германия или Англия, или даже, может быть, Америка, возможно, пожелают стать членом нашего Советского Союза». У. Дюранти писал, что он был впечатлен такими «дерзким замечанием», поскольку оно отражало совершенно новый подход к перспективам построения универсального мироустройства⁴⁴. Данный пример показывает, что американцы, интересовавшиеся положением дел в Советском Союзе, не могли не замечать особенностей нового формата национально-территориального устройства. Показательно, что при всех понятных оговорках о реалиях советской истории того времени ряд таких особенностей демонстрировал стремление большевиков к преодолению известных ограничений, действовавших в этих вопросах в самих США. К их числу можно отнести и закрепление «сецессии» национальных республик, и более широкое толкование национального равенства, и социальную составляющую развития национальных территорий. Пожалуй, можно согласиться с трактовкой курса большевиков как «государственного эволюционизма», который был советской версией цивилизаторской миссии в отсталых национальных окраинах [Hirsch, 2005: 7–8].

⁴⁴ Dutanty W. I write as I please. New York: Simon and Schuster, 1935. P. 196–198.

* * *

Таким образом, в 1917–1922 гг. Соединенные Штаты Америки активно реагировали на возникавшие в тот период национальные проблемы на пространстве бывшей Российской империи. Это было связано с тем, что дезинтеграция европейских империй и борьба за самоопределение, по сути, сформировали один из ключевых вопросов международной повестки после окончания Первой мировой войны. Позиция официального Вашингтона и преваляровавших в общественном дискурсе либеральных кругов американского академического сообщества во многом определялась тогда глубоким убеждением в том, что решение любых национальных проблем тесно связано с мировым демократическим транзитом. Однако в реальной политике администрации президентов В. Вильсона и У. Гардинга демонстрировали значительную диверсификацию подходов. Так, поддержка независимости Польши и, отчасти, Финляндии была связана как с особым статусом этих территорий на европейском пространстве, так и с осознанием готовности их народов к самостоятельному развитию. В других случаях многочисленным национальным меньшинствам бывшей Российской империи (народам Прибалтики, украинцам, белорусам, армянам, грузинам, азербайджанцам, народам Средней Азии и др.) чаще всего предлагалось отстаивать свою автономию в рамках единой и демократической России. На наш взгляд, свою роль в такой позиции сыграла боязнь американцев, что неограниченная дезинтеграция превратит Россию в зону непрекращающихся этнических конфликтов. Другими словами, очевидный «идеализм» программы национального самоопределения, которую отстаивали США после окончания Первой мировой войны, на практике дополнялся существенным реалистическим пониманием не только национальных интересов отдельных народов, но и перспектив стабильного развития всей системы международных отношений. Но очевидно было и другое: главную роль в американских оценках национально-территориальной трансформации России в постреволюционную эпоху сыграло абсолютное неприятие «нового мира» по-большевистски. Вряд ли либеральные представители политико-академического сообщества Соединенных Штатов, особенно в годы «нормальности», хотели и могли понимать всю полноту национальных процессов в СССР в условиях жесткого противостояния различных социально-экономических систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести мировой порядок. М.: Центр стратегических разработок, 2018.
2. Журавлёва В.И. Национально-религиозный вопрос в российско-американских отношениях в период Первой мировой войны // Американский ежегодник. 2004. № 2002. С. 215–243.
3. Летняков Д.Э. Советское как имперское: попытка проблематизации // Политика и общество. 2018. № 1. С. 62–71. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.1.25409.
4. Листиков С.В. «Недоверчивая сдержанность Вильсона»: американская дипломатия в поисках «русской политики», 1917–1918 годы // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 192–203. DOI: 10.31857/S013038640008666-0.
5. Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 г.: к вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М.: Наука, 2006.
6. Мальков В.Л. Вудро Вильсон и его «принцип национальностей»: взгляд из современности // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 104–111.
7. Нарочницкая Н.А. Русская революция и мир в XX столетии: через призму «русского вопроса» на Парижской мирной конференции // Перспективы. 2017. № 4 (12). С. 7–37.
8. Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова и др. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004.
9. Романов В.В. Вудро Вильсон о национальном самоопределении // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4 (1). С. 30–38.
10. Севостьянов Г.Н. Москва — Вашингтон: на пути к признанию. 1918–1933. М.: Наука, 2004.
11. Селезнёв Ф.А. Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам 1 (14) августа 1914 года // Славяноведение. 2017. № 5. С. 28–41.
12. Тихий К.Т. Уолтер Дюранти о Советском Союзе: мифы и реальность // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 203–214.
13. Украинская государственность в XX веке (историко-политологический анализ) / Под ред. А. Дергачёва. Киев: Політична думка, 1996.
14. Фоглесонг Д.С. Соединенные Штаты, проблема самоопределения наций и борьба против большевиков в Прибалтике. 1918–1920 // Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М.: Наука, 1998. С. 602–626.
15. Ambrosius L.E. Dilemmas of national self-determination: Woodrow Wilson's legacy // Ambrosius L.E. Wilsonianism: Woodrow Wilson and his legacy in American foreign affairs. New York: Palgrave Macmillan, 2002. P. 125–134. DOI: 10.1057/9781403970046_10.

16. Filene P.G. *Americans and the Soviet experiment, 1917–1933*. Cambridge: Harvard University Press, 1967.

17. Foglesong D.S. *The American mission and the 'evil empire': The crusade for a 'free Russia' since 1881*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

18. Grant N. *The Russian section: A window on the Soviet Union* // *Diplomatic History*. 1978. No. 2. P. 107–115. DOI: 10.1111/j.1467-7709.1978.tb00425.x.

19. Heater D. *National self-determination: Woodrow Wilson and his legacy*. New York: St. Martin's, 1994.

20. Hirsch F. *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

21. Kirby D.G. *Revolutionary ferment in Finland and the origins of the Civil War 1917–1918* // *Scandinavian Economic History Review*. 1978. Vol. 26. No.1. P. 15–35. DOI: 10.1080/03585522.1978.10407894.

22. Kusielewicz E. *Woodrow Wilson and the rebirth of Poland* // *Polish American Studies*. 1955. Vol. 12. No. 1/2. P. 1–10.

23. Lynch A. *Woodrow Wilson and the principle of 'national self-determination': A reconsideration* // *Review of International Studies*. 2002. Vol. 28. No. 2. P. 419–436.

24. Manela E. *The Wilsonian moment: Self-determination and the international origins of anticolonial nationalism*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007.

25. Martin T. *The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.

26. Münkler H. *The proclamation of the right of peoples to self-determination and its present-day repercussions* // *Aspen Review Central Europe*. 2018. No. 1. P. 26–32.

27. Pipes R. *The formation of the Soviet Union. Communism and nationalism, 1917–1923*. Cambridge: Harvard University Press, 1954.

28. Radosh R. *John Spargo and Wilson's Russian policy, 1920* // *Journal of American History*. 1965. Vol. 52. No. 4. P. 548–565.

29. Rolf M. *Nationalizing an empire: The Bolsheviks, the nationality question, and policies of indigenization in the Soviet Union (1917–1927)* // *The First World War and the nationality question in Europe: Global impact and local dynamics* / Ed. by X.M. Seixas. Leiden; Boston: Brill, 2021. P. 65–86.

30. Romanov V. *American interpretations of the national-territorial settlement in Central and South-Eastern Europe at the Paris Peace Conference of 1919–1920: The way to resolve old contradictions?* // *The Paris Peace Conference (1919–1920) and its aftermath: Settlements, problems and perceptions* / Ed. by S. Arhire, T. Rosu. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019. P. 19–28.

31. Saul N.E. *War and revolution: The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence: University Press of Kansas, 2001.

32. Smith T. *Why Wilson matters: The origin of American liberal internationalism and its crisis today*. Princeton: Princeton University Press, 2017.
33. *A State of nations: Empire and nation-making in the age of Lenin and Stalin* / Ed. by R.G. Suny, T. Martin. Oxford: Oxford University Press, 2001.
34. Thompson J.M. *Russia, Bolshevism and the Versailles Peace Conference*. Princeton: Princeton University Press, 1966.
35. Tooze A. *Deluge: The Great War and the remaking of global order, 1916–1931*. New York: Viking, 2014.
36. Unterberger B.M. *Woodrow Wilson and the Russian revolution // Woodrow Wilson and a revolutionary world, 1913–1921* / Ed. by A.S. Link. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. P. 49–104.
37. Vilkauskaite D.O. *From empire to independence: The curious case of the Baltic states 1917–1922* // Honors Scholar Theses. 2013. No. 325. Available at: https://opencommons.uconn.edu/srhonors_theses/325 (accessed: 27.02.2022).
38. Walaszek A. *Polish immigrants in the USA and their homeland, 1914–1923* // *Društvena Istraživanja: Journal for General Social Issues*. 1998. No. 7 (1). P. 89–108.
39. Wolf L. *Woodrow Wilson and the reimagining of Eastern Europe*. Stanford: Stanford University Press, 2020.

REFERENCES

1. *‘14 punktov’ Vil’sona sto let spustya: kak pereizobresti mirovoi poryadok*. 2018. [Woodrow Wilson’s fourteen points 100 years on: Rethinking the liberal world order]. Moscow, Tsentr strategicheskikh razrabotok Publ. (In Russ.)
2. Zhuravleva V.I. 2004. *Natsional’no-religiozniy vopros v rossiisko-amerikanskikh otnosheniyakh v period Pervoi mirovoi voyny* [The national-religious question in the Russian-American relations during World War I]. *Amerikanskiy ezhegodnik*, no. 2002, pp. 215–243. (In Russ.)
3. Letnyakov D.E. 2018. *Sovetskoe kak imperskoe: popytka problematizatsii* [Soviet as imperial: An attempt of problematization]. *Politika i obshchestvo*, no. 1, pp. 62–71. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.1.25409. (In Russ.)
4. Listikov S.V. 2020. *‘Nedoverchivaya sderzhannost’ Vil’sona’: amerikanskaya diplomatiya v poiskakh ‘russkoi politiki’, 1917–1918 gody* [‘Wilson’s mistrustful restraint’: American diplomacy search of a Russian policy, 1917–1918]. *Modern and Contemporary History*, no. 2, pp. 192–203. DOI: 10.31857/S013038640008666-0. (In Russ.)
5. Listikov S.V. 2006. *SSHА i revolyutsionnaya Rossiya v 1917 g.: k voprosu ob al’ternativakh amerikanskoi politiki ot Fevralya k Okt’yabryu* [The USA and revolutionary Russia in 1917. On alternatives in American policy from February to October]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

6. Mal'kov V.L. 2010. Vudro Vil'son i ego 'printsip national'nostei': vzglyad iz sovremennosti [Woodrow Wilson and his 'principle of nationalities': A sight from the present]. *Modern and Contemporary History*, no. 6, pp. 104–111. (In Russ.)

7. Narochnitskaya N.A. 2017. Russkaya revolyutsiya i mir v XX stoletii: cherez prizmu 'russkogo voprosa' na Parizhskoi mirnoi konferentsii [The Russian revolution and the world in the twentieth century: Viewed in the context of the Russian question at the Paris Peace Conference]. *Perspectivy*, no. 4 (12), pp. 7–37. (In Russ.)

8. Gerasimov I.V. et al. (eds.). 2004. *Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva* [New imperial history of the Post-Soviet space]. Kazan', Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii Publ. (In Russ.)

9. Romanov V.V. 2008. Vudro Vil'son o natsional'nom samoopredelenii [Woodrow Wilson on national self-determination]. *Vestnik Vaytskogo gumanitarnogo universiteta*, no. 4 (1), pp. 30–38. (In Russ.)

10. Sevost'yanov G.N. 2004. *Moskva — Vashington: na puti k priznaniyu* [Moscow — Washington: On the road to recognition. 1918–1933]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

11. Seleznev F.A. 2017. Vozzvanie velikogo knyazya Nikolaya Nikolaevicha k polyakam 1(14) avgusta 1914 goda [Appeal of Grand Duke Nikolai Nikolaevich to the Poles on August 1 (14), 1914]. *Slavyanovedenie*, no. 5, pp. 28–41. (In Russ.)

12. Tikhyy K.T. 2008. Uolter Duranty o Sovetskom Soyuze: mify i real'nost [Walter Duranty on the Soviet Union: Myths and reality]. *Modern and Contemporary History*, no. 5, pp. 203–214. (In Russ.)

13. Dergachev O. (ed.). 1996. *Ukrainskaya gosudarstvennost' v XX stoletii (istoriko-politicheskiy analiz)* [Ukrainian statehood in the 20th century (Historical and political analysis)]. Kyiv, Politichna Dumka Publ. (In Russ.)

14. Foglesong D.S. 1998. Soedinennyye Shtaty, problema samoopredeleniya natsii i bor'ba protiv bol'shevikov v Pribaltike. 1918–1920 [The United States, self-determination and the struggle against Bolshevism in the Eastern Baltic Region, 1918–1920]. In: Mal'kov V.L. (ed.). *Pervaya mirovaya voyna. Prolog 20 veka*. Moscow, Nauka Publ., pp. 602–626. (In Russ.)

15. Ambrosius L.E. 2002. Dilemmas of national self-determination: Woodrow Wilson's legacy. In: Ambrosius L.E. *Wilsonianism: Woodrow Wilson and his legacy in American foreign affairs*. New York, Palgrave Macmillan, pp. 125–134.

16. Filene P.G. 1967. *Americans and the Soviet experiment, 1917–1933*. Cambridge, Harvard University Press.

17. Foglesong D.S. 2007. *The American mission and the 'evil empire': The crusade for a 'free Russia' since 1881*. Cambridge, Cambridge University Press.

18. Grant N. 1978. The Russian section: A window on the Soviet Union. *Diplomatic History*, no. 2, pp. 107–115. DOI: 10.1111/j.1467-7709.1978.tb00425.x.

19. Heater D. 1994. *National self-determination: Woodrow Wilson and his legacy*. New York, St. Martin's.

20. Hirsch F. 2005. *Empire of nations: Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*. Ithaca, Cornell University Press.

21. Kirby D.G. 1978. Revolutionary ferment in Finland and the origins of the Civil War 1917–1918. *Scandinavian Economic History Review*, vol. 26, no. 1, pp. 15–35. DOI: 10.1080/03585522.1978.10407894.

22. Kusielewicz E. 1955. Woodrow Wilson and the rebirth of Poland. *Polish American Studies*, vol. 12, no. 1/2, pp. 1–10.

23. Lynch A. 2002. Woodrow Wilson and the principle of ‘national self-determination’: A reconsideration. *Review of International Studies*, vol. 28, no. 2, pp. 419–436.

24. Manela E. 2007. *The Wilsonian moment: Self-determination and the international origins of anticolonial nationalism*. Oxford; New York, Oxford University Press.

25. Martin T. 2001. *The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca; London, Cornell University Press.

26. Münkler H. 2018. The proclamation of the right of peoples to self-determination and its present-day repercussions. *Aspen Review Central Europe*, no. 1, pp. 26–32.

27. Pipes R. 1954. *The formation of the Soviet Union. Communism and nationalism, 1917–1923*. Cambridge, Harvard University Press.

28. Radosh R. 1965. John Spargo and Wilson’s Russian policy, 1920. *Journal of American History*, vol. 52, no. 4, pp. 548–565.

29. Rolf M. 2021. Nationalizing an empire: The Bolsheviks, the nationality question, and policies of indigenization in the Soviet Union (1917–1927). In: Seixas X.M. (ed.). *The First World War and the nationality question in Europe: Global impact and local dynamics*. Leiden; Boston: Brill, pp. 65–86.

30. Romanov V. 2019. American interpretations of the national-territorial settlement in Central and South-Eastern Europe at the Paris Peace Conference of 1919–1920: The way to resolve old contradictions? In: Arhire S., Rosu T. (eds.). *The Paris Peace Conference (1919–1920) and its aftermath: Settlements, problems and perceptions*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, pp. 19–28.

31. Saul N.E. 2001. *War and revolution: The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence, University Press of Kansas.

32. Smith T. 2017. *Why Wilson matters: The origin of American liberal internationalism and its crisis today*. Princeton, Princeton University Press.

33. Suny R.G., Martin T. (eds.). 2001. *A State of nations: Empire and nation-making in the age of Lenin and Stalin*. Oxford, Oxford University Press.

34. Thompson J.M. 1966. *Russia, Bolshevism and the Versailles Peace Conference*. Princeton, Princeton University Press.

35. Tooze A. 2014. *Deluge: The Great War and the remaking of global order, 1916–1931*. New York, Viking.

36. Unterberger B.M. 1982. Woodrow Wilson and the Russian revolution. In: Link A.S. (ed.). *Woodrow Wilson and a revolutionary world, 1913–1921*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, pp. 49–104.

37. Vilkauskaitė D.O. 2013. From empire to independence: The curious case of the Baltic states 1917–1922. *Honors Scholar Theses*, no. 325. Available at: https://opencommons.uconn.edu/srhonors_theses/325 (accessed: 27.02.2022).

38. Walaszek A. 1998. Polish immigrants in the USA and their homeland, 1914–1923. *Društvena Istraživanja: Journal for General Social Issues*, no. 7 (1), pp. 89–108.

39. Wolf L. 2020. *Woodrow Wilson and the reimagining of Eastern Europe*. Stanford, Stanford University Press.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2021; принята к публикации 12.11.2022

The paper was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 14.07.2021; accepted for publication 12.11.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-195-226

Научная статья / Research paper

Л.С. Гагагова*

РЕСПУБЛИКИ ЮЖНОГО КАВКАЗА НА ПУТИ К «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» (1917–1922)

*Федеральное государственное учреждение науки
«Институт российской истории Российской академии наук»
117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19*

В преддверии 100-летнего юбилея образования СССР всё больший интерес вызывают сюжеты, проливающие свет на политические, военные, социальные, этнические и прочие факторы, способствовавшие консолидации народов и территорий бывшей Российской империи в рамках большевистского государства. Актуальность этой проблематики объясняется также потребностью в комплексном анализе сложного и противоречивого процесса интеграции Южного Кавказа с Советской Россией. В советской историографии утвердилась своего рода каноническая версия участия закавказских республик в образовании СССР, которая сводилась к ряду идеологически детерминированных постулатов, обеднявших и отчасти искажавших реальную событийную канву этого многосложного процесса. В данной статье автор, опираясь на многочисленные исследования советских, российских и зарубежных ученых и анализ новых источников, последовательно рассматривает основные события в истории государств Южного Кавказа в период, предшествовавший образованию СССР, и отмечает сходства и различия подходов советских и современных историков к указанной теме. К наиболее значимым сюжетам относятся проблема самоопределения народов Южного Кавказа в первые годы после Октябрьской революции, а также влияние международно-политической обстановки на судьбу государств этого региона. Как отмечает автор, борьба мировых держав за сферы влияния затронула и закавказские республики, по-разному отразившись на развитии событий в каждой из них. Отдельное внимание автор уделяет оценкам процесса советизации республик Южного Кавказа. В советской историографии он представлялся как триумфальное шествие советской власти, тогда как, по мнению современных авторов, больше-

* Гагагова Людмила Султановна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН (e-mail: lgochshtat@mail.ru).

вики не располагали четким и последовательным планом советизации закавказских республик, а сам процесс сопровождался драматическими событиями и конфликтами — как военными, так и внутривластными. Весьма различаются также оценки образования Закавказской федерации. Советская трактовка проекта объединения подчеркивала его значимость для ликвидации последствий Гражданской войны и прекращения межэтнической розни. Современные исследователи обращают внимание на то, что объединительный процесс был навязан Москвой, согласно некоторым оценкам — навязан насильственно, и расценивают его интеграционный эффект как неоднозначный. В контексте этих дискуссий автор подчеркивает важность беспристрастного и взвешенного подхода к изучению процессов, происходивших в закавказских республиках в первые послевоенные годы, для получения объективного представления об их роли и степени участия в создании СССР.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Закавказская федерация, Советский Союз, большевики, территориальный вопрос, дашнаки, мусаватисты, меньшевики, кемалисты, советизация.

Для цитирования: Гатагова Л.С. Республики Южного Кавказа на пути к «социалистической федерации» (1917–1922) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 195–226. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-195-226.

Lyudmila S. Gatagova

**THE REPUBLICS OF THE SOUTHERN CAUCASUS
ON THEIR WAY TO THE 'SOCIALIST FEDERATION'
(1917–1922)**

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
19 Dmitry Ulyanov str., Moscow, Russia, 117292*

As we approach the 100th anniversary of the formation of the USSR, political, military, social, ethnic and other determinants of consolidation of the peoples and territories of the former Russian Empire within the Bolshevik state attract an increasing interest of academic community. In particular, special attention is drawn to the complex and controversial process of integration of the South Caucasus with Soviet Russia. Soviet historiography advanced an official view on the role of the Transcaucasian republics in the formation of the USSR, which

came down to a number of ideological clichés that provided an impoverished and partly distorted image of this complex phenomenon. On the basis of a wide range of Soviet, Russian, and foreign researches, as well as recently published primary sources, the author examines the landmark events in the history of the states of the South Caucasus in the period preceding the formation of the USSR. The author highlights both similarities and differences in the views of Soviet and modern historians on the related issues, including the realization of the right to self-determination of the peoples of the South Caucasus in the first years after the October Revolution and the complex impact of international political situation on the regional developments. The author notes that the struggle for spheres of influence between world powers also affected all the Transcaucasian republics, although with different results. The author pays special attention to the process of Sovietization: in the Soviet historiography it was portrayed as a triumphal march of Soviet rule, but, as recent researches has shown, the Bolsheviks actually did not have a clear and consistent plan for the Sovietization of the Transcaucasian republics and the process was accompanied by dramatic events and conflicts. The assessments of the subsequent formation of the Transcaucasian Federation also differ significantly. The Soviet interpretation of this project emphasized its importance for eliminating the consequences of the Civil War and resolving inter-ethnic conflicts. Contemporary historians point to the fact that the unification process was imposed artificially, and even forcefully, according to some assessments, by Moscow, and its unifying effect was rather mixed. In this context, the author emphasizes the need for an impartial and balanced research approach towards the processes that took place in the Transcaucasian republics in the first post-revolutionary years in order to gain a better understanding of their role in the creation of the USSR.

Keywords: South Caucasus, Transcaucasian Federation, Bolsheviks, territorial issue, Dashnaks, Musavatists, Mensheviks, Kemalists, sovietization.

About the author: *Lyudmila S. Gatagova* — PhD (History), Leading Research Fellow at the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (e-mail: lgochshtat@mail.ru).

For citation: Gatagova L.S. 2022. The Republics of the Southern Caucasus on their way to the ‘Socialist federation’ (1917–1922). *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 195–226. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-195-226. (In Russ.)

Военно-политические и социальные процессы, разворачивавшиеся на Южном Кавказе в 1918–1920 гг., подробнеем образом описаны в многочисленных трудах советских историков [см., например:

Качарова, 1955; Хармандарян, 1969; Гулиев, 1972]. Они добросовестно излагали партийную версию событий, которая, однако, серьезно упрощала реальную картину, сводя все противоречия и антагонизмы к противостоянию между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Тем не менее из многих работ можно почерпнуть ценные наблюдения о тактике Совнаркома в отношении независимых республик. Сложнее обстояло дело с изучением территориальных и этнических конфликтов. Так, детально исследовать армяно-азербайджанскую войну 1918–1920 гг. в контексте образования СССР стало возможно лишь в постсоветскую эпоху [Красовицкая, 2021]. В советской историографии еще со сталинских времен утвердилась версия, согласно которой советизация закавказских республик и их последующее объединение раз и навсегда положили конец межэтнической розни. В современных условиях всё возрастающее внимание авторов к истории национально-государственного строительства на Южном Кавказе продиктовано, по мнению К.Р. Амбарцумян, потребностью разобраться в обстоятельствах взлета и падения недолговечных независимых закавказских республик [Амбарцумян, 2017b: 91–92]. Постсоветские историки стремятся прояснить как политические и социальные процессы внутри каждой из них, так и контекст, в котором разворачивались послереволюционные события [Сапаров, 2018]. И контекст этот действительно заслуживает внимания.

Проблема самоопределения народов Южного Кавказа в первые годы после Октябрьской революции

Вскоре после распада Российской империи на Южном Кавказе было объявлено об учреждении Закавказской федерации (Закавказской демократической федеративной республики) [Пайпс, 2005: 52]. Насколько это событие отвечало массовым народным устремлениям, сказать трудно. Очевидно лишь то, что оно не устраивало большевиков и пробольшевиcтски настроенные группы населения. В одном из первых опубликованных сборников документов, изданном после окончания Второй мировой войны, был представлен обширный материал, иллюстрирующий позицию РКП(б) и ее региональных органов. Документы, в частности, сообщают о решительном протесте, который выразил Бакинский совет рабочих и солдатских депутатов против постановления Закавказского сейма, «принятого под давлением мусульманских контрреволюционных беков и ханов,

заседающих в сейме»¹. Бакинский пролетариат на тот момент был, пожалуй, единственной реальной социальной опорой большевиков на Южном Кавказе.

Впрочем, Закавказской федерации довелось просуществовать совсем недолго (с 10 февраля по 26 мая 1918 г.). Это искусственное образование было изначально обречено, прежде всего в силу острых противоречий между соседними народами, обусловленных этническими, конфессиональными, языковыми, социальными, культурными и прочими различиями. Вследствие исторически сложившегося чересполосного расселения разнородных этнических и субэтнических групп во многих местностях Южного Кавказа сохранялся высокий уровень конфликтности. В рамках единой Российской империи территориальные притязания и земельные споры не имели столь принципиального значения, какое они приобрели после ее распада, когда были провозглашены три независимые республики с невнятными границами. Каждая из них имела представление о собственных пределах, отличное от мнения соседей. И для каждой вопросом первостепенной важности было заключение договоров о делимитации границ с сопредельными странами. Однако именно эта проблема стала камнем преткновения между тремя республиками и повлекла за собой череду драматических событий.

Для того чтобы понять, насколько запутанным и практически неразрешимым оказался территориальный вопрос в регионе, достаточно только перечислить спорные моменты: Азербайджан и Армения не могли поделить Нагорный Карабах, Зангезурский, Нахичеванский, Шаруро-Даралагезский уезды; Грузия и Армения спорили по поводу Борчалинского уезда, Лори и Ахалкалаки; Азербайджан и Грузия оспаривали принадлежность Закатальского округа, Сигнахского и Борчалинского уездов. Ко всему прочему, на часть уездов бывших Эриванской и Тифлисской губерний претендовала Турция, в то время как Армения считала их своими. Яблоком раздора между Турцией и Грузией стал порт Батум. Следом за Турцией права на некоторые территории Армении и Азербайджана пыталась предъявлять и Персия.

Территориальные споры 1918–1920 гг., по утверждению постсоветского исследователя С. Румянцева, в равной степени волновали

¹ Образование СССР: Сборник документов. 1917–1924 // Под ред. Э.Б. Генкиной. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 86.

как местные элиты, примкнувшие к коммунистам, так и «буржуазных националистов» (мусаватистов в Азербайджане, дашнаков в Армении и меньшевиков в Грузии) [Румянцев, 2011]. После развала империи и возникшего хаоса безвластия подспудно тлевшие антагонизмы, в частности наиболее острый из них — армяно-азербайджанский, вспыхнули с новой силой.

Неблагоприятное для Закавказской федерации развитие событий Первой мировой войны и наступление турецкой армии на Восточную Армению в мае 1918 г. привели к ее распаду. Как справедливо отметил российский социолог А. Вишневский, провозгласить самостоятельность и независимость многих частей империи оказалось легче, чем их сохранить. В большинстве случаев, по мнению ученого, у региональных элит не нашлось ни необходимой силы, ни социальной опоры для отстаивания своей самостоятельности, а возможно, полагал он, «и их стремление к этому было не столь сильным и определенным» [Вишневский, 1998: 333].

В намерения В.И. Ленина и его соратников с их масштабными планами экспорта революции отделение Закавказья никак не входило [Амбарцумян, 2019а: 13]². Однако в 1918 г. они не могли вмешиваться в бурные события на южных окраинах бывшей империи [Муханов, 2014: 175]. Не имея возможности действовать военно-политическими средствами, большевики развернули работу по укреплению местных партийных ячеек и агитации в массах. Их рупором служил региональный руководящий орган — Кавказский краевой комитет РКП(б).

Москва занимала нейтральную и внешне благожелательную позицию в отношении новообразованных Республики Армения, Азербайджанской Демократической Республики и Демократической Республики Грузия. Суть тогдашней тактики достаточно красноречиво иллюстрирует высказывание И.В. Сталина в интервью «Правде» от 3 и 4 апреля 1918 г., в котором он затронул тему окраин бывшей империи: «Области эти составляют не свободные и независимые территории, а насильственно втиснутые в общероссийский политический организм единицы, которые стремятся теперь получить необходимую свободу действий в виде федеративных отношений или полной независимости»³. В первые месяцы после революции

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 385–390; Там же. Т. 35. С. 53–61.

³ Образование СССР... С. 43.

большевистские лидеры не скупались на выражение солидарности с обретавшими независимость народами.

Российский востоковед Е. Рашковский, анализируя общую картину политического противоборства первых послереволюционных лет, писал, что если Белое движение выступало под якобинским, по сути, лозунгом «единой и неделимой России», а национальные движения склонялись к идеям этнотерриториального сепаратизма, то большевики нащупали некий особый путь. Привлекательность его для широких масс с их противоречивыми политическими и социальными устремлениями автор увидел в сочетании несочетаемого: идей «мировой революции», «пролетарского интернационализма» и «права наций на самоопределение» [Рашковский, 2002: 175]. Массированная пропаганда большевистских идей, оказавшихся, как впоследствии выяснилось, более заманчивыми для населения бывшей империи, чем программы других партий, подкреплялась тактикой закулисных игр, умением лавировать, заигрывать с этнонациональными элитами, сталкивать противоборствующие стороны между собой. Нельзя не признать, что подобная политика в конечном счете принесла В.И. Ленину и его соратникам крупные дивиденды. Впрочем, непосредственно после 1917 г. им еще только предстояло развернуть борьбу за политическое влияние на территории бывшей империи.

Советский автор В.Н. Мерквиладзе отмечал, что одним из вопросов, вызывавших повышенный интерес В.И. Ленина, были международные контакты независимых республик [Мерквиладзе, 1969: 273]. Однако, отслеживая ход событий в регионе, В.И. Ленин предпочитал действовать в отношении Закавказья крайне осторожно, не нарушая сложившуюся там расстановку сил. Особенно его беспокоила меньшевистская Грузия, где РКП(б) практически полностью утратила инициативу. Но попытки явного вмешательства в дела независимой республики могли навредить имиджу РСФСР на международной арене, где грузинское меньшевистское правительство во главе с Н. Жорданием достаточно прочно утвердилось. О настроениях грузинской политической элиты можно судить по высказываниям Н. Жордании, прозвучавшим в его выступлении в Учредительном собрании 14 января 1920 г.: «Вы знаете, что Советская Россия нам предложила военный союз против Деникина. Мы ей отрез отказали в этом <...>. Что означает этот союз? Он означает то, что мы должны были порвать связь с Европой, как это сделали они, и обратить свои взоры к Востоку, где ищут они новых союзников.

Запад и Восток — вот вопрос, который поставлен перед нами, и здесь колебания невозможны <...>. Как видите, пути Грузии и России здесь разошлись. Наш путь ведет в Европу, путь России — в Азию. Знаю, враги скажут, что мы на стороне империалистов. Поэтому я здесь должен решительно заявить: предпочту империалистов Запада фанатикам Востока» [цит. по: Мерквиладзе, 1969: 80]. Заявление лидера меньшевиков не оставляло сомнений относительно актуальных политических предпочтений грузинских властей.

Что же касается В.И. Ленина и его ближайших соратников, то если в 1918 г. они не спешили выказывать свое истинное отношение к теме самоопределения наций, то спустя три года всё изменилось: политические позиции большевиков на территории бывшей империи значительно укрепились. Выступая 19 марта 1921 г. на X съезде РКП(б) с докладом «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», И.В. Сталин обрушился с критикой на статью наркома иностранных дел Г.В. Чичерина «Против тезисов тов. Сталина», упрекая его в том, что он слишком много говорит о национальном самоопределении. И.В. Сталин напомнил Г.В. Чичерину, что с этим «пустым лозунгом» партия распростилась еще два года назад⁴, и заявил, что больше не считает нужным придерживаться лозунга самоопределения наций, который отстаивал не так давно. Подтверждением изменившейся позиции стала резолюция, принятая 15 марта 1921 г. на X съезде РКП(б). Она гласила: «Изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны <...> повелительно диктуют государственный союз отдельных советских республик...»⁵.

В орбите внешнеполитических реалий

Согласно закрепившейся среди исследователей точке зрения доминирующим фактором, который помог большевикам утвердить свое влияние на Южном Кавказе, был дипломатический. Американский историк Р. Пайпс писал, что российско-турецкое сотрудничество поставило независимость республик под удар; незаинтересованность союзных государств положила ей конец [Пайпс, 2005: 71].

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Там же. С. 221.

Международный аспект темы национально-государственного строительства на окраинах бывшей империи в последние годы привлекает повышенное внимание исследователей [Амбарцумян, 2017b: 91]. Когда Южный Кавказ распался на три независимые республики, у каждой из них появились свои внешнеполитические ориентиры. Азербайджан тяготел к близкородственной Турции, Армения искала покровительства у Антанты, Грузия — у Германии. В апреле 1918 г. Берлин заключил с Анкарой в Константинополе секретное соглашение о разделе сфер влияния в Закавказье. Исследователи считают, что германское правительство отводило особую роль Грузинской Демократической Республике, которая должна была стать доминирующей силой в регионе и представлять интересы Берлина [Тамазов, Пазов, 2016: 236]. В мае в Грузию прибыл эшелон с немецкими отрядами. Турецкие войска, оккупировав согласно условиям Брестского мира Батум, Карс и Ардаган, летом вошли в Азербайджан. После поражения Османской империи в Первой мировой войне и заключения 30 октября 1918 г. Мудросского перемирия (между странами Антанты и Турцией) они были выведены из республики. На смену туркам на Южный Кавказ пришли британцы, представлявшие объединенные силы союзников (октябрь 1918 г. — август 1919 г.).

Правительство Великобритании направило на Южный Кавказ своего специального представителя для ознакомления с текущей ситуацией и выработки политической позиции в отношении этого стратегически важного региона. Его дальнейшая судьба, по замыслу стран-победительниц, должна была решаться на Парижской мирной конференции.

Представители союзнических сил столкнулись на Южном Кавказе с множеством проблем, среди которых наиболее острыми были взаимные территориальные претензии закавказских республик. 14 марта 1919 г. бригадный генерал В. Бич сообщил представителям Грузии и Армении Н.Н. Жордани и О. Качазуну о намерении определить «временные демаркационные линии в Закавказье» силами комитета, возглавляемого военным губернатором Баку У.М. Томсоном. Окончательное решение комитет оставлял за мирной конференцией. Однако эти действия британского командования, как установили историки, не были санкционированы правительством Великобритании [Архипова, 2016: 222]. Попытка же покончить с пограничными спорами таким способом в итоге провалилась, что

привело к потере британцами кредита доверия со стороны местных политических кругов.

Британские войска покинули Южный Кавказ лишь в связи с обострением англо-американских противоречий по поводу распределения сил в регионе и получения Соединенными Штатами Америки мандата на управление Арменией и Стамбулом [Архипова, 2016: 217]. В итоге Антанты не смогла или не захотела заполнить «вакуум имперской власти» в Закавказском регионе [Гачечиладзе, 2012: 166].

Тем не менее военно-политическая активность стран Антанты здесь расценивалась большевиками как прямое вмешательство в жизнь независимых республик. Большевики, будучи не в состоянии удерживать Южный Кавказ военно-политическими средствами, решили сделать ставку на дипломатические методы. Они, в частности, прикладывали усилия к тому, чтобы сдерживать германское влияние в Грузии, ведя переговоры с Берлином. И.В. Сталин заявлял: «Общая наша политика в вопросе о Закавказье состоит в том, чтобы заставить немцев официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы вопросами внутренними для России, в разрешении которых немцы не должны участвовать» [цит. по: Амбарцумян, 2019а: 10]. Турки, вынужденные покинуть Азербайджан, отнюдь не отказывались от своих притязаний, пытались любыми способами сохранить влияние в республике. Примечательно, что спустя три месяца после Съезда народов Востока в Баку (26 декабря 1920 г.) начальник особой группы Регистрационного управления при Революционном военном совете республики (военная разведка) в докладной записке, касавшейся Анатолийской Турции, сообщал, что на бакинский съезд были посланы «лица со специальными заданиями». Он утверждал, что «под видом депутатов много военных шпионов разъехались после съезда по Кавказу»⁶.

В 1920 г. большевики поддержали развернувшееся в Турции движение Мустафы Кемалю за независимость. В советской историографии оно преподносилось как национально-освободительное, а сотрудничество РКП(б) с кемалистами рассматривалось преимущественно с идеологических позиций. Однако, как представляется, союз с М. Кемалем был продиктован в первую очередь прагматическими соображениями. Все остальные факторы, в частности перспективы мировой революции, играли третью степенную роль.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5750. Л. 8.

Это был ситуативный выбор, сделанный с учетом сложившейся внешнеполитической обстановки. В.И. Ленин нуждался в союзниках в условиях возникшей международной изоляции и надеялся при помощи турок вытеснить Антанту из Южного Кавказа.

В то же время у Москвы возникали сомнения по поводу надежности ее нового партнера. «Можно ли считать, что кемалисты пока еще не отошли от нас к Антанте...» — вопрошал И.В. Сталин в телеграмме, направленной представителю ЦК в Закавказье Г.К. Орджоникидзе в декабре 1920 г.⁷ Действительно, страны Антанты отнюдь не были заинтересованы в сближении М. Кемалья с В.И. Лениным. Великобритания, пригласив кемалистов на Лондонскую конференцию в феврале 1921 г. (созванную для выработки мирных договоров и решения проблем Турции и Ближнего Востока), попыталась вовлечь их в антиросийскую коалицию. Однако советское правительство предпочитало не вступать в конфронтацию с Великобританией, чтобы не давать лишнего повода для претензий с ее стороны в расчете на восстановление российско-британских торговых отношений и выход из дипломатической изоляции [Амбарцумян, 2019b: 95].

Опасаясь сближения Анкары со странами Антанты, Москва при подписании договора о «дружбе и братстве» 16 марта 1921 г. пошла на серьезные уступки турецкой стороне, передав ей ряд бывших имперских территорий (Карс, Ардаган, Артвин). Внешне большевистская Россия и кемалистская Турция налаживали взаимодействие, однако подспудно между ними шло соперничество [Амбарцумян, 2017a], продиктованное не только имперскими амбициями, но и стремлением укрепить собственные государства, уберечь их от распада [Амбарцумян, 2018: 176]. Несмотря на соперничество, большевики связывали защиту своих интересов на Южном Кавказе с кемалистами. 16 марта 1922 г., в сложный для М. Кемалья момент военного противостояния с греческими войсками, поддерживаемыми Антантой, посол Советской России в Анкаре С.И. Аралов писал в Народный комиссариат иностранных дел: «Если турки будут разбиты, Анатолией овладеет Запад и все наши труды пропадут. Политически настолько серьезный момент, что вопрос о помощи должен быть рассмотрен с общеполитического будущего нашего влияния и закрепления нашего влияния в Малой Азии. Уничтожение Анатолийского правительства повлечет за собой создание новой

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.

опасности на Кавказе»⁸. В советской историографии утвердилась точка зрения, согласно которой страны Антанты планировали после расчленения Турции «активизировать вооруженную интервенцию на Юге России» [Алиева, 2020: 64].

Внешнеполитические интересы советского правительства на Востоке не исчерпывались Южным Кавказом и налаживанием сотрудничества с турками. Они простирались и дальше, в сторону Персии. Но поддержка Советской Россией движения Мирзы Кучук-хана в Северной Персии (диктуемая в том числе стремлением расшатать позиции Великобритании в этом регионе) не принесла желаемых результатов, поскольку разногласия между их устремлениями и политическими целями М. Кучук-хана оказались непреодолимыми [Баберовски, 2010: 241].

В этом сложном, противоречивом контексте разворачивались процессы советизации закавказских республик.

Советизация Южного Кавказа

Термин «советизация», рожденный в среде большевистской элиты, наиболее точно отражает суть явления, утвердившегося в советской историографии под определением «триумфальное шествие советской власти» [Квашонкин, 1997: 163].

По мнению современных авторов, большевики не располагали четким и последовательным планом советизации закавказских республик, скорее они действовали в регионе ситуативно, исходя из конкретных обстоятельств. Немецкий историк Й. Баберовски утверждал, что установление контроля над Азербайджаном, Грузией и Арменией совершалось скорее спонтанно и было обусловлено инициативами Закавказского краевого комитета (Заккрайком) РКП(б) и его первого секретаря Г.К. Орджоникидзе [Баберовски, 2010: 209].

Начало масштабной военно-политической кампании по установлению советской власти на Южном Кавказе датируется мартом 1920 г. Для реализации задач советизации решением ЦК РКП(б) в апреле было создано Кавказское бюро (Кавбюро) — орган полномочного представительства партии в регионе во главе с Г.К. Орджоникидзе. Нефтеносный Азербайджан представлял для РСФСР наибольшую ценность. К тому же мусаватистское правительство республики, по оперативным данным, выглядело наиболее уязвимым по сравнению

⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 260. Л. 7.

с дашнакской Арменией и меньшевистской Грузией. Здесь также не обошлось без привлечения внешнеполитического фактора. Речь идет о договоренности с М. Кемалем, потребовавшим от мусаватистов пропустить войска Советской России к своим границам для защиты турок от британского вторжения. Действуя в тесной связи с военным командованием и заручившись поддержкой кемалистов, Кавбюро разработало план операции против азербайджанских мусаватистов. 27 апреля их правительству был предъявлен ультиматум от ЦК КП Азербайджана с требованием передать власть.

Вступление 11-й армии в Азербайджан и свержение правительства АДР не вызвали ожесточенного сопротивления и массовых антисоветских выступлений [Муханов, 2014: 175]. Современные исследователи объясняют это тем, что местные пантюркисты и панисламисты восприняли приход Красной армии как часть борьбы народов Востока, борьбы мусульман с западными колонизаторами [Веселов, 2021].

28 апреля 1920 г. Реввоенсовет 11-й армии направил В.И. Ленину телеграмму: «Многочисленные запасы нефти отныне вырваны из рук международной буржуазии и стали достоянием пролетариата»⁹. Г.К. Орджоникидзе настаивал на продолжении кампании в Армении, но из центра последовало распоряжение свернуть наступление: В.И. Ленин счел продолжение военной операции преждевременным.

7 мая Москва подписала с Грузией договор, по которому признавала ее независимость. По мнению французского историка Н. Верта, этот шаг был продиктован временно неблагоприятным международным положением «для центральной большевистской власти, ведущей войну с Польшей» [Верт, 1998: 73]. РСФСР обещала не вмешиваться во внутренние дела республики, в свою очередь Грузия брала на себя обязательства вывести иностранные войска со своей территории и не преследовать местных коммунистов.

Практически параллельно с дипломатической деятельностью в недрах ЦК РКП(б) обсуждались перспективы советизации Грузии. В этом смысле примечательно высказывание И.В. Сталина в письме Г.К. Орджоникидзе: «...обстановка такова, что сейчас торопиться с Грузией в смысле превращения ее в Советскую мы не [должны], всё равно через несколько месяцев, если коммунисты будут легализованы, она и так станет советской...» [цит. по: Муханов, 2014: 178]. В.И. Ленин занимал в отношении Грузии выжидательную позицию и надеялся

⁹ Образование СССР... С. 155.

избежать открытых насильственных действий, рассчитывая на достижение компромисса с меньшевистским правительством республики.

Спустя месяц Советская Россия подписала договор и с Арменией, по которому ее границы признавались в пределах бывшей Эриванской губернии. Позиции республики к тому моменту серьезно ослабли вследствие оккупации ею части восточной Анатолии, обернувшейся обострением отношений с новым турецким национальным правительством М. Кемалю. Положение еще более осложнилось из-за нарастания социальных проблем, вызванных массовым наплывом беженцев из турецкой Армении и Азербайджана. В этих обстоятельствах дашнакское правительство пыталось лавировать между противоборствующими политическими силами: заключив договор с РСФСР, оно одновременно послало в Тифлис А. Хатисяна для переговоров с представителями союзных держав [Агаян, 1962: 293].

После заключения Севрского договора (между странами Антанты и Османской империей) турецкие войска вторглись в восточную Анатолию: 24 сентября 1920 г. вспыхнула армяно-турецкая война. Подробное освещение локальных закавказских конфликтов, не получивших должного отражения в советской историографии, следует поставить в заслугу российским исследователям, активно привлекающим новые архивные материалы [Муханов, 2014, 2019].

Москва предложила армянскому правительству свои услуги посредника для урегулирования взаимоотношений с Турцией, но дашнаки, не уверенные в том, что большевики смогут удержаться в Закавказье, предпочли действовать самостоятельно. 30 ноября И.В. Сталин после обсуждения с В.И. Лениным, Л.Д. Троцким и Л.Б. Каменевым сложившейся ситуации послал находившимся в Баку Г.К. Орджоникидзе и П.Г. Мдивани телеграмму с указаниями: «Драться с кемалистами из-за Карса не следует, но прямо уступать им во всем тоже нельзя, необходимо выговорить у кемалистов Александрополь для Армении, которая становится советской. Если отклонение посредничества исключает наше участие в мирных переговорах между Арменией и Турцией, то нужно напомнить как туркам, так и армянам, что в таком случае вопрос о Зангезуре и Нахичеванском уезде не может быть предметом обсуждения армяно-турецкой конференции, так как обе эти области являются спорными между Арменией и Азербайджаном, в союзе с которым состоит Россия»¹⁰.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 14. Л. 1.

2 декабря 1920 г. правительство Армении было вынуждено подписать в Александрополе мирный договор, по сути, лишивший республику суверенитета. В этих обстоятельствах Москва, опасавшаяся окончательной потери Армении, перешла к активным действиям. Повод для начала такой операции дали сами армянские лидеры [Муханов, 2017: 95]. 29 ноября Г.К. Орджоникидзе и его сторонникам удалось поднять восстание в северных районах республики при помощи 11-й армии и сформированного внутри нее Армянского полка. Движение российских войск не вызвало протестов со стороны населения, всерьез напуганного турецкой угрозой и недовольного действиями правительства. После отставки последнего власть перешла к временному Ревкому. Как отмечают исследователи, союзничество Русской и Турецкой революций было обеспечено ценой западной части российской Армении (отторжение Карса и Ардагана в 1921 г.), что трагически сказалось на судьбах сотен тысяч людей — армян, грузин, молокан, духоборов [Рашковский, 2002].

Так или иначе, к исходу 1920 г. позиции большевиков на Южном Кавказе значительно укрепились. Этому во многом способствовало понимание того, что западные державы свернули военно-политическую активность в регионе. Грузия оказалась зажатой в тиски между советскими республиками и Турцией [Амбарцумян, 2021: 128]. Однако попытки Г.К. Орджоникидзе форсировать события наступлением на Грузию в декабре были жестко пресечены В.И. Лениным, вынужденным учитывать не только внутренние обстоятельства, но и внешнеполитический фактор.

Активизацию действий советского руководства в отношении Грузии вызвала новость о признании республики де-юре странами Антанты. В январе 1921 г. члены Политбюро РКП(б) собрались для обсуждения вопроса о нарушении Грузией условий двустороннего договора. И.В. Сталин, сторонник жесткой линии на Южном Кавказе, предлагал В.И. Ленину и Г.В. Чичерину свой вариант разрешения грузинской проблемы: «По-моему, одна из лучших комбинаций — успешная война Турции с Грузией, которая даст России возможность вмешаться в качестве посредницы и избавительницы...» [цит. по: Муханов, 2014: 191].

В.И. Ленин и его соратники отдавали себе отчет в том, что рассчитывать на внутреннее восстание в Грузии не приходится — слишком сильны были позиции меньшевистского правительства во главе с Н. Жорданией. Несмотря на опасения перед возможным

вмешательством западных держав, 14 февраля 1921 г. Политбюро всё же дало разрешение 11-й армии выступить в поддержку восстания, организованного силами Кавбюро в Борчалинском и Ахалкалакском уездах. Вступив на территорию Грузии 15 февраля, уже спустя 10 дней армия была в Тифлисе. По мнению исследователей, просчет меньшевистского правительства Грузии заключался в чрезмерной ориентации на Лигу Наций, в то время как ситуацию на Южном Кавказе определяли Советская Россия и кемалистская Турция [Амбарцумян, 2019b: 99]. Внешнее вмешательство в события ограничилось обстрелом наступавших советских частей французскими кораблями.

16 марта власть в Грузии перешла к Ревкому. Практически сразу же обострился вопрос о принадлежности Батума. Объявление его турецким вызвало у грузинского населения мощный национально-освободительный порыв, охвативший всех независимо от их политических взглядов. Для грузин оказалось неважно, в какой — меньшевистской или большевистской — Грузии он будет находиться. В итоге Батум удалось отстоять благодаря «причудливому союзу» остатков грузинской армии и коммунистов [Муханов, 2014: 223]. Этот, казалось бы, частный сюжет вновь высветил весьма существенный момент — чрезвычайную чувствительность народов Южного Кавказа по отношению к территориальному вопросу. Использование этого фактора в качестве инструмента борьбы за влияние в регионе стало одним из залогов победы большевиков. Современные исследователи отмечают также, что не последнюю роль сыграли и личные амбиции группы выходцев с Кавказа внутри руководства большевистской партии, которые стремились к власти. Наряду с другими факторами это предопределило судьбу Азербайджана, Армении и Грузии [Квашонкин, 1997: 164].

Закавказский федеративный союз

Советские исследователи описывали сюжет об образовании федеративного союза закавказских республик как один из этапов подготовки к провозглашению СССР [Качарава, 1955; Хармандарян, 1969; Гулиев, 1972]. В общих чертах этот сюжет в работах советских историков выглядел следующим образом: идея слияния трех республик принадлежала В.И. Ленину, обосновывавшему ее необходимостью военно-политического и экономического объединения для ликвидации последствий Гражданской войны, борьбы с националистическими и контрреволюционными силами и пре-

кращения межэтнической розни; процессу объединения пытались, но не смогли воспрепятствовать грузинские национал-уклонисты.

В позднесоветские годы сюжет о непростых, мягко говоря, взаимоотношениях закавказских народов отошел на задний план. Проблема заключалась в том, что излишний интерес к теме, «порочащей» пресловутую дружбу народов, в эпоху формирования новой исторической общности не приветствовался.

С.И. Якубовская, а вслед за ней и другие советские исследователи темы представляли объединение республик результатом волеизъявления трудящихся и подвергали критике грузинских «национал-уклонистов» за стремление ликвидировать Закавказскую федерацию, особо подчеркивая заслуги вождя пролетарской революции в создании федеративного союза на Южном Кавказе [Якубовская, 1972: 24]. Противоположной позиции придерживается Й. Баберовски, считающий объединение закавказских республик в федерацию насильственной акцией [Баберовски, 2010: 240]. Автор одной из последних монографий, посвященных образованию СССР, В.Я. Гросул, подробно проанализировав объединительный процесс, признал его навязанным сверху Москвой и Кавбюро, «являвшимся орудием центра против национальных коммунистических партий» [Гросул, 2007: 93]. Наличие столь разных оценок заставляет присмотреться к образованию Закавказской федерации подробнее.

П.А. Азизбекова в монографии, вышедшей к 40-летию образования СССР, писала, что уже 21 декабря 1920 г. В.И. Ленин в записке в Управление делами Совнаркома просил «дорисовать на территориальной карте РСФСР ряд национальных республик и районов страны. При этом в предлагаемом списке он выделил в одну группу Грузию, Азербайджан, Армению». Спустя год он уже именовал их «Кавказской республикой» [Азизбекова, 1962: 269].

О потенциальной выгоде объединения республик задумывался не только В.И. Ленин. 1 марта 1921 г. чрезвычайный и полномочный представитель Азербайджана в РСФСР Б. Шахтахтинский в письме вождю заявил, что «для создания национального мира в Закавказье, разрешения всех спорных вопросов в отношении территорий, пастбищ и пр. наиболее приемлемым и целесообразным являлось бы объединение Азербайджанской, Грузинской и Армянской республик»¹¹. Для В.И. Ленина этот шаг означал серьезное продвижение по пути

¹¹ Образование СССР... С. 277.

консолидации народов и территорий в рамках большевистского государства. В письме от 14 апреля 1921 г. он внушал кавказским коммунистам: «...как ни важен национальный мир, <...> еще несравненно важнее удержать и развить Советскую власть»¹².

Поскольку грузинская Компартия (КП), точнее, ее часть считалась слабым звеном в проекте объединения республик, В.И. Ленин настаивал на проведении кропотливой разъяснительной работы в Грузии. В свою очередь И.В. Сталин, выступая 6 июля 1921 г. на собрании тифлисской организации КП республики, заявил о невозможности ее изолированного существования, напомним о военной опасности, потребности в «русском хлебе», нефтяных продуктах Азербайджана и покрытии дефицита бюджета. Он также коснулся остроты национального вопроса в связи со сложным этническим составом Грузии¹³. Образование федерации закавказских республик руководители РКП(б) ставили в прямую зависимость от урегулирования национального вопроса (отсылки к «татарско-армянской резне», территориальным войнам в бытность у власти мусаватистов, дашнаков и меньшевиков и т.д.).

Несмотря на столь веские аргументы в пользу федерации, П.Г. Мдивани, Ф.И. Махарадзе, М.Д. Орахелашвили и другие грузинские партийные функционеры выступили против, утверждая, что объединение грозит массовым недовольством в Грузии и даже восстанием. Азербайджанцы Р. Ахундов и М.Д. Гусейнов сочли идею преждевременной. В.Я. Гросул отмечал, что члены грузинских партий обвиняли местных большевиков в отсутствии патриотизма, продаже интересов родины «московским оккупантам» и открыто говорили о ликвидации независимости Грузии из-за предательства тех же большевиков [Гросул, 2007: 99].

Тем не менее, несмотря на протесты грузинских коллег, 3 ноября 1921 г. объединенный Пленум Кавказского бюро ЦК РКП(б) принял решение о заключении федеративного союза. Подготовленный В.И. Лениным 28 ноября «Проект предложения об образовании федерации закавказских республик» на следующий день был утвержден на заседании Политбюро (пункт 6)¹⁴. В.И. Ленин считал необходимым развернуть пропаганду среди населения и провести

¹² Образование Союза Советских Социалистических Республик: Сборник документов / Отв. ред. Ю.И. Кораблёв. М.: Наука, 1972. С. 195–196.

¹³ Образование СССР... С. 277.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 237.

решение через Съезды Советов. Первой из республик это решение официально одобрил в начале 1922 г. Азербайджан на IV Съезде КП [Азизбекова, 1962: 271, 273]. Г.К. Орджоникидзе, выступая на I Съезде КП Грузии 30 января 1922 г., заявил по поводу республик: «Антанта хотела создать из них Балканы, а мы создаем братскую семью трудящихся народов, спаянных единством интересов»¹⁵.

Договор о создании Федеративного Союза Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ) был утвержден 12 марта 1922 г. на конференции в Тифлисе с участием представителей ЦИК трех республик. В ведение Союза перешли внешние сношения, оборона, финансы, внешняя торговля, транспорт и экономика. Ряд дополнительных договоров, подписанных в последующие недели, должны были включить Федеративный Союз в экономику РСФСР и уполномочить последнюю представлять кавказские республики на международной арене. Что касалось межэтнической розни, которую ранние исследователи данной темы признавали одним из важнейших факторов в контексте закавказских проблем, то советская историография была категорична: «Вековая вражда между Арменией и окружающими ее мусульманами решилась одним ударом, путем установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана» [Гуковский, 1940: 13]. 22 августа 1922 г. последовало распоряжение Закавказской чрезвычайной комиссии, согласно которому все внутренние границы объявлялись свободными, а внешними стали считаться границы с Турцией и Персией [Мустафаева, 2010: 238].

Авторы документальной публикации в журнале «Отечественная история» назвали лето 1922 г. переломным моментом в сюжете объединения республик. Линия на «сохранение партийного единства» обернулась судебными процессами над партиями эсеров и меньшевиков, высылками, репрессиями в отношении членов ЦК КП Грузии [На пути к «социалистическому унитаризму»..., 1992: 89].

18 ноября 1922 г. И.В. Сталин в беседе с корреспондентом «Правды» заявил, что инициатива движения за объединение независимых республик принадлежала самим республикам¹⁶. Это высказывание будущего вождя народов обрело, подобно многим другим его словам, статус аксиомы и прочно закрепилось в советской историографии.

¹⁵ Образование СССР... С. 287.

¹⁶ Там же. С. 238.

«Грузинский инцидент»

По мнению И.В. Сталина, за четыре года Гражданской войны либерализм в национальном вопросе, демонстрируемый Москвой, привел к тому, что появилась какая-то часть коммунистов, требовавших чрезмерной независимости. Он считал, что национальная стихия на окраинах работает не в пользу единства республик [Гросул, 2007: 76]. В монографии В.Я. Гросула подробно описан конфликт между Закавказским крайкомом, возглавляемым Г.К. Орджоникидзе, и группой П.Г. Мдивани, составлявшей большинство в ЦК КП(б) Грузии. Суть противостояния, как известно, заключалась в том, что П.Г. Мдивани и его сторонники требовали вхождения Грузии в СССР не через Закавказскую федерацию, а самостоятельно, т.е. на тех же основаниях, что Украина и Белоруссия. В телеграмме, направленной вождю, грузинские коммунисты настаивали на пересмотре положения о Закавказской федерации [Гросул, 2007: 93–97].

Острый спор с взаимными обвинениями в нарушении партийной дисциплины, с одной стороны, и предательстве национальных интересов — с другой вылился в скандал, сопровождавшийся непарламентскими методами убеждения. Финляндский исследователь Д. Смит, анализирувавший «грузинский инцидент», сосредоточился на теме раскола внутри национальных партийных организаций, подчеркнув вслед за другими авторами, что наиболее серьезные внутривнутрипартийные конфликты происходили между ЦК КП Грузии, возглавляемым Ф.И. Махарадзе и П.Г. Мдивани, и Кавбюро РКП(б), руководимым Г.К. Орджоникидзе. В этой связи Д. Смит обратил внимание на личностные особенности главных действующих лиц. Есть основания полагать, утверждал он, что в раннесоветский период отдельные функционеры оказывали «непропорционально значительное влияние» на ход событий по сравнению с другими периодами советской истории [Smith, 1998: 521].

Возмущившись грубым поведением И.В. Сталина и Г.К. Орджоникидзе, В.И. Ленин написал большое письмо грузинским коммунистам, в котором объявлял войну великорусскому шовинизму (примечательно, что его носителями оказались) этнические грузины. По мнению В.Я. Гросула, В.И. Ленин видел в «великорусском шовинизме» угрозу, поскольку опасался, что население республик почувствует себя обманутым, и «всячески сдерживал порывы тогдашних сверхцентрализаторов» [Гросул, 2007: 92].

П.Г. Мдивани и А.С. Сванидзе полагали, что компетенция союзных органов должна формироваться самими республиками путем делегирования ими части своих полномочий союзным органам. Иной подход — наделение республик властными полномочиями сверху вниз, от союзных к республиканским органам — был для них неприемлем. П.Г. Мдивани настаивал на том, что «носителем суверенитета является только каждая из этих республик в пределах своей территории, а выразителями ее прав верховенства — лишь ее высшие органы» [На пути к «социалистическому унитаризму».., 1992: 90].

Попытка отстаивания собственного мнения впоследствии чрезвычайно дорого обошлась грузинским коммунистам, обвиненным в предательстве интересов РКП(б). «Выступая против национальной политики партии, национал-уклонисты, — писал один из авторов сталинского призыва, — скатывались на позиции грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов. В борьбе против создания Закавказской федерации грузинские национал-уклонисты опирались на поддержку троцкистского шпиона Буду Мдивани» [Багдасаров, 1952].

Тем не менее одним из последствий конфликта с грузинскими коммунистами, по мнению Д. Смита, стало предоставление республикам больших прав, чем это первоначально предусматривалось в плане будущего Союза [Smith, 1998: 544].

На пути к консолидации

Заключительный этап подготовки к провозглашению СССР всесторонне исследован советскими историками, как, впрочем, и участие в этом процессе закавказских республик. Анализируя политические, экономические, социокультурные факторы, подталкивавшие их к объединению, авторы непременно подчеркивали, что при вступлении в состав СССР закавказские республики не приравнивались к автономиям, а были полноправными субъектами, т.е. федеративными государствами, и что общесоюзный договор подписывали представители не только ФСССРЗ, но и каждой республики [Мерквиладзе, 1969: 388–389].

Дальнейший ход событий многократно описан. В состав Комиссии Пленума ЦК РКП(б), учрежденной в августе 1922 г. для выработки предложений о взаимоотношениях республик, от Южного Кавказа вошли А.Ф. Мясников, С.А. Агамалы-оглы, П.Г. Мдивани

и глава Заккрайкома Г.К. Орджоникидзе. Проект И.В. Сталина с предложением включить республики в РСФСР на правах автономий получил одобрение Заккрайкома, а также Армении и Азербайджана. Представитель Грузии выразил несогласие. Преждевременным сочли план объединения участники Пленума ЦК Грузии, состоявшегося 15 сентября 1922 г. [Мерквиладзе, 1969: 353]. Несмотря на это, 23 сентября Комиссия под председательством В.М. Молотова приняла сталинский проект за основу.

Однако В.И. Ленин, как известно, отверг этот проект и предложил свой вариант вхождения республик в Союз на федеративных началах. Формулировка И.В. Сталина была заменена другой — об объединении с РСФСР¹⁷. В советской историографии было принято критически относиться к сталинскому плану автономизации. Сегодня встречаются и другие точки зрения, во многом отражающие мировоззренческие позиции исследователей. Кто-то из аналитиков именно в выборе в пользу ленинского федеративного проекта усматривает причины распада СССР, кто-то расценивает позицию вождя как проявление «национал-либерализма». Один из современных исследователей и вовсе убежден в том, что из-за «возникшей в Закавказье государственности» Советской России пришлось создавать «не унитарную, а этнофедеральную систему в виде Союза ССР» [Гачечиладзе, 2012: 174]. По мнению А.И. Вдовина, И.В. Сталин не посчитал нужным противиться «национал-либерализму», поскольку не вполне устраивавший его ленинско-каменевский проект образования СССР не исключал установления отношений подчиненности окраин центру во всех главных вопросах [Вдовин, 2021: 33]. Что можно сказать с уверенностью, так это то, что позиция группы грузинских коммунистов серьезно повлияла на развитие событий, предшествовавших объединению республик.

21 ноября Комиссия Пленума ЦК РКП(б) подготовила документ «О порядке проведения вопроса об объединении советских республик в Союз республик». В.И. Ленин предлагал, чтобы в будущем союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т.д. [Азизбекова, 1962: 277].

27 ноября 1922 г. состоялось заседание Комиссии Заккрайкома, посвященное разработке Конституции ФСССРЗ. 13 декабря 1922 г. открылся I Закавказский съезд Советов в Баку. Его решением

¹⁷ Образование Союза Советских Социалистических Республик... С. 297–298.

ФСФСРЗ был преобразован в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗФСФСР), т.е. превратился из федеративного союза республик в единую федеративную республику. Закавказский ЦИК и Совет народных комиссаров (его возглавил И.Д. Орахелашвили) утвердили Конституцию ЗФСФСР [На пути к «социалистическому унитаризму»..., 1992: 107]. Между форматами федеративного союза и федеративной республики имелись различия, но советские исследователи не акцентировали внимание на этом моменте.

I Съезд Советов СССР, открывшийся 30 декабря, принял Декларацию о создании Союза Советских Социалистических Республик и Союзный договор. В состав ЦИК СССР (371 член и 138 кандидатов) от ЗФСФСР вошли 26 человек (в том числе Ф.И. Махарадзе, П.Г. Мдивани, С.М. Киров, Н.Н. Нариманов, А.М. Назаретян и др.). Съезд постановил «ввиду чрезвычайной важности принятой Декларации и заключенного Договора» передать их на дополнительное рассмотрение ЦИКам республик¹⁸. Так завершился довольно непростой путь Южного Кавказа к консолидации в рамках первого в мире социалистического государства. Начинаясь не менее сложный процесс его осмысления, который также шел «по довольно извилистому пути: и вперед, и вспять, и в сторону» [Ненароков, 1988: 58].

Послесловие

Освещение сюжетов, связанных с предысторией и непосредственным провозглашением государства большевиков на руинах Российской империи, тщательно контролировалось советским партийным руководством, монополизировавшим право на интерпретацию событий прошлого, в особенности знаковых [Красовицкая, 2021: 281].

Процессы, происходившие на Южном Кавказе в 1918–1920 гг., освещались в работах советских историков односторонне, исключительно сквозь призму деятельности партии большевиков [Якубовская, 1962; Чугаев, 1962; Байбаков, 1997; Историография образования СССР., 1965]. Всем остальным политическим силам в регионе отводилась роль контрреволюционных элементов независимо от их действительных намерений и целей. Доминировавший в годы сталинизма вульгарно-социологический подход к освещению социальных, политических, этнических процессов, происходив-

¹⁸ Там же. С. 379.

ших в национальных регионах после революции и в первые годы советской власти, так и не был изжит в последующие периоды, что обернулось утверждением в советской исторической науке схематизированных, выхолощенных концепций, донельзя упрощавших реальную историческую картину.

В постсоветские годы исследователям в значительной степени удалось восстановить ход запутанных и противоречивых событий первых послереволюционных лет на Южном Кавказе. К сожалению, и здесь не обошлось без политизации исторического дискурса, но уже с уклоном в другую сторону. В частности, в грузинском научном сообществе оказался востребованным «антиколониальный» нарратив [Кирчанов, 2013: 117]. Нет нужды объяснять, сколь мало пользы объективному знанию приносит политизированный подход к событиям прошлого, задача которого сводится не столько к поиску истины, сколько к обслуживанию конъюнктурных политических интересов. При подобном подходе происходит ровно такое же упрощение причинно-следственных связей событий, каким грешила советская историография. К примеру, современные грузинские авторы говорят об «оккупационном режиме», установленном в результате интервенции Советской России в феврале–марте 1921 г. Более того, подчеркивая, что вхождение в СССР негативно повлияло на Грузию, они обвиняют Москву в намеренном обострении отношений между народами, проживавшими в республике [Кирчанов, 2010: 150]. Такой априорный посыл заведомо искажает весьма неоднозначную историческую картину: достаточно напомнить о далеко не политкорректном обращении грузинских властей с местными этническими меньшинствами (южными осетинами, абхазами и др.). К тому же вряд ли стоит сбрасывать со счетов вопрос о степени участия грузинских коммунистов и их сторонников в установлении того самого «оккупационного режима».

Советские историки представляли большевиков единственными выразителями народных интересов, что было несомненной натяжкой, но нельзя отрицать и тот факт, что сформированным по сомнительному этнонациональному принципу местным партиям так и не удалось завоевать широкую социальную поддержку. Как оказалось, традиционалистски настроенным закавказским массам больше пришлись по душе популистские и интернационалистские лозунги адептов мировой революции. Во всяком случае, о массовом сопротивлении закавказских народов большевикам говорить не

приходится. По этим и многим другим причинам попытки свалить всю вину за невзгоды коммунистического режима только на Москву и заодно предельно виктимизировать собственную национальную историю представляются по меньшей мере бесперспективными.

С этой точки зрения особенно важно попытаться взглянуть на рассматриваемые вопросы шире, вписав их в международно-политический контекст эпохи. В кратком и довольно поверхностном обзоре внешнеполитических событий, доступном в рамках журнальной статьи, невозможно полностью охватить этот контекст, характеризовавший международные отношения первых послереволюционных лет, тем не менее очевидно, что клубок противоречий, возникший между ведущими государствами по итогам Первой мировой войны, наряду с резонансом, вызванным Русской революцией 1917 г. и турецким национальным движением под началом М. Кемаля, крайне усложнил ситуацию на Южном Кавказе. Борьба мировых держав за сферы влияния затронула и закавказские республики, отразившись на развитии событий в каждой из них. Сведение всего этого запутанного узла разнонаправленных интересов к однозначно трактуемой «интервенции империалистических держав» (в отношении Южного Кавказа), как это порой преподносилось в советской историографии, опять-таки является упрощением. Вместе с тем не вызывает сомнений тот факт, что присутствие союзнических сил в регионе отнюдь не склонило местные народы в их сторону. Большевикам же, напротив, удалось обратить в свою пользу сложившийся в международной политике расклад. Заслуга современных исследователей состоит в попытках вернуть объективность в освещение внешнеполитической канвы закавказских событий.

Советскую версию объединительного движения сменили более беспристрастные и взвешенные интерпретации, иллюстрирующие борьбу мнений внутри руководства РКП(б) и в партийных верхах республик. При этом исследователи отнюдь не склонны отрицать наличие тенденций к объединению у народов бывшей Российской империи, спаянных общим историческим прошлым, тесными экономическими и культурными связями. Подобное переосмысление сути процессов, происходивших в закавказских республиках в первые послереволюционные годы, способствует более объективному представлению об их роли и степени участия в создании первого в мире социалистического государства — Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаян С.П. Великий Октябрь и борьба трудящихся Армении за победу советской власти. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1962.

2. Азизбекова П.А. В.И. Ленин и социалистические преобразования в Азербайджане (1920–1923). М.: Издательство Академии наук СССР, 1962.

3. Алиева С.И. Национально-освободительное движение турецкого народа против французской оккупации Мараша в советской историографии // Современная научная мысль. 2020. № 3. С. 64–77.

4. Амбарцумян К.Р. Внешняя политика Советской России в связи с германским военным присутствием на Южном Кавказе в 1918 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 3. С. 8–15. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-8-15.

5. Амбарцумян К.Р. «Грузия нужна нам как временный буфер»: международные факторы большевистской советизации Южного Кавказа (1920–1921 годы) // Новый исторический вестник. 2019. № 59. С. 86–105. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00006.

6. Амбарцумян К.Р. Место Южного Кавказа в советско-турецком сближении в 1920–1921 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 8–15.

7. Амбарцумян К.Р. Особенности современной историографии Большого Кавказа как объекта внешней политики большевиков // Научная мысль Кавказа. 2017. № 1. С. 90–94. DOI: 10.18522/2072-0181-2017-89-1-90-95.

8. Амбарцумян К.Г. Политика отложенной советизации: РСФСР и Грузия в 1920–1921 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 119–132. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.2.9.

9. Амбарцумян К.Р. Участие России и Турции в политических процессах Южного Кавказа в 1918 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 166–176. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.14.

10. Архипова Е.В. Британский след на Южном Кавказе (1918–1919 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 216–223.

11. Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010.

12. Багдасаров С.С. Партия большевиков — организатор Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР) // Вопросы истории. 1952. № 8. С. 7–24.

13. Байбаков С.А. История образования СССР: итоги и перспективы изучения. М.: Диалог-МГУ, 1997.

14. Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). М.: Проспект, 2021.

15. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М.: Инфра-М; Весь мир, 1998.

16. Веселов В.И. Большевики в Азербайджане (конец апреля — начало июня 1920 года). М.: Родина, 2021.

17. Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998.

18. Гачечиладзе Р. Конфликтогенность распада и реставрации империи: политико-географический подход (на примере бывшего российского Закавказья. 1917–1923 гг.) // Кавказ и глобализация. 2012. Т. 6. Вып. 3. С. 160–174.

19. Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: Издательство ИТРК, 2007.

20. Гуковский А. Победа советской власти в Армении в 1920 году // Историк-марксист. 1940. Т. 11. С. 8–17.

21. Гулиев Дж.Б. Закавказская федерация — важный этап на пути к созданию СССР // Под ленинским знаменем социалистического интернационализма. Баку: Азернешр, 1972. С. 165–186.

22. Историография образования СССР. Очерки по историографии советского общества / Гл. ред. П.А. Жилин. М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1965.

23. Качарава Ю.М. Борьба коммунистов Грузии против национал-уклонизма и образование ЗСФСР // Труды Института истории. Тбилиси, 1955. С. 75–133.

24. Квашонкин А.В. Советизация Закавказья в переписке большевистского руководства. 1920–1922 гг. // *Cahiers du Monde Russe*. 1997. Vol. 38. No. 1–2. P. 163–194.

25. Кирчанов М.В. «Кавказское» и «российское» в современном грузинском национализме // *Центральная Азия и Кавказ*. 2013. Т. 16. № 4. С. 116–125.

26. Кирчанов М.В. Основные направления развития грузинского национализма в условиях политической нестабильности. Между традициями политической нации и вызовами радикализации // *Центральная Азия и Кавказ*. 2010. Т. 13. № 3. С. 146–159.

27. Красовицкая Т.Ю. Образование СССР: историографический контекст // Пусть горит свеча. Памяти доктора исторических наук, профессора А.П. Ненарокова: Сборник статей и материалов / Отв. ред. В.В. Шелохаев, П.Ю. Савельев. М.: РОССПЭН, 2021. С. 279–303.

28. Мерквиладзе В.Н. Создание и укрепление советской государственности в Грузии (1921–1936). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1969.

29. Мустафаева С. Советская Россия и формирование границ между государствами Кавказа (на примере Азербайджана и Армении) // *Кавказ и глобализация*. 2010. Т. 4. № 1–2. С. 230–240.

30. Муханов В.М. К истории советизации Закавказья (1920–1921) // Кавказский сборник / Под ред. В.В. Дегоева. 2014. № 8 (40). С. 171–228.

31. Муханов В.М. Кавказ в переломную эпоху (1917–1921). М.: Модест Колеров, 2019.

32. Муханов В.М. Советизация Армении в 1920 г. и Серго Орджоникидзе // Международная аналитика. 2017. № 1. С. 89–98.

33. На пути к «социалистическому унитаризму» (из новых документов 1922 г. по истории образования СССР) / Сост. В.А. Горин, А.Л. Ненароков, Н.Б. Орлова-Чернышёва // Отечественная история. 1992. № 4. С. 89–116.

34. Ненароков А.П. Догматическая канонизация сталинских подходов к решению национального вопроса и потери советской историографии объединительного движения // История СССР. 1988. № 6. С. 58–74.

35. Пайпс Р. Русская революция: В 3 кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918–1924. М.: Захаров, 2005.

36. Рашковский Е.Б. «Кавказский меловой круг»: трагические судьбы региона // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 163–179.

37. Румянцев С. Советская национальная политика в Закавказье: конструирование национальных границ, историй и культур // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 47–65.

38. Сапаров А. Гражданская война в Закавказье 1918–1921 с точки зрения этнических, социальных и политических процессов // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 224–243. DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00060.

39. Тамазов И.С., Пазов И.С. Германия и образование независимой Грузии в 1918 году // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 229–240.

40. Хармандарян С.В. Ленин и становление Закавказской федерации, 1921–1923. Ереван: Айастан, 1969.

41. Чугаев Д.А. Образование Союза ССР (историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6. С. 173–181.

42. Якубовская С.И. Развитие СССР как союзного государства. 1922–1936. М.: Наука, 1972.

43. Якубовская С.И. Советская историография образования СССР // Вопросы истории. 1962. № 12. С. 3–17.

44. Smith J. The Georgian affair of 1922 — Policy failure, personality clash or power struggle? // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. No. 3. P. 519–544.

REFERENCES

1. Agayan S.P. 1962. *Velikii Oktyabr' i bor'ba trudyashchikhsya Armenii za pobedu sovetsoi vlasti* [The Great October and the struggle of the working people of Armenia for the victory of Soviet power]. Yerevan, Armenian SSR Academia of Science Publ. (In Russ.)

2. Azizbekova P.A. 1962. *V.I. Lenin i sotsialisticheskie preobrazovaniya v Azerbaidzhane (1920–1923)* [Vladimir Lenin and socialist transformations in Azerbaijan (1920–1923)]. Moscow, SSSR Academia of Science Publ. (In Russ.)

3. Alieva S.I. 2020. Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie turetskogo naroda protiv frantsuzskoi okkupatsii Marasha v sovetskoj istoriografii [National liberation movement of Turkish people against French occupation of Marash in Soviet historiography]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*, no. 3, pp. 64–77. (In Russ.)

4. Ambartsumyan K.R. 2019a. Vneshnyaya politika Sovetskoj Rossii v svyazi s germanskim voennym prisutstviem na Yuzhnom Kavkaze v 1918 g [Foreign policy of the Soviet Russia in the context of military presence of Germany in the South Caucasus in 1918]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 8–15. DOI: 10.37494/2409-1030-2019-3-8-15. (In Russ.)

5. Ambartsumyan K.R. 2019b. 'Gruziya nuzhna nam kak vremennyi bufer': mezhdunarodnye faktory bol'shevistskoj sovetizatsii Yuzhnogo Kavkaza (1920–1921 gody) ['We need Georgia as a temporary buffer': International factors in the Bolsheviks' sovietization of the South Caucasus (1920–1921)]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 59, pp. 86–105. DOI: 10.24411/2072-9286-2019-00006. (In Russ.)

6. Ambartsumyan K.R. 2017a. Mesto Yuzhnogo Kavkaza v sovetsko-turetskom sblizhenii v 1920–1921 gg. [The South Caucasus in the context of Soviet-Turkish rapprochement in 1920–1921]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 8–15. (In Russ.)

7. Ambartsumyan K.R. 2017b. Osobennosti sovremennoj istoriografii Bol'shogo Kavkaza kak ob'ekta vneshnei politiki bol'shevikov [Special features of contemporary historiography of Greater Caucasus as an object of Bolsheviks foreign policy]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, no. 1, pp. 90–94. DOI: 10.18522/2072-0181-2017-89-1-90-95. (In Russ.)

8. Ambartsumyan K.G. 2021. Politika otlozhennoj sovetizatsii: RSFSR i Gruziya v 1920–1921 godakh [Policy of postponed sovietization: Russian Soviet Federative Socialist Republic and Georgia in 1920–1921]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 26, no. 2, pp. 119–132. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.2.9. (In Russ.)

9. Ambartsumyan K.R. 2018. Uchastie Rossii i Turtsii v politicheskikh protsessakh Yuzhnogo Kavkaza v 1918 godu [Participation of Russia and Turkey in the political processes of the South Caucasus (1918)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 23, no. 2, pp. 166–176. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.14. (In Russ.)

10. Arkhipova E.V. 2016. Britanskii sled na Yuzhnom Kavkaze (1918–1919 gody) [British footprint in the South Caucasus (1918–1919)]. *Modern and Contemporary History*, no. 3, pp. 216–223. (In Russ.)

11. Baberowski J. 2003. *Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus*. München, Deutsche Verlags-Anstalt [Russ. ed.: Baberovski I. 2010. Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze. Moscow, POSSPEN Publ.].

12. Bagdasarov S.S. 1952. Partiya bol'shevikov — organizator Zakavkazskoi Sovetskoi Federativnoi Sotsialisticheskoi Respubliki (ZSFSR) [The Bolshevik Party as the organizer of the Transcaucasian Soviet Federative Socialist Republic (ZSFSR)]. *Voprosy istorii*, no. 8, pp. 7–24. (In Russ.)

13. Baibakov S.A. 1997. *Istoriya obrazovaniya SSSR: itogi i perspektivy izucheniya* [History of the formation of the USSR: Results and prospects of the study]. Moscow, Dialog-MGU Publ. (In Russ.)

14. Vdovin A.I. 2021. *SSSR. Istoriya velikoi derzhavy (1922–1991 gg.)* [USSR. History of a great power (1922–1991)]. Moscow, Prospect Publ. (In Russ.)

15. Werth N. 1992. *Histoire de l'Union Soviétique: De l'Empire russe à la Communauté des Etats indépendants (1900–1991)*. Paris, PUF [Russ. ed.: Vert N. Istoriya Sovetskogo gosudarstva. 1900–1991. Moscow, Infra-M, Ves' mir].

16. Veselov V.I. 2021. *Bol'sheviki v Azerbajdzhane (konets aprelya — nachalo iyunya 1920 goda)* [Bolsheviks in Azerbaijan (late April — early June 1920)]. Moscow, Rodina Publ. (In Russ.)

17. Vishnevskii A.G. 1998. *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and ruble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow, OGI Publ. (In Russ.)

18. Gachechiladze R. 2012. Konfliktogennost' raspada i restavratsii imperii: politiko-geograficheskii podkhod (na primere byvshego rossiiskogo Zakavkaz'ya. 1917–1923 gg.) [The conflict-prone potential of the disintegration and restoration of empires: Political and geographic approach (a case of the Russian Transcaucasia, 1917–1923)]. *Kavkaz i globalizatsiya*, vol. 6, no. 3, pp. 160–174. (In Russ.)

19. Grosul V.Ya. 2007. *Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.)* [The formation of USSR (1917–1924)]. Moscow, ITRK Publ. (In Russ.)

20. Gukovskii A. 1940. Pobeda sovetskoi vlasti v Armenii v 1920 godu [The victory of Soviet power in Armenia in 1920]. *Istoriik-marksist*, vol. 11, pp. 8–17. (In Russ.)

21. Guliev Dzh.B. 1972. Zakavkazskaya federatsiya — vazhnyi etap na puti k sozdaniyu SSSR [The Transcaucasian Federation is an important stage on the way to the formation of the USSR]. In: *Pod leninskim znamenem sotsialisticheskogo internatsionalizma* [Under the Lenin's banner of socialist internationalism]. Baku, Azerneshr Publ., pp. 165–186. (In Russ.)

22. Zhilin P.A. (ed.). 1965. *Istoriografiya obrazovaniya SSSR. Ocherki po istoriografii sovetskogo obshchestva* [Historiography of the formation of the USSR. Essays on the historiography of the Soviet society]. Moscow, Akademiya obshchestvennykh nauk pri TSK KPSS Publ. (In Russ.)

23. Kacharava Yu.M. 1955. Bor'ba kommunistov Gruzii protiv natsional-uklonizma i obrazovanie ZSFSR [The struggle of the communists of Georgia

against national deviationism and the formation of the TSFSR]. In: *Trudy Instituta istorii* [Proceedings of the Institute of History]. Tbilisi. (In Russ.)

24. Kvashonkin A.V. 1997. Sovetizatsiya Zakavkaz'ya v perepiske bol'shevistskogo rukovodstva. 1920–1922 gg. [Sovietization of Transcaucasia in the correspondence of the Bolshevik authorities (1920–1922)]. *Cahiers du Monde Russe*, vol. 38, no. 1-2, pp. 163–194. (In Russ.)

25. Kirchanov M.V. 2013. 'Kavkazskoe' i 'Rossiiskoe' v sovremennom gruzinskom natsionalizme [The Caucasian and the Russian in contemporary Georgian nationalism]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 16, no. 4, pp. 116–125. (In Russ.)

26. Kirchanov M.V. 2010. Osnovnye napravleniya razvitiya gruzinskogo natsionalizma v usloviyakh politicheskoi nestabil'nosti. Mezhdunarodnaya politicheskoi natsii i vyzovami radikalizatsii [The main development vectors of Georgian nationalism in the context of political instability between the traditions of the political nation and the challenges of radicalization]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 13, no. 3, pp. 146–159. (In Russ.)

27. Krasovitskaya T.Yu. 2021. Obrazovanie SSSR: istoriograficheskii kontekst [Formation of the USSR: Historiographical context]. In: Shelokhaev V.V., Savel'ev P.Yu. (eds.). *Pust' gorit svecha* [Let the candle burn]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 279–303. (In Russ.)

28. Merkviladze V.N. 1969. *Sozdanie i ukreplenie sovetской gosudarstvennosti v Gruzii (1921–1936)* [Establishing and strengthening of the Soviet statehood in Georgia (1921–1936)]. Tbilisi, Sabchota Sakartvelo Publ. (In Russ.)

29. Mustafaeva S. 2010. Sovetskaya Rossiya i formirovanie granits mezhdunarodnymi Kavkaza (na primere Azerbaidzhana i Armenii) [Soviet Russia and the formation of borders between the Caucasian states (based on a case study of Azerbaijan and Armenia)]. *Kavkaz i globalizatsiya*, vol. 4, no. 1–2, pp. 230–240. (In Russ.)

30. Mukhanov V.M. 2014. K istorii sovetizatsii Zakavkaz'ya (1920–1921) [On the history of the sovietization of Transcaucasia (1920–1921)]. In: Degoev V.V. (ed.). *Kavkazskii sbornik*, vol. 8 (40), pp. 171–228. (In Russ.)

31. Mukhanov V.M. 2019. *Kavkaz v perelomnuyu epokhu (1917–1921)* [Caucasus at a turning point (1917–1921)]. Moscow, Modest Kolerov Publ. (In Russ.)

32. Mukhanov V.M. 2017. Sovetizatsiya Armenii v 1920 g. i Sergo Ordzhonikidze [Sovietization of Armenia in 1920 and Sergo Ordzhonikidze]. *Mezhdunarodnaya analitika*, no. 1, pp. 89–98. (In Russ.)

33. Gorin V.A., Nenarokov A.L., Orlova-Chernysheva N.B. 1992. Na puti k 'sotsialisticheskomu unitarizmu' (iz novykh dokumentov 1922 g. po istorii obrazovaniya SSSR) [On the way to 'socialist unitarism' (on the basis of new documents on the history of the formation of the USSR from 1922)]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 4, pp. 89–116. (In Russ.)

34. Nenarokov A.P. 1988. Dogmaticheskaya kanonizatsiya stalinskikh podkhodov k resheniyu natsional'nogo voprosa i poteri sovetской istoriografii

ob"edinitel'nogo dvizheniya [Dogmatization of Stalin's approaches to the national question and the loss of Soviet historiography of the unification movement]. *Istoriya SSSR*, no. 6, pp. 58–74. (In Russ.)

35. Pipes R. 1990. *The Russian revolution* [Russ. ed.: Paips R. 2005. *Russkaya revolyutsiya*. Moscow, Zakharov Publ.].

36. Rashkovskii E.B. 2002. 'Kavkazskii melovoi krug': tragicheskie sud'by regiona ['The Caucasian chalk circle': The tragic fate of the region]. *Pro et Contra*, vol. 7, no. 3, pp. 163–179. (In Russ.)

37. Rumyantsev S. 2011. Sovetskaya natsional'naya politika v Zakavkaz'e: konstruirovaniye natsional'nykh granits, istorii i kul'tur [Soviet national policy in Transcaucasia: Construction of national borders, histories and cultures]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 4 (78), pp. 47–65. (In Russ.)

38. Saparov A. 2018. Grazhdanskaya voyna v Zakavkaz'e 1918–1921 s tochki zreniya etnicheskikh, sotsial'nykh i politicheskikh protsessov [Civil war in Transcaucasia 1918–1921 in terms of ethnic, social and political processes]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 224–243. DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00060. (In Russ.)

39. Tamazov I.S., Pazov I.S. 2016. Germaniya i obrazovanie nezavisimoi Gruzii v 1918 godu [Germany and formation of independent Georgia in 1918]. *Nauchnyi dialog*, no. 4 (52), pp. 229–240. (In Russ.)

40. Kharmandaryan S.V. 1969. *Lenin i stanovlenie Zakavkazskoi federatsii, 1921–1923* [Lenin and formation of the Transcaucasian Federation, 1921–1923]. Yerevan, Aiastan Publ. (In Russ.)

41. Chugaev D.A. 1962. Obrazovanie Soyuza SSR (istoriograficheskii obzor) [Formation of the USSR (historiographic review)]. *Voprosy istorii KPSS*, no. 6, pp. 173–181. (In Russ.)

42. Yakubovskaya S.I. 1972. *Razvitie SSSR kak soyuznogo gosudarstva. 1922–1936* [The development of the USSR as a union state. 1922–1936]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

43. Yakubovskaya S.I. 1962. Sovetskaya istoriografiya obrazovaniya SSSR [Soviet historiography on formation of the USSR]. *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 3–17. (In Russ.)

44. Smith J. 1998. The Georgian affair of 1922 — Policy failure, personality clash or power struggle? *Europe-Asia Studies*, vol. 50, no. 3, pp. 519–544.

Статья поступила в редакцию 26.11.2021; одобрена после рецензирования 01.01.2022; принята к публикации 13.11.2022

The paper was submitted 26.11.2021; approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication 13.11.2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-227-264

Научная статья / Research paper

Ю.Л. Михайлова*

**МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ
МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЛАТВИЕЙ В 1920 Г.:
ПРЕДПОСЫЛКИ, КЛЮЧЕВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ, ИТОГИ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории
Российской академии наук»
119334, Москва, Ленинский проспект, 32а*

Заключение 11 августа 1920 г. мирного договора между Латвией и РСФСР имело большое значение как для международного признания Латвии, так и для нормализации международных отношений в регионе и формирования нового вектора внешней политики Советского государства. С опорой на широкий массив архивных источников (стенограммы пленарных заседаний делегаций РСФСР и Латвии, протоколы заседаний советско-латвийской комиссии по определению границы и т.д.), а также на достижения современной отечественной и зарубежной историографии в статье предпринята попытка системно рассмотреть комплекс вопросов, связанных с подготовкой и подписанием советско-латвийского мирного договора 1920 г. Ключевыми темами, которые составили повестку советско-латвийских мирных переговоров, стали установление границы, обмен военнопленными, возвращение имущества, вывезенного в Россию, реэвакуация беженцев и определение процедуры оптации гражданства. Как отмечает автор, вопрос определения и установления границ в ходе переговоров о мире был одним из самых спорных и болезненных. Этнографический принцип определения будущих границ нередко переплетался с экономическими и военно-стратегическими соображениями. Оценивая значение территориальных уступок Латвии со стороны Советской России, автор констатирует, что благодаря готовности принять во внимание территориальные притязания балтийских республик РСФСР добилась установления мира в регионе, фиксации новых границ, а также получила возможность наладить торговые связи, что было необходимо для выживания молодого Советского государства в условиях Гражданской войны. В то же время в вопросах о компенсации ущерба, причиненного в ходе военных действий,

* Михайлова Юлия Леонидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (e-mail: michailova@list.ru).

и возвращении эвакуированного из Латвии имущества советская сторона демонстрировала большую жесткость, проявляя предсказуемый прагматизм. В целом, по мнению автора, договор с Латвией и другие договоры со странами Балтии предопределили расстановку сил в Восточно-Балтийском регионе на весь межвоенный период, заложили основы советской внешней политики в отношении балтийских республик, служили наглядным подтверждением реализации «права народов на самоопределение вплоть до отделения». Кроме того, указанные мирные договоры стали способом преодоления полной дипломатической изоляции Советской России.

Ключевые слова: Латвия, РСФСР, страны Балтии, Освободительная война в Латвии, мирные переговоры, советско-латвийский договор 1920 г., принцип самоопределения, оптация, П. Стучка, А. Иоффе.

Для цитирования: Михайлова Ю.Л. Мирные переговоры между Россией и Латвией в 1920 г.: предпосылки, ключевые противоречия, итоги // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 3. С. 227–264. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-227-264.

Yulia L. Mikhailova

**PEACE NEGOTIATIONS BETWEEN
RUSSIA AND LATVIA IN 1920:
PREMISES, KEY ISSUES, AND OUTCOMES**

*Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
32A Leninskii prospekt, Moscow, 119334*

The conclusion of the Peace Treaty between Latvia and the RSFSR on August 11, 1920 marked an important stage both in the process of international recognition of Latvia and in the normalization of international relations in the region in general, and charted a new course of the foreign policy of the Soviet state. On the basis of a wide range of archival sources (transcripts of the plenary meetings of the RSFSR and Latvia delegations, the meetings minutes of the Soviet-Latvian boundary commission, etc.), as well as recent Russian and foreign historical researches, the paper examines a set of issues related to the conclusion of the Treaty. The key issues that predetermined the agenda of the Soviet-Latvian peace negotiations included border demarcation, the exchange of war prisoners, the return of property evacuated to Russia, the return of refugees and the establishment of procedures for citizenship option. The author notes that the issue of border de-

limitation and demarcation was one of the most controversial and painful during the negotiations. The ethnographic principle for future borders was inextricably linked with economic and military-strategic considerations. The author examines territorial concessions made by the RSFSR to Latvia and concludes that they served as a demonstration of the Soviet Russia readiness to take into account the territorial claims of the Baltic republics, which allowed it to achieve peace in the region and fix new borders, as well as to establish trade relations indispensable for the survival of a young Soviet state during the Civil War. At the same time, the Soviet representatives took a hard line on compensations for the damage caused during hostilities and the return of property evacuated from Latvia. The author concludes that the Soviet-Latvian treaty and similar treaties with other Baltic states not only enabled the establishment of a new balance of power in the East Baltic region for the interwar period and laid the foundation for the Soviet foreign policy towards the Baltic republics, but also served as a vivid example of realization of 'the right of self-determination of peoples up to secession'. Finally, these treaties became one of the means to break the diplomatic isolation of Soviet Russia.

Keywords: Latvia, Soviet Russia, Baltic states, Latvian War of Independence, peace negotiations, 1920 Soviet-Latvian Peace Treaty, principle of self-determination, option, P. Stuchka, A. Ioffe.

About the author: Yulia L. Mikhailova — PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (e-mail: mikhailova@list.ru).

For citation: Mikhailova Yu.L. 2022. Peace negotiations between Russia and Latvia in 1920: Premises, key issues, and outcomes. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 14, no. 3, pp. 227–264. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-3-227-264. (In Russ.)

11 августа 1920 г. после многомесячных переговоров был заключен мирный договор между РСФСР и Латвийской Республикой, следствием которого стали взаимное дипломатическое признание двух государств, установление границ, а также выработка ряда дополнительных соглашений. Этот исторический документ стал примером реализации на практике принципа свободного развития наций, провозглашенного большевиками.

Право на самоопределение народов¹, обозначенное в Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г., положенное также в основу

¹ Декларация прав народов России. 2 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 39–41.

Декларации об образовании СССР², обещало успешное решение национального вопроса при социализме. Тезис о «праве свободного выхода» из Союза, закрепленный в Договоре об образовании СССР, опирался в том числе на события 1919–1920 гг., когда большевики, заключая договоры с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией, на деле подтвердили готовность признать право на самоопределение вплоть до отделения.

В то же время нельзя забывать, что этому признанию предшествовали несколько лет хаоса и войны, которая в национальных историографиях стран Балтии традиционно называется «Освободительной войной» (*Eesti Vabadussõda* — Эстонская война за независимость, или Эстонская освободительная война; *Latvijas brīvības cīņas/Latvijas Neatkarības karš* — Борьба за независимость Латвии, или Освободительная война)³, а также необходимость доказывать западноевропейским державам серьезность стремлений балтийских народов обрести национальные государства. К потребности заключить мир и стабилизировать ситуацию подошли обе стороны: Россия — с идеей нейтрализации региона в условиях войны на несколько фронтов и возможного разворачивания наступления западных союзников против молодого государства, балтийские страны — с крепнувшей идеей поддержания собственной независимости и построения институтов жизнеспособных национальных государств.

Истории переговоров и заключения мирного договора между Россией и Латвией в историографии уделяется большое внимание. Советские исследователи трактовали мирные договоры с балтийскими странами как часть советской политики, направленной на укрепление мира и добрососедства [Ильмярв, 2012: 12], либо вовсе не

² 29 декабря 1922 г. был подписан Договор об образовании СССР: РСФСР, УССР, БССР и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика объединились в союзное государство. Важность его создания в Декларации об образовании СССР объяснялась «неустойчивостью международного положения и опасностью новых нападений». Одновременно констатировался и свершившийся раскол мира на «лагерь капитализма и лагерь социализма». Этот тезис помимо деления мира на два лагеря предусматривал и выстраивание отношений с теми, кто в соцлагерь не вошел. См.: Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик. М.: ЦИК СССР, 1924.

³ Эти вопросы были освещены уже в период первой независимости балтийских республик. См.: [Maide, 1933; Bērziņš, 1928; Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi 1918–1928, 1928]. См. также современные работы: [Граф, 2007; Eesti Vabadussõja ajalugu, 2020; Ciganovs, 2009; Strazdiņa, 2015].

упоминали их как утратившие силу после инкорпорации республик в состав СССР [Канале, Степерманис, 1974]. В западных исследованиях, посвященных истории внутренней и внешней политики стран Балтии в межвоенный период, подчеркивалось значение договоров 1920 г. как начала нацистроительства Эстонии, Латвии и Литвы [Rauch, 1974; Andersons, 1982, 1984].

В СССР интерес к истории заключения договора между РСФСР и Латвийской Республикой возрос в связи с крепнувшей идеей суверенитета Латвии в конце 1980-х — 1991 г., прежде всего в среде латышских историков. Договор 11 августа 1920 г. ставился в ряд исторических документов, заложивших основу латвийской независимости и гарантировавших республике признание великих держав, а также встраивался в систему правовых актов, которые регулировали отношения РСФСР/СССР и Латвии до 1940 г. [Šilde, 1992]⁴.

100-летний юбилей подписания договора в 2020 г. вызвал дополнительный всплеск интереса к этой теме. Профессор Латвийского университета А. Странга, анализируя политическое значение договора, ставит его в один ряд с последовавшим международным признанием Латвии и вступлением страны в Лигу Наций и подчеркивает, что он узаконил независимость республики [Stranga, 2020; Butkus, 2000; Puga, 2010]. Историк признает мирный договор между Россией и Латвией «одним из важнейших договоров, заключенных за двадцать лет независимости страны»⁵. В центре внимания исследователя — проблема заключения перемирия между Латвией и Россией, организация переговоров и их ход (с разделением на «московский» и «рижский» периоды), экономические вопросы и претензии, озвученные в ходе переговоров, проблемы компенсации военного ущерба и возвращения имущества, вывезенного с территории Латвии в годы Первой мировой войны.

В современной российской историографии советско-латвийский договор упоминают в исследованиях, посвященных общим вопро-

⁴ Странга А. «На вечные времена». О мирном договоре между Россией и Латвией // Даугава. 01.08.1990. № 8; Шилде А. Непреходящее значение мирного договора между Латвией и Советской Россией // Jelgavas Ziņotājs. 10.08.1990. № 125; Počs E. Līgums, kas atzina neatkarīgu Latviju // Cīņa. 22.03.1990. № 67.

⁵ Klajā nākusi grāmata par 1920. gada 11. augusta Latvijas un Padomju Krievijas miera līgumu // Latvijas Sabiedriskie Mediji. 10.08.2020. Available at: <https://www.lsm.lv/raksts/kultura/literatura/klaja-nakusi-gramata-par-1920-gada-11-augusta-latvijas-un-padomju-krievijas-miera-ligumu.a369996/> (accessed: 16.11.2022).

сам внешней политики Советской России на этапе ее становления. Оценивая этот документ (нередко вкупе с советско-эстонским и советско-литовским договорами), исследователи фиксируют внимание на международном значении мирных переговоров и отмечают, что сам факт их инициирования легитимизировал существование новых национальных государств, означал признание их партнерами [Кен, Рупасов, 2002: 226; Павлова, 2016; Симонян, 2020: 188–204; Мельтюхов, 2015]. «Выход» на переговоры и шаги Советской России навстречу Латвии имели значение прежде всего для молодой республики: в 1920 г. наряду с РСФСР независимость Латвии де-юре признали лишь Германия (после заключения договора 15 июля 1920 г.), а также Эстония и Литва.

Некоторые специальные исследования посвящены советским мирным предложениям балтийским республикам осенью 1919 г., когда еще рассматривался вариант заключения коллективного договора Советской России со странами Балтии и Финляндией [Алексеев, 2021], а также усилиям латвийской дипломатии, направленным на вступление в Лигу Наций с целью добиться международного признания де-юре после заключения договора с Россией [Зазерская, 2019].

Недостаточно изученными, особенно в российской историографии, остаются вопросы последующей реализации договоров. Исследователи нередко ограничиваются анализом их отдельных статей, но не механизмом их имплементации, несмотря на то что на практике они далеко не всегда совпадали. Например, статьи договора 11 августа 1920 г. с Латвией оцениваются некоторыми российскими историками как беспрецедентный либерализм РСФСР, которая пошла на «удовлетворение всех требований молодого, но проявляющего непомерные амбиции Латвийского государства» [Белковец, Шумская, 2013: 140]. Последнее относится в том числе к факту уплаты Советской Россией 4 млн рублей золотом, которая была осуществлена даже ранее оговоренного срока (декабрь 1920 г.)⁶, а также к обязательству о возврате имущества, данному советской стороной. Однако следует заметить: некоторые документы российских архивов, иллюстрирующие процесс последующей реэвакуа-

⁶ Телеграмма наркоминдел Г.В. Чичерину от 7 декабря 1920 г. о доставке в Латвию эшелона с золотом, выплаченным советской стороной в соответствии с условиями договора 11 августа 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 6. Д. 1. Л. 23.

ции имущества, который продолжался в течение нескольких лет после ратификации, демонстрируют, что советское руководство как в центре, так и на местах всячески стремилось уклониться от соблюдения статей мирного договора и не допустить возвращения материальных ценностей в Латвию⁷.

Большее внимание российские и зарубежные историки уделяют вопросам беженцев Первой мировой войны и их последующей реэвакуации. Изучение этой проблемы представлено рядом исследований, основанных на материалах в том числе региональных архивов [Колоткин, 1994, 2010; Бартеле, Шалда, 2000; Лоткин, 2005; Щербакова, 2012; Белова, 2017]. Исследуются отдельные аспекты реэвакуации имущества [Rubina, 2014].

В настоящей статье с опорой как на широкий массив архивных источников (стенограммы пленарных заседаний делегаций РСФСР и Латвии, протоколы заседаний советско-латвийской комиссии по определению границы), так и на достижения современной отечественной и зарубежной историографии предпринята попытка рассмотреть весь этот комплекс вопросов в их системной взаимосвязи.

От попытки установления советской власти к мирным переговорам

Возникшие после распада Российской империи и окончания Первой мировой войны государства Балтии взяли курс на обретение полной международной правосубъектности. В то же время большевики не сразу отказались от попыток закрепиться в этом регионе. Режимы, которые можно было бы контролировать из Москвы, на время были установлены во всех трех балтийских странах⁸.

⁷ Об этом свидетельствует, например, переписка НКВД с региональными отделами Совнархоза по вопросу о возвращении вывезенного с территории Латвии в годы Первой мировой войны имущества (заводское и фабричное оборудование). См.: АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 8. Д. 31. Л. 131.

⁸ Речь идет о непродолжительном периоде советской власти в Таллине и Тарту (октябрь 1917 г.) и учреждении Эстляндской трудовой коммуны во главе с Я. Анвельтом в Эстонии, деятельности Исполнительного комитета Совета Латвии (Исколат), а также об установлении на части территории Латвии власти правительства П. Стучки, создании Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы (ВРРКПЛ) во главе с В. Мицкявичюсом-Капускасом и формировании Литовско-Белорусской ССР (Литбел) [Debo, 1992; Henning, 1994; Brüggeman, 2002, 2006; Šiliņš, 2013; Шубин, 2020].

В Латвии советская власть в первый раз победила в 1917 г., когда по инициативе ЦК СДЛ (Социал-демократия Латвии) на заседании Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, которое проходило 29–30 июля 1917 г., был создан Исполнительный комитет Совета Латвии (Исколат). В ноябре 1917 г. на территориях, которые контролировал Исколат (восточные районы современной Латвии, Видземе), была провозглашена советская власть (на заседании 22 ноября комитет избрал своим председателем социал-демократа Ф. Розиньша). 24 декабря 1917 г. Исколат принял Декларацию о самоопределении Латвии, которая провозглашала, что «латышский пролетариат <...> никогда и нигде не высказывал желания и не проявлял тенденции к отделению от России...» [цит. по: История Латвии..., 2005: 113]. Просуществовал Исколат недолго: заключенный 3 марта 1918 г. Брестский мир привел к наступлению немецких войск, в апреле 1918 г. комитет был ликвидирован.

Следующая попытка была предпринята в ноябре 1918 г. с очередным наступлением Красной армии. Правительство К. Улманиса, объявившее 18 ноября 1918 г. о создании Латвийской Республики, не смогло устоять под натиском большевиков, которые в декабре провозгласили установление советской власти на территориях, освобожденных от германских войск [Henning, 1994: 334]. Лидером нового правительства Латвии стал П. Стучка. 17 декабря 1918 г. вышел Манифест Временного рабоче-крестьянского правительства Латвии об установлении советской власти⁹. РСФСР признала независимость Латвийской Социалистической Советской Республики, как и в случае с Эстляндской трудовой коммунной, — соответствующим декретом от 22 декабря 1918 г. Фактически же ЛССР была провозглашена после взятия Риги в начале января 1919 г. 4 января было принято «Обращение Советов Латвии к правительству и народу РСФСР», в котором содержалась просьба об оказании моральной и материальной помощи Латвии, 8 января советское правительство республики издало декрет «О вступлении в силу декретов РСФСР» [Гросул, 2007: 28].

В этот период стремление Москвы создать политический и военный союз советских республик прослеживалось вполне четко.

⁹ Манифест Советского правительства рабочих, безземельных и стрелковых депутатов Латвии о восстановлении Советской власти в Латвии. 17 декабря 1918 г. // Жизнь национальностей. 22.12.1918 г. № 7.

Последнее удалось: 1 июня 1919 г. был принят Декрет ВЦИК «Об объединении Советских Республик — России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии — для борьбы с мировым империализмом»¹⁰, после чего латвийские коммунисты, как подчеркивает историк Д. Хеннинг, стали ориентироваться и на экономический союз с РСФСР, объяснявшийся зависимостью от займов у большевистской России [Henning, 1994: 336]. Что касается идеологии, то П. Стучка неизменно подчеркивал: социал-демократия Латвии «теснейшим образом сроднилась с революционным народом России, и всегда, как и до, так и после революции стремилась быть составной частью свободной России». «Теперь, когда политические условия сделали Латвию самостоятельной, С.-Д. Латвии ни на шаг не отступает от старых своих принципов и понимает независимость Латвии лишь как независимость в смысле социалистического Советского строя»¹¹, — говорилось в Резолюции о Социалистической Советской Республике Латвия.

Непопулярная социальная политика, проводимая правительством П. Стучки (конфискация земли и имущества, обманутые ожидания о массовой раздаче безземельным наделов земли, отторгнутой у прибалтийской немецкой знати, ограничение свободного рынка сельскохозяйственной продукции и т.п.), сказалась на отношении населения к Советам уже весной 1919 г.: на выборах в Рижский рабочий совет латвийские коммунисты понесли потери в пользу беспартийных и эсеров [Henning, 1994: 337]. Изменение военной ситуации в ходе Войны за независимость Латвии, наступление немецких сил («Железной дивизии» и белых частей А. Ливена) стали началом конца ЛССР. 22 мая 1919 г. немецкие части заняли Ригу, советское правительство было вынуждено срочно эвакуироваться. В ходе дальнейших военных действий латвийская национальная армия вела борьбу и против немецких сил, и против Красной армии. К январю 1920 г. почти вся территория Латвии была занята латвийскими национальными войсками, правительство П. Стучки нашло временное убежище в Резекне (с июня 1919 г.). Борьба про-

¹⁰ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об объединении Советских Республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом». 1 июня 1919 г. // Из истории Гражданской войны в СССР: Сборник документов и материалов: В 3 т. Т. 2. М., 1961. С. 789–790.

¹¹ Стучка П. Пять месяцев Социалистической Советской Латвии: Сборник документов и важнейших декретов. Ч. II. Псков, 1921. С. 27–28.

тив большевиков шла с опорой на эстонские вооруженные силы. По соглашению полковника Й. Земитанса с главнокомандующим эстонскими вооруженными силами Й. Лайдонером эстонская армия вела боевые действия против большевиков в районе Валки и Руиены. Одновременно объединенные эстонские и латышские подразделения вели бои с немецкими войсками (19–23 июня, битва при Цесисе). После того как латышские части сдержали наступление Западной добровольческой армии П. Бермондта-Авалова на Ригу в октябре 1919 г. и к декабрю очистили почти всю территорию Латвии, военные действия продолжались в Латгалии, где латвийские войска в борьбе с большевиками поддерживала польская армия. В январе 1920 г. правительство П. Стучки приняло решение о прекращении своей деятельности. Несмотря на то что военные действия еще продолжались, между Латвией и Россией начались переговоры о перемирии. РСФСР в тот период боролась за собственное существование из-за тяжелого положения на фронтах Гражданской войны, поэтому стабилизация ситуации в бывшем Прибалтийском крае Российской империи представляла жизненную необходимость.

Предложения о мире большевистское руководство выдвинуло ранее: 31 августа 1919 г. правительству Эстонии, 11 сентября — правительствам Латвии и Финляндии, 15 сентября — Литве. Балтийские страны выразили желание заключить совместный мирный договор. По инициативе Эстонии в сентябре в Риге было проведено совещание глав правительств балтийских государств, на котором обсуждалась возможность заключения общего мира с РСФСР и создания союза балтийских государств (Эстонии, Финляндии, Латвии и Литвы). 14–15 сентября в Таллине прошла конференция глав правительств и министров иностранных дел трех балтийских стран и Финляндии [см. об этом: Алексеев, 2021: 223–224]. Она выявила существенную разницу между позициями государств, поэтому каких-либо конкретных решений принято не было. В частности, как отмечают исследователи, с территориальными претензиями к Советской России выступили латвийские представители [Алексеев, 2021; см. также: Граф, 2007: 260]. Латвия рассматривала при этом также возможность заключения договора с участием Польши и Белоруссии, однако этот замысел не мог быть реализован из-за различия интересов государств. Первой 2 февраля 1920 г. мирный договор с Россией заключила Эстония.

Предложение о мире с Латвией в Москве обсуждалось на заседании Политбюро 6 сентября 1919 г., затем 11 сентября 1919 г. В тот же день, 11 сентября 1919 г., латвийское правительство получило от наркома иностранных дел России Г.В. Чичерина официальную телеграмму с предложением начать мирные переговоры. Официальное сообщение об этом было опубликовано 13 сентября 1919 г.¹² В октябре 1919 г. из Риги в Россию выехала делегация для обсуждения обмена заложниками. Как отмечает Д.Ю. Алексеев, это был первый шаг к переговорам Латвии и Советской России о мире [Алексеев, 2021: 227].

Переговоры о перемирии были тайными и проходили под эгидой Красного Креста. В тексте договора о перемирии, заключенного 30 января 1920 г., подчеркивалось: «Желая положить конец военным действиям между Латвией и Россией, стороны вступили в переговоры, которые, по взаимному соглашению, носят совершенно секретный характер и ни в коем случае не должны быть оглашены одной стороной без согласия другой»¹³. Секретность пытались соблюдать прежде всего по той причине, что Польша, союзница Латвии на латгальском театре военных действий, в тот момент не готова была еще заключать мир с Россией. Впрочем, как подчеркивает К. Капениекс, «Польская сторона узнала о перемирии, но никогда не давала Латвии понять, что знает об этом» [Капениекс, 2011: 99]. На этапе подготовки договора о перемирии актуализировался вопрос о будущей территории Латвии. Наблюдатели от нее уже на советско-эстонских мирных переговорах в ноябре–декабре 1919 г. выдвинули России соответствующее требование: переговоры могут быть начаты только в том случае, если большевистские войска покинут Латгалию [Grīviņš, 2014]¹⁴. 24 декабря в Риге была получена телеграмма о том, что РСФСР приняла требования Латвии.

В марте 1920 г. латвийская сторона официально уведомила Россию о готовности начать переговоры. Для Латвии, как и для других стран

¹² См.: Сообщение Народного комиссариата иностранных дел РСФСР о предложении правительствам прибалтийских государств и Финляндии начать мирные переговоры // Известия. 13.09.1919. № 203.

¹³ Договор о перемирии между Латвией и Россией. 30 января 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Госполитиздат, 1958. Т. II. Док. 227. С. 333–337.

¹⁴ 17 ноября 1919 г. представители Эстонии, Латвии и Литвы встретили российскую делегацию, которую возглавлял М.М. Литвинов, в Тарту. М.М. Литвинов дал обязательство, что РСФСР признает независимость стран Балтии, и подчеркнул готовность вывести красные войска из Латгалии [см.: Rauch, 1974: 71].

Балтии, это означало фактическую международную легитимизацию [см. подробнее: Лауринавичюс, 2017, 2019; Stranga, 2020]. Несмотря на то что Великобритания уже в ноябре 1918 г. признала правительство Латвии де-факто, усилия латвийской дипломатии, прилагавшиеся для признания международно-правового статуса страны¹⁵, далеко не сразу принесли плоды. В ходе работы Парижской мирной конференции, на которой обсуждались итоги Первой мировой войны, ведущие державы настороженно воспринимали стремление малых народов к независимости. У европейских политических лидеров возникал вопрос о своевременности признания независимости этих территориальных образований до тех пор, пока государственный строй России не будет определен окончательно. Ответ, который получила по итогам работы конференции (январь 1920) делегация Латвии, гласил: «Все державы союзников будут и впредь выполнять данные ими обязательства по признанию независимости де-факто; однако основное требование Латвии — полная независимость — не может быть выполнено, так как державы придерживаются того мнения, что окончательное решение по Латвии не может быть принято без согласия правительства России»¹⁶.

Для РСФСР начало мирных переговоров со странами Балтии стало шагом на пути к тем легитимным соглашениям, которые гарантировали сторонам взаимное признание, определение границ и решение трудных вопросов о беженцах и заложниках. Шаг навстречу лимитрофам укладывался в новую логику действий советского руководства, направленную на нормализацию отношений со странами Антанты и провозглашенное «мирное сожительство с буржуазными государствами»¹⁷. Великие державы в свою очередь тесно увязывали признание независимости стран Балтии с идеей формирования вокруг большевистской России «санитарного кордона» — ряда буферных государств, долженствовавших служить препятствием для распространения «большевистской заразы» в Европе [Почс, 1985; История дипломатии, 1965; Воротников, 2014: 42–43].

¹⁵ Latvijas delegācijas deklarācija, iesniegta Baltijas komisijai Parīzē, 1919. gada 10. jūnijā // Valdības Vēstnesis. 02.08.1919.

¹⁶ Становление государства и формирование международных отношений // Елгавский вестник. 22.11.1989. № 184. С. 2.

¹⁷ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 11. См. также: [Крутиков, 2020].

Трудности определения границы в ходе советско-латвийских переговоров. Территориальные уступки Советской России

Советско-латвийская мирная конференция открылась 16 апреля 1920 г. в Москве, а с 15 июля ее работа была перенесена в Ригу¹⁸. Вопрос определения и установления границ в ходе переговоров о мире был одним из самых спорных и болезненных. Необходимость для РСФСР заключить договоры с молодыми государствами, бывшими ранее частями Российской империи, установить новые границы неизбежно ставила проблему определения национальной (этнографической) территории будущих независимых стран. Причем сами попытки обозначения таких границ начались ранее, и к моменту заключения договоров балтийские народы и их представители уже выдвинули ряд территориальных претензий к Советской России. Этнографический принцип определения будущих границ нередко переплетался с экономическими и военно-стратегическими соображениями.

В этом отношении заседания мирной конференции показали, что для Латвии признание этнографического принципа означало прежде всего обязательное включение в национальную территорию Латгалии¹⁹. При этом к началу советско-латвийских мирных переговоров (апрель 1920 г.) вопрос о включении Латгалии в состав Латвии был, по сути, делом решенным: уже в секретном соглашении о перемирии, заключенном с Советской Россией 30 января 1920 г., было подтверждено, что Латгалия является частью Латвии²⁰.

В ходе мирных переговоров, на заседании 20 апреля 1920 г., глава советской делегации А.А. Иоффе признавал: «Латгалия этнографически понимается в пределах Люцинского, Двинского и Режицкого

¹⁸ В июне 1920 г. З.-А. Мейеровиц обратился к Г.В. Чичерину и сообщил, что члены латвийской мирной делегации «не имеют возможности дольше остаться в Москве вследствие неудовлетворительного состояния их здоровья», и предложил перенести переговоры в Ригу. В Москве в то время свирепствовала эпидемия тифа и сказывалась нехватка продовольствия. «Рижский этап» переговоров начался 15 июля 1920 г. См.: К приезду большевистской делегации в Ригу // Сегодня. 03.07.1920. № 139.

¹⁹ Идеи о том, что Латгалия должна входить в этническую территорию Латвии, высказывались уже в 1913–1914 гг. См.: [Vigrabs, 1938]; Становление государства и формирование международных отношений // Елгавский вестник. 14.11.1989. № 179. С. 2.

²⁰ См.: Договор о перемирии между Латвией и Россией. 30 января 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. II. М.: Госполитиздат, 1958. Док. 227. С. 333–337.

уездов»²¹. Однако с самого начала вопрос усложнился из-за требований латвийской стороны включить в этнографические границы Латвии Себежский и Дриссенский уезды. Реакция А.А. Иоффе демонстрирует, что этот пункт возник в повестке дня непосредственно в ходе переговоров, на том же заседании 20 апреля, и был неожиданным для советской стороны: «...на то, что уезды Себежский и Дриссенский и уезды Псковской губернии принадлежат из каких-либо соображений Латвии, никогда до сих пор ни один источник и, в частности, никогда само Латвийское Правительство не указывало и на этом не настаивало»²².

Вопрос о передаче Латвии пограничных территорий (Вышгородской и Толковской волостей с городом Пыталово и части Дриссенского уезда), где латыши и латгалцы составляли абсолютное меньшинство по отношению к русскому и белорусскому населению, был весьма спорным. Советская сторона не считала эти территории этнографически латышскими. А.А. Иоффе ссылаясь на различные опубликованные данные²³, чтобы обосновать эту позицию: «Исходя якобы из этнографических соображений, эта граница, которая нам предложена, фактически отторгает, или, если выражаться по-иностранному, аннексирует в пользу Латвии территорию, населенную не латышами, а в значительном большинстве русскими. Так, в Островском уезде — 1393 квадратных версты, в Опочечком у[езде] — 513 кв. верст, в Себежском — 866 кв. верст, а в Дриссенском — 1546 кв. верст, всего 4316 кв. верст. С населением приблизительно в 207 тыс. человек, из которых только 1624 латыша. По этим данным выходит, что в Островском уезде 96,6%, в Опочечком уезде 99,2%, в Себежском у[езде] 84,2% и в Дриссенском уезде 88,2% русских»²⁴.

В ходе апрельских заседаний российско-латвийской мирной конференции в Москве советская сторона продолжала настаивать на

²¹ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 4-е от 20 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 28–37.

²² Там же. Л. 28–29.

²³ Например, в ходе мирной конференции упоминался прибалтийский немецкий этнограф А. Биленштейн (Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1892).

²⁴ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 4-е от 20 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 29–31.

этнографическом принципе при проведении границы между РСФСР и Латвией²⁵. Но уже на заседании 20 апреля 1920 г. А.А. Иоффе высказал мысль о том, что этнографический принцип и принцип самоопределения могут дополняться «соображениями стратегического свойства». Однако даже тогда вопрос о передаче Пыталова Латвии оставался спорным: в докладе военного представителя российской делегации по переговорам с Латвией К.Ю. Берендса от 20 апреля 1920 г. доказывалась невозможность передачи Пыталовского железнодорожного узла: это, как подчеркивалось, отрезало бы от России участок Западной Двины и в то же время «создало для латвийских войск выгодный исходный плацдарм для развития наступления вдоль правого берега Двины на Полоцк, <...> облегчая операции войск, действующих против войск Советской России»²⁶.

В ходе переговоров постепенно советская сторона склонялась к территориальным уступкам, допуская, что «в отдельных случаях экономические соображения требуют некоторых коррективов в отношении этнографических и старых административных границ»²⁷. Тот же К.Ю. Берендс в докладе от 27 апреля 1920 г. уже указывал на то, что уступка Пыталова и части Дриссенского уезда допустима, это необходимая мера, которая позволила бы «вырвать» Латвию из союза с Польшей²⁸. В последующем докладе К.Ю. Берендс развивал эту мысль и подчеркивал, что «у Латвии с Польшей существует особое соглашение» и Латвия, возможно, «готовится к удару в правый фланг российских войск, наступающих против поляков на Западном фронте»²⁹. Донесения К.Ю. Берендса, таким образом, также могли лечь в основание идеи уступки Пыталова Латвии.

Уже на заседании 27 апреля участники переговоров констатировали, что со стороны России была сделана уступка по вопросу о

²⁵ Там же.

²⁶ Доклад Военного представителя российской делегации по переговорам о мире с Латвией К. Берендса председателю Российской мирной делегации т. Иоффе. 20 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 4. П. 1. Д. 3. Л. 102–102 об.

²⁷ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 6-е от 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 51.

²⁸ Доклад Военного представителя российской делегации по переговорам о мире с Латвией К. Берендса председателю Российской мирной делегации т. Иоффе. 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 4. П. 1. Д. 3. Л. 94–95.

²⁹ Доклад военного представителя российской делегации по мирным переговорам К. Берендса начальнику оперативного управления полевого штаба РВСР. 27 мая 1920 г. // АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 4. П. 1. Д. 3. Л. 65–66об.

Пыталовском железнодорожном узле, «неприсоединение которого к Латвии повлекло бы за собою тот факт, что железные дороги Латвии повисли бы в воздухе и железнодорожное сообщение между отдельными частями Латвии было бы невозможно до постройки новых дорог»³⁰. По данным переписи 1897 г. в этом районе проживали всего 2929 человек, считавших латышский язык родным, из общего числа 161 877 жителей уезда³¹. Однако стремление латвийской стороны получить эти территории (о чем прямо говорилось на переговорах) определялось не столько этнографическими, сколько экономическими причинами. Железнодорожная станция Пыталово была узловой на линии Петербурго-Варшавской железной дороги. Кроме того, на этих территориях были залежи строительного песка, гравия, легкоплавкой глины и природных минеральных красок, что для бедной полезными ископаемыми Латвии было очень важно³².

Согласие передать Пыталово Латвии обосновывалось как стремление Советской России пойти навстречу «потребностям самоопределяющихся малых народов» и обозначалось как *«изъятие из принципа самоопределения»* и добровольная уступка, закладывающая фундамент для добрососедских отношений: «Эти последние

³⁰ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 6-е от 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 51–52.

³¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. Т. 1–50. С.-Петербург: 1903–1905 // Демоскоп Weekly. Доступ: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php?reg=1213 (дата обращения: 16.11.2022).

³² Правомерность включения этого района в границы государства в межвоенной Латвии обосновывали тем, что здесь в XII–XIII вв., согласно средневековым источникам, находился латгальский замковый округ Абрене. На этом основании Пыталово, переименованное сначала в Jaunlatgale (Новая Латгалия), позже получило название «Абрене». Однако тщательное исследование археологических и письменных источников позволяет заключить, что исторический округ Абрене располагался западнее присоединенных в 1920 г. территорий (в границах современной Латвии) [См.: Назарова, 2003]. 23 августа 1944 г. на основании представлений Президиума Верховного Совета ЛССР и Президиума Верховного Совета РСФСР восточная часть Абренского уезда, включая сам город, была присоединена к Псковской области. В начале 1990-х годов, когда вопрос о суверенитете Латвии был решен, территориальный спор актуализировался. В латвийском общественном мнении и в академической среде звучали высказывания о том, что присоединение Абрене к СССР было неправомочным. Е. Андерсон в своей статье назвал эту меру «стратегической ампутацией» и подчеркивал, что присоединение произошло незаконно и противоречило Конституции СССР: плебисцит на вновь присоединяемых к Советскому Союзу территориях не проводился [Andersons, 1991].

соображения с этнографией ничего общего не имеют, но соображения Латвийской Делегации об экономической необходимости были приняты нами настолько во внимание, что мы согласились в этом направлении провести границу на восток так, чтобы Пыталовский узел отошел к Латвии»³³.

Однако Опочецкий и Себежский уезды, на которые также претендовала Латвия, советская сторона в ходе переговоров пыталась «отстоять». А.А. Иоффе заявлял: «Здесь точка зрения наша такова, что претензии на части Опочецкого и Себежского уездов с точки зрения этнографической никак не могут быть обоснованы; экономические условия, приведшие к тому, что мы согласились отдать Пыталовский узел, не имеют уже отношения к этому кусочку территории, ибо Пыталовский узел весь целиком остается за Латвией»³⁴. Расхождения по вопросу о Дриссенском уезде также стали спорным моментом в процессе установления границы. Стороны обвиняли друг друга в намеренном затягивании переговоров. А.А. Иоффе ставил решение экономических спорных вопросов в зависимость от определения границы, латвийская делегация в свою очередь предложила приостановить переговоры для получения точных инструкций. Газета «Сегодня» также сообщала о том, что латвийские представители обратились в Министерство иностранных дел с просьбой «послать в Москву для содействия успеху переговоров особую комиссию из депутатов Учредительного Собрания»³⁵.

Аргументация латвийской стороны в пользу того, что Опочецкий, Себежский и Дриссенский уезды должны остаться за Латвией, включала тезисы о том, что «в этой местности имеется сильный латышский элемент, который во всяком случае превышает имеющийся там <...> великорусский элемент и, кроме того, смешанное польское и белорусское население, за которое решать Советская Россия не вправе»³⁶. Территориальные споры потянули за собой и болезненный для латвийской стороны вопрос о том, что советская делегация во главе с А.А. Иоффе не готова была рассматривать Латвию как госу-

³³ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 6-е от 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 51–52.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Большевики затягивают мирные переговоры с Латвией // Сегодня. 09.05.1920. № 103. С. 2.

³⁶ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 6-е от 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 51–61.

дарство, провозгласившее независимость в ноябре 1918 г. А.А. Иоффе отказался упомянуть об этом факте и рассматривал территорию будущего государства как лишь «в настоящий момент выделяющуюся из состава России». Этой позицией была обусловлена и весьма невыгодная для Риги формулировка о том, что стороны изначально не равны: Латвия выделяется из состава «единого государства, в то время как другая сторона [Россия] является как раз правопреемником того государства, из состава которого выделяется нынешняя Латвийская Республика»³⁷.

Такое разногласие усложнило переговоры. Заявление российской стороны об изначально неравноправии сторон не осталось незамеченным в Латвии — это обстоятельство стало дополнительным поводом для возмущения и обвинений в адрес РСФСР в том, что «большевики стараются затянуть переговоры и пользуются для достижения этого возможными средствами». Так писали «Сегодня», «Jaunākas Ziņas» («Последние известия») и другие латвийские газеты. Пресса Латвии обеспечивала информационную поддержку латвийской делегации и широко освещала ее позицию на переговорах: всячески подчеркивала отсутствие каких-либо агрессивных планов и, главное, тот факт, что латвийские войска не перешли «этнографических границ»: «Латвийский воин дошел до границы и дальше не идет. Таким образом, мы ведем не наступательную, а только оборонительную войну»³⁸.

Следует пояснить, как командование национальными вооруженными силами Латвии определяло этнографические границы на тот момент. В ходе предварительных переговоров, заключения перемирия 30 января 1920 г. и вывода советских войск из Латгалии по договоренности сторон демаркационная линия была установлена по этнографической границе: «Российские войска отступают на демаркационную линию Качанова слобода — Костыри — Пижона — Жогова — Сиполы — Пудрино — оз. Высокое — оз. Питель — Антонка — Пиково — Лавдор — оз. Освейское — Освея — Липовки — Росица — Балбиново — Придруйск. Латвийские же войска занимают следующую демаркационную линию: Кудепы — Болдина — Слободка — Краули — Городище — Васькова — Лядинки — Голышева — р. Лъжа — Федоренки — оз. Нерза — р. Сарьянка — Залещины — Мелкерера — оз. Гусены —

³⁷ Там же.

³⁸ См.: Мирные переговоры в Москве // Сегодня. 15.05.1920. № 107. С. 1.

оз. Изова — р. Индрица — Доргелева — Индрица»³⁹. Латвийское командование считало этнографической границей р. Зилупе (Синья), поэтому латвийские части продолжили наступление даже после заключения перемирия, двигаясь на восток. В начале февраля бои велись в районе д. Пасиена (Посинье), 3 февраля части латвийской армии заняли восточный берег р. Зилупе. После того как латыши достигли намеченных рубежей, вперед они больше не выдвигались и укреплялись на занятых территориях. Операцию по вытеснению большевиков из Латгалии в целом закончили к 4 февраля [см. подробно: Капениекс, 2011: 97–115], хотя к началу мирных переговоров 16 апреля 1920 г. боевые действия между Красной армией и Латвийской национальной армией всё еще велись в районе Дриссенского уезда [Капениекс, 2011: 104–107]. Латвийский историк К. Капениекс подчеркивает: уже во время боев января–февраля 1920 г. Дриссенский уезд рассматривался как латгальский [Капениекс, 2011: 115], и таким образом представители латвийской мирной делегации обосновывали права на эту территорию, исходя в том числе из положения на фронте.

К вопросу о спорных территориях делегации вернулись на майских заседаниях. Принцип «изъятия из самоопределения» по решению сторон в отношении Дриссенского уезда должен был утвердиться плебисцитом — голосованием населения спорных областей: «Мы все время стояли и сейчас продолжаем стоять на точке зрения самоопределения, т.е. не имея возможности отказаться от этого принципа, мы настаиваем на том, что те территории, в которых латвийский элемент не составляет большинства, не могут быть отнесены к Латвии. Если какой-нибудь участок признается спорным благодаря своему смешанному населению, мы согласны разрешить спор путем плебисцита с неоднократно нами указанными, а ныне принятыми и Латвийской Делегацией гарантиями, конечно, не откладывая этого плебисцита на какие-нибудь неопределенные сроки, а немедленно после того, как мир на русско-латвийском фронте будет фактически установлен»⁴⁰, — заявлял А.А. Иоффе. Идея полного оставления латвийскими войсками территории двух волостей Дриссенского уезда эволюционировала в сторону установления оккупационной власти на этих землях, представленной как латышскими, так и советскими

³⁹ Договор о перемирии между Латвией и Россией. 30 января 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. С. 334.

⁴⁰ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 8-е от 4 мая 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 70–79.

органами, вплоть до проведения голосования. А.А. Иоффе предполагал решение этого вопроса следующим образом: «Вообще тут возможны 2 постановки вопроса: либо ставится вопрос о плебисците, тогда необходимо сейчас и сделать логические выводы, и, прежде всего, вывести оттуда оккупационные войска; либо ставится вопрос об оккупации этого участка, тогда надо развернуть и обсудить все военные соображения и понять, что и со стороны России есть желание обеспечить свои интересы»⁴¹.

Стороны дискутировали и на тему того, кому может и должно быть предоставлено право голоса на предстоявшем плебисците: советская делегация настаивала, что этим правом обладают представители трудового народа, а «эксплуататоры» — нет, латыши же требовали равного, прямого и тайного голосования, полагая, что большинство выскажется против вхождения в состав большевистской России. Представители РСФСР предлагали предоставить право голосования в спорных областях местным общественным учреждениям, надеясь на то, что в них много приверженцев коммунизма, которые поддержат большевиков⁴².

Вопрос о составе и социальной принадлежности лиц, которые приняли бы участие в голосовании, становился, таким образом, способом косвенно повлиять на итоги референдума. Об этом писал Г.В. Чичерин: «Мы говорили о голосовании трудящихся. Латвийская делегация говорит о голосовании со включением тех, которые эксплуатируют наемный труд других. В нашем проекте сказано: “В голосовании участвует все население, за исключением лиц, эксплуатирующих чужой труд в целях наживы”. <...> Вот единственный пункт расхождения между нами и латвийской делегацией»⁴³.

Определение категорий лиц, допущенных к участию в плебисците, однако, не было главным пунктом расхождений. Российская сторона откладывала этот вопрос из-за опасений, что спорная территория — «часть Дриссенского уезда», которая «врезывается между Латвией и теми белорусскими местностями, которые заняты польской армией», будет использована Польшей в войне против РСФСР для защиты этого фланга «армией Латвии» и размещения

⁴¹ Протокол заседания российско-латвийской комиссии по определению границы. 15 мая 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 9. Л. 25–26.

⁴² См.: К мирным переговорам в Москве // Сегодня. 04.06.1920. № 122. С. 2.

⁴³ Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961. С. 164–165.

войск⁴⁴. В этой связи на первом месте у советской стороны стояла задача вынудить Латвию соблюдать нейтралитет и вывести свои войска с этих спорных территорий. Вопрос разрешился в ходе мирной конференции и впоследствии был зафиксирован в тексте договора (ст. 4): «Обе договаривающиеся стороны обязуются: 1. Воспретить пребывание на своей территории каких-либо войск, за исключением правительственных или войск дружественных государств, с которыми одной из договаривающихся сторон заключена военная конвенция, но которые не находятся в фактическом состоянии войны с другой из договаривающихся сторон»⁴⁵.

Когда в июле 1920 г. переговоры были перенесены из Москвы в Ригу, было решено по взаимному согласию не проводить плебисцит в западной части Дриссенского уезда, и руководство РСФСР приняло решение передать Латвии спорные территории, на которые страна претендовала, в том числе и волости Дриссенского уезда с незначительным количеством латышского и латгальского населения⁴⁶. За день до подписания договора газета «Сегодня» сообщала: «В воскресенье советская делегация выехала в Эдинбург⁴⁷ к председателю латвийской делегации г. Весману, куда в 12 час. дня прибыли также члены латвийской делегации. Обе делегации провели весь день до 9 час. вечера за окончательной формулировкой параграфов мирного договора. Вчера снова обсуждались некоторые пункты договора, по которым до сих пор соглашение не было достигнуто. По взаимному соглашению проведение плебисцита в западной части Дриссенского уезда отменяется: Латвия и Россия разделяют упомянутую область таким образом, что меньшая западная часть присоединяется к Латвии, а большая восточная — к России: в виде компенсации к Латвии отходит Покровская волость в Островском уезде, на северной границе Латгалии, чем исправлена неудобная линия границы, существовавшая до сих пор»⁴⁸.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 103–104.

⁴⁶ По переписи 1897 г. в Дриссенском уезде вообще не указаны латыши, хотя, по данным А. Сементовского, какое-то количество их в уезде всё же могли проживать. См.: Сементовский А.М. Этнографический обзор Витебской губернии. СПб.: Типография М. Хана, 1872. См. также: [Буевич, 2021].

⁴⁷ Теперь ж.д. станция Дзинтари на Рижском взморье (г. Юрмала).

⁴⁸ 11 августа ожидается подписание мирного договора // Сегодня. 10.08.1920. № 168. С. 1.

Решение об отказе от проведения плебисцита в Дриссенском уезде и передаче Придруйской и Пустынской волостей Латвии основывалось на достигнутых договоренностях сторон, а также на стремлении Советской России идти на уступки ради заключения мира. На этом фоне вопрос о границе на мирных переговорах с балтийскими государствами, в том числе с Латвией, был «второстепенным». Как подчеркивал В.И. Ленин, ряд территориальных уступок, на которые пошла Россия, заключая договоры со странами Балтии и с Латвией в том числе, «не вполне соответствовал строгому принципу самоопределения наций»: большевики на деле доказали, что «вопрос мирных отношений, вопрос умения выждать развития условий жизни внутри каждого народа не только принципиально важнейший вопрос, но и такой, в котором мы доверие враждебных нам наций сумели завоевать»⁴⁹.

А.А. Иоффе на мирной конференции с Латвией подчеркивал: несмотря на то что принципу самоопределения наций придавалось огромное значение, однако «везде, где этнографический момент являлся спорным, мы соглашались отводить границу далее на восток»⁵⁰. Таким образом в ряде случаев был осуществлен «принцип изъятия из самоопределения», который означал готовность России идти на территориальные уступки. Этот принцип был зафиксирован в том числе договором 11 августа 1920 г. Обозначение границы на местности проводила особая смешанная комиссия, которая завершила работу 7 апреля 1923 г.

Оценивая значение территориальных уступок Латвии со стороны Советской России в контексте серии мирных договоров с лимитрофами, можно констатировать: благодаря готовности принять во внимание территориальные притязания балтийских республик РСФСР добилась установления мира в регионе, фиксации новых границ, были открыты возможности для налаживания торговых связей, в том числе большое значение для России имела возможность использовать порты Латвии для транзита товаров. Подобная плата за передышку в условиях войны, голода и разрухи была вполне оправданной: приостановка в деле экспорта революции давала Советскому государству возможность выжить.

⁴⁹ Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 40. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 92.

⁵⁰ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 6-е от 27 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 51–61.

Вопросы компенсации за военный ущерб и реэвакуации беженцев

Наряду с проблемой делимитации границ вопрос о компенсациях за ущерб, причиненный в ходе военных действий, и возвращения имущества, эвакуированного из Латвии в Первую мировую войну накануне немецкой оккупации, был одним из самых сложных в ходе переговоров. И в этом вопросе советская сторона демонстрировала большую жесткость по сравнению с обсуждением будущих границ.

Латвийская делегация подходила к этой проблеме с учетом того, что на ее территории в 1919–1920 гг. велись военные действия, и выдвигала требования о компенсации за причиненный ущерб. Как подчеркивает профессор А. Странга, латвийская сторона тщательно готовилась к обсуждению экономических вопросов в ходе заседаний мирной конференции. Шесть правительственных комиссий подсчитали ущерб, который Латвия понесла в начале Первой мировой войны и во время занятия большевиками (костяком этих военных сил выступали части латышских стрелков) Риги в январе 1919 г. [Butkus, 2001: 152].

Добиться компенсаций от советской стороны было одной из задач, которые пыталась осуществить латвийская делегация на мирных переговорах. Общественное мнение Латвии уделяло этому вопросу повышенное внимание. В газетах писали о необходимости «финансовой компенсации» за понесенные Латвией убытки и потери во время военных действий, «реэвакуации машин и промышленных предприятий, архивов, учебных пособий, скота, сельскохозяйственных орудий, имущества кредитных учреждений и банков». В латвийской прессе высказывалась мысль о необходимости требовать компенсацию в 27,5 млн рублей золотом, поскольку на Латвию как бывшую окраину Российской империи должна приходиться часть ее золотого запаса⁵¹.

В ходе советско-латвийских мирных переговоров латыши поднимали вопрос ответственности прежде всего РСФСР, имея надежды на компенсацию и строя планы развития своего народного хозяйства. Однако следует помнить, что латвийские потери во время Первой мировой войны были весьма велики: уже в первые ее месяцы Прибалтийские губернии стали ареной военных действий, к концу лета

⁵¹ См.: Задачи латвийской мирной делегации // Сегодня. 01.04.1920. № 75. С. 2; Требования Латвии // Сегодня. 08.04.1920. № 79. С. 2. Фактическую выплату в 4 млн рублей золотом советская сторона осуществила ранее оговоренного срока.

1915 г. немцы заняли почти всю Курляндию (в августе было создано Курляндское немецкое управление), в результате промышленные предприятия эвакуировались в Ригу, появилось огромное количество беженцев, сельское хозяйство было разрушено.

Глава советской делегации А.А. Иоффе вопрос ответственности Москвы всячески обходил, указывая на то, что «взаимный отказ от требования возмещения государственных расходов по ведению войны есть логическое следствие провозглашенного Советским Правительством принципа мира без аннексий и контрибуций», а требование возмещения ущерба может считаться «одной из скрытых форм контрибуции»⁵². С самого начала переговоров А.А. Иоффе взял курс на отрицание факта, что Советская Россия вела военные действия против Латвии: «...Советская Россия никогда не вмешивалась во внутренние дела других государств и никому не навязывала своих политических форм, а пребывание чужих войск на ее территории никогда не допускалось ею»⁵³.

Острые дискуссии по экономическим вопросам, равно как и по проблеме военных компенсаций, не дали латвийской делегации того результата, на который она рассчитывала. Последствия деятельности Латышской стрелковой дивизии, оказывавшей поддержку правительству П. Стучки в конце 1918 г., практически не обсуждались. Хотя на начальном, «московском» этапе переговоров значительные усилия латвийской делегации были направлены именно на то, чтобы вынудить Россию признать вторжение в Латвию в 1918 г., этого добиться не удалось [Grīviņš, 2014]. Москва не пошла на компромисс по этому вопросу, и это дает повод современным историкам говорить о том, что мирный договор 1920 г. как бы «не имеет начала»⁵⁴.

Проблема возвращения имущества, эвакуированного с территории Латвии во время Первой мировой войны, также стояла достаточно остро. Всего в Российскую империю было эвакуировано 417 предприятий; на их базе возникли новые заводы или были расширены существовавшие ранее производства. Так, в Москве на базе производства акционерного общества «Каучук» (изначально

⁵² Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 2-е от 17 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 9–12.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Ciganovs J. 'Mēs esam ieguvuši neatkarīgu valsti.' Pirms 100 gadiem parakstīs miera līgums starp Latvijas Republiku un Padomju Krieviju // Latvijas Avīze. 11.08.2020. Available at: <https://www.la.lv/mes-esam-ieguvusi-neatkarigu-valsti> (accessed: 16.11.2022).

«Резиновая фабрика братьев Фрейзингер»), эвакуированного из пригорода Риги, возник одноименный завод, а рижский «Руссо-Балт» при эвакуации был разделен между заводами в Петрограде, Твери и Москве⁵⁵. Вопрос о необходимости вернуть оборудование в Ригу ставился еще в начале 1919 г. правительством ЛССР. Москва тогда поясняла: вернуть вывезенное не представляется возможным по причине того, что значительная часть оборудования не доедет в сохранности из-за износа. Кроме того, апеллировали к чувству пролетарской солидарности: в случае ликвидации заводов в России тысячи трудящихся остались бы без работы⁵⁶. Во время переговоров 1920 г. вопрос о возвращении оборудования предприятий был еще более актуальным.

Уже на апрельских заседаниях мирной конференции А.А. Иоффе постулировал принцип, в соответствии с которым требовалось доказывать, на каком основании то или иное имущество (частное или принадлежавшее предприятиям или учреждениям) могло быть вывезено в Латвию: «Возвращение вывезенного имущества и ценностей государственных и общественных учреждений, обществ и частных лиц может иметь место только в случае доказанности принадлежности этого имущества нынешней Республике Латвии, ибо одно только местонахождение этого имущества не определяет права на него»⁵⁷.

В споре о том, на каком основании должны быть возвращены Латвии эвакуированные заводы и учреждения, советская сторона, по сути, использовала тот же подход, что и в определении границы: Латвийская Республика, которая выделялась из состава бывшей Российской империи, не могла быть «наследницей» ее имущества.

⁵⁵ Strauss V. Pirms 100 gadiem Rīga pārstāja būt par rūpniecības centru // *Latvijas Avīze*. 06.08.2015.

⁵⁶ Если в период существования Латвийской Социалистической Советской Республики вопрос о реэвакуации заводского оборудования еще как-то рассматривался (этим занимался в том числе Комиссариат по латышским делам Наркомнаца) и до лета 1919 г. в соответствии с декретом СНК от 4 января 1919 г. «Об учете и реэвакуации учреждений, предприятий и имуществ, эвакуированных из Латвии» шли учет и регистрация эвакуированных из Латвии государственных и общественных учреждений, фабрик и т.п., то после падения советского режима П. Стучки реэвакуация была приостановлена, часть предприятий вернули с дороги. См. подробнее: [Миллер, Стубмина, 1963: 34–35].

⁵⁷ Мирные переговоры между Россией и Латвией. Заседание 2-е от 17 апреля 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 2. Д. 8. Л. 9–12.

Эта тенденция вполне осознавалась латвийской стороной и не могла не влиять на ход переговоров. Как писала газета «Latvijas Sargs» («Защитник Латвии»), «русская делегация упорствует над каждой машиной и станком, возвращения которых мы требуем»⁵⁸. В дальнейшем переговоры о реализации права Латвии получить обратно вывезенные ценности велись годами, но значительная часть предъявленных требований осталась неудовлетворенной⁵⁹.

С вопросом о реэвакуации ценностей была связана и проблема реэвакуации беженцев с двух сторон и оптации⁶⁰. После подписания договора 11 августа 1920 г. и установления дипломатических отношений между странами при посольстве Латвии в Москве был создан отдел, занимавшийся вопросами реэвакуации соотечественников на родину; кроме того, латвийские представители (агенты), в сфере деятельности которых находились сбор информации о латышах в РСФСР, прием документов на получение гражданства и организацию их возвращения в Латвию, работали в разных городах и населенных пунктах России и других советских республик, иногда в координации с представителями (консульскими агентами) других балтийских государств⁶¹.

Проблема реэвакуации беженцев и оптации решалась долго и трудно. Процессуальная сторона вопроса нередко нарушалась обеими сторонами, желавшие выехать на родину по тем или иным причинам удерживались, и в Советской России, и в Латвийской Республике предпринимались шаги, направленные на фильтрацию тех, кто стремился выехать или въехать, на удержание

⁵⁸ Miera delegāciju pārbaukšana // Latvijas Sargs. 15.07.1920. 1. lpp.

⁵⁹ Это, например, споры об имуществе нескольких заводов на Украине, которые были оборудованы за счет технических средств, вывезенных из Риги, вопрос о материально-технической базе Иваново-Вознесенского политехнического института, которая также состояла в большой степени из рижского имущества — оборудования, эвакуированного в годы Первой мировой войны из Рижского политехникума. См.: АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 8. Д. 31. Л. 131; Оп. 3. П. 2. Д. 16. Л. 69–69об.; Оп. 3. П. 2. Д. 16. Л. 66, 66об., 67.

⁶⁰ Договор между Россией и Латвией о реэвакуации беженцев 12 июня 1920 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. М., 1958. С. 569–572; Соглашение о взаимном возвращении на родину военнопленных, находящихся в Латвии и России. 16 ноября 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р.-3333. Оп. 2. Д. 194. Л. 20–22.

⁶¹ Например, известно о совместной работе по вопросам соотечественников на Дальнем Востоке представителей (агентов) Латвии и Литвы. См.: [Пригаравичюте, 2017: 101–105].

заложников, расправу с коммунистами и проч. [подробнее см.: Михайлова, 2021].

Практика проведения оптации показывает: несмотря на заключение мирного договора, во взаимоотношениях России и Латвии оставалась напряженность, в том числе из-за опасений российской стороны активизации «белого элемента» на территории балтийских республик. По этой причине в процессе реализации соглашений о реэвакуации и оптации Москва применяла не только этнический, но и классовый подход, что выражалось в мерах по «противодействию контрреволюции». В докладах о ходе мирных переговоров особое внимание уделялось «белогвардейскому» элементу в Латвии, подчеркивалось, что «бывшие офицеры высших чинов Колчаковской, Деникинской и Юденичской армии» чувствуют себя в Латвии свободно и открыто «ругают советскую власть»⁶². В одном из донесений Г.В. Чичерину полпред Я.С. Ганецкий 14 октября 1920 г. представил результаты беседы с министром иностранных дел Латвии З.-А. Мейеровицсем и говорил о необходимости «расправиться с нежелательным элементом» на пограничных территориях и о «производимой в Латвии вербовке в армию Врангеля»⁶³. Представление о Латвии как о «белой» территории определяло отношение большевиков к возвращавшимся в Советскую Россию.

Латыши в свою очередь также опасались «нежелательных элементов», которых не следовало пускать в страну. В отличие от Советской России, акцент делался именно на этническом аспекте: следили за тем, чтобы в Латвию возвращались прежде всего латыши. Нередко из списков оптантов, желавших вернуться, вычеркивались немцы, поляки и евреи⁶⁴. Несмотря на то что основная масса возвращавшихся выехала на родину до 1923 г., процесс не был завершён окончательно. Как подчеркивают исследователи, «лимитрофность» стран Балтии, близость к Советской России обусловили до определенного момента

⁶² Доклад члена советской делегации по переговорам с Латвией политинспектора (политуправления РВС) Шеффера в ОО ВЧК о поездке в Ригу и отношении к российской мирной делегации в Риге, 24 июля 1920 г. // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 607. Л. 1–10б.

⁶³ Я.С. Ганецкий Г.В. Чичерину. 14 октября 1920 г. // АВП РФ. Ф. 150. Оп. 3. П. 3. Д. 18. Л. 3–7. Признание З.-А. Мейеровицсем факта вербовки латышей в Белую армию зафиксировано и в докладе Я.С. Ганецкого Г.В. Чичерину от 4 ноября 1920 г. См.: АВП РФ. Ф. 150. Оп. 4. П. 5. Д. 6. Л. 24–25.

⁶⁴ Телеграмма представителя Коллегии Пленбежа Зебергса (Зееберга) в МИД Латвии о высылке из Москвы беженцев (латышей и евреев). 12 января 1920 г. // ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 630. Л. 1–2об.

«перманентность» миграционных процессов, в ходе которых важную роль играла пропаганда, «борьба за умы» [Трушкова, 2016: 57].

* * *

Мирный договор между РСФСР и Латвией — неотъемлемая часть системы мирных соглашений, которые были заключены с пограничными государствами, выделявшимися из состава Российской империи⁶⁵. Договоры со странами Балтии предопределили расстановку сил в Восточно-Балтийском регионе на весь межвоенный период, заложили основы советской внешней политики в отношении балтийских республик, служили наглядным подтверждением реализации «права народов на самоопределение вплоть до отделения». Эти договоры стали способом преодоления полной дипломатической изоляции Советской России (Эстония второй после Афганистана признала РСФСР, за ней последовали Латвия и Литва) [см.: Симонян, 2020: 189]. Всё это позволило СССР в 1920-е годы нормализовать международные отношения и войти в мировое сообщество.

Поиск компромиссов и решение сложных вопросов, таких как установление границы и обмен заложниками, реэвакуация беженцев и определение процедуры оптации гражданства, обусловили повестку российско-латвийской мирной конференции. Территориальные уступки Латвии в виде двух волостей Дриссенского уезда Витебской губернии и трех волостей Островского уезда Псковской губернии, выработка договора о реэвакуации беженцев, соглашения об обмене военнопленными — всё это демонстрировало до определенной степени понимание Москвой трудностей, перед которыми оказывались молодые государства, отстаивавшие свою независимость, и соответственно готовность советского руководства заключить мир. Следует также отметить, что в момент заключения договоров со странами Балтии руководство РСФСР охотно шло на разумные «территориальные жертвы», ведь идея мировой революции оставляла надежду на возвращение этих земель, тогда как вопрос об имуществе различных учреждений, в том числе заводском и фабричном оборудовании, вывезенном в Россию в годы войны, далеко не всегда решался в пользу

⁶⁵ 2 февраля 1920 г. был заключен Тартуский мирный договор между РСФСР и Эстонией, 12 июля 1920 г. Советская Россия подписала договор с Литвой, 11 августа — с Латвией, 14 октября — с Финляндией, и наконец война с Польшей завершилась подписанием Рижского мирного договора 18 марта 1921 г.

претендовавшей на него стороны: формировавшиеся предприятия и развивавшиеся отрасли науки молодого Советского государства опирались на материально-техническую базу в том числе бывших частей Российской империи, и возможная потеря части имущества могла привести к прекращению деятельности фабрик, заводов, учреждений.

Одновременно договор 1920 г. имел определяющее значение для Латвийской Республики⁶⁶. Мир с РСФСР стал отправной точкой для признания Латвии международным сообществом в качестве субъекта международного права⁶⁷ и дал возможность построить национальное государство, поэтому договор от 11 августа 1920 г. включен в так называемую доктрину непрерывности Латвийского государства. Текст договора использован в декларации от 4 мая 1990 г. «О восстановлении независимости Латвийской Республики»⁶⁸. Историки и политологи подчеркивают, с одной стороны, его значимость для установления независимости Латвии, а с другой — тот факт, что это был один из международных договоров, которые были нарушены летом 1940 г. — в момент потери балтийскими государствами их независимости.

Договор между Советской Россией и Латвийской Республикой имел, таким образом, большое значение для международного признания Латвии и укрепления позиций РСФСР/СССР. Дальнейшее изучение обстоятельств его заключения и реализации позволит не только точнее оценить значение этого события и вписать его в контекст процесса образования государств-лимитрофов, но и проследить механизмы выработки общих решений, направленных на ликвидацию последствий войны в регионе, а также формирования нового вектора внешней политики СССР.

⁶⁶ Период от заключения перемирия 30 января 1920 г. до мирного договора 11 августа считается в латвийской историографии концом войны за независимость. См.: [История Латвии..., 2005: 127–130; Šiliņš, 2013: 102–103].

⁶⁷ Независимость Эстонии и Латвии западными державами-победительницами де-юре была признана позже — лишь в 1921 г., Литвы — в 1922 г.

⁶⁸ Выступление президента Эгилса Левитса в Рижском замке на мероприятии по поводу столетия подписания мирного договора между Латвией и Россией // President of the Republic of Latvia. Официальный сайт Президента Латвии. 11.08.2020. Доступ: https://www.president.lv/ru/novosti/vystuplenie-prezidenta-egilsa-levitsa-v-rizhskom-zamke-na-meropriyatii-po-povodu-stoletiya-podpisaniya-mirnogo-dogovora-mezhdulativy-i-rossiy?utm_source=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 16.11.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Д.Ю. «Ради нашего же блага их придется отклонить»: Латвия и советские мирные предложения осенью 1919 г. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3. С. 220–229. DOI: 10.24411/2311-603X_2021_3_220.
2. Бартеле Т., Шалда В. Латышские беженцы в России в годы Гражданской войны // Отечественная история. 2000. № 1. С. 18–31.
3. Белковец Л.П., Шумская К.В. Мирный договор между Россией и Латвией 1920 г. в контексте российско-германского противостояния // Политика и общество. 2012. № 11 (95). С. 134–143.
4. Белковец Л.П., Шумская К.В. Российско-латвийские отношения первого периода независимости Латвии в контексте восточной политики Германии // Социодинамика. 2013. № 4. С. 136–184. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.4.489.
5. Белова И.Б. Беженцы Первой мировой войны: реэвакуация из Советской России (по материалам Центральные губерний Европейской России) // Europa Orientalis. 2017. № 8. С. 47–64. DOI: 10.12775/EO.2017.004.
6. Бувевич Т.В. Латышская диаспора Витебщины: к вопросу о численности «латышей-переселенцев» в 1860-е — 1926 гг. // Россия и Балтия. Вып. 10. Диаспоры народов Балтии к востоку от этнической родины. XIX — начало XXI века / Отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М.: Весь мир, 2021. С. 130–156.
7. Воротников В.В. Концепции и приоритеты внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии в 2004–2012 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2014.
8. Граф М. Эстония и Россия, 1917–1991: анатомия расставания. Таллин: Argo, 2007.
9. Григаравичюте С. Консульская служба Литвы в Дальневосточной республике в 1920–1922 годах // Россия и Балтия. Вып. 8. Новый мир на развалинах империи / Отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М.: Весь мир, 2017. С. 94–107.
10. Гросул В.А. Образование СССР (1917–1924). М.: ИТРК, 2007.
11. Зазерская Т.Г. Неначавшаяся война и международное признание Латвии (декабрь 1920 — январь 1921 г.) (по французским и бельгийским архивным документам) // Петербургский исторический журнал. 2019. № 3 (23). С. 92–109.
12. Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940 г.). М.: РОССПЭН, 2012.
13. История дипломатии / Под. ред. А.А. Громько, И. И. Земскова, В.А. Зорина и др. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1965.
14. История Латвии. XX век / Д. Блейере, И. Бутулис, А. Зунда и др. Рига: Jumava, 2005.

15. Канале В., Степерманис М. История Латвийской ССР. Рига: Звайгзне, 1974.

16. Капениекс К. Действия Латвийской армии в Дрисском уезде. 1920 г. // Россия и Балтия. Вып. 6. Диалог историков разных стран и поколений / Отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М.: Весь мир, 2011. С. 97–116.

17. Кен О.Н., Рупасов А.И. Москва и страны Балтии: опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства / Под ред. Д.Е. Фурмана, Э.Г. Задорожнюк. М.: Реферendum, 2002. С. 225–257.

18. Колоткин М.Н. Латгальские переселенцы в Сибири. Новосибирск: НИИГАиК, 1994.

19. Колоткин М.Н. Социально-политическая история балтийских поселенцев Сибири (1917 — середина 1930-х гг.). Новосибирск: СГГА, 2010.

20. Крутиков А.А. Большевики и Тартуский мирный договор 1920 г. // Перспективы [Электронный журнал]. 2020. № 1 (21). С. 97–112. DOI: 10.32726/2411-3417-2020-1-97-112.

21. Лауринавичюс Ч. К продолжению темы о Литовском государстве в контексте англо-российской оси. Сюжеты из 1919–1920 гг. // История. 2019. Т. 10. № 7 (81). Доступ: <https://history.jes.su/s207987840006364-9-1/> (дата обращения: 16.11.2022). DOI: 10.18254/S207987840006364-9.

22. Лауринавичюс Ч. На перекрестке политических систем. О ситуации литовской национальной государственности в контексте оси Москва–Лондон // Россия и Европа: исторический опыт взаимодействия и взаимопонимания. XVIII–XX вв. / Отв. ред. М.Ц. Арзаканян. М.: Геоинформ, 2017. С. 68–80.

23. Лоткин И.В. Оптационная кампания и эвакуация граждан прибалтийских государств на историческую родину в начале 1920-х годов // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2005. № 6. С. 28–32.

24. Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в геополитических расчетах великих держав в 1920–1940-х гг. // Прибалтийские исследования в России / Сост. М.А. Вилков, В.В. Симиндей. М.: Издательский центр Фонда «Историческая память», 2015. С. 170–188.

25. Миллер В., Стубмина Э. Комиссариат по латышским национальным делам — проводник ленинской национальной политики // Ученые записки Латвийского государственного университета. 1963. Т. 50. Вып. 1. С. 21–44.

26. Михайлова Ю.Л. Советско-латвийский договор 11 августа 1920 г.: законодательное регулирование и практика обмена беженцами и оптации // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 168–192. DOI: 10.51255/2311-603X_2021_4_168.

27. Михайлова Ю.Л., Назарова Е.Л. Советско-латвийский мирный договор 11 августа 1920 г.: ход переговоров, общественное мнение, механизмы реализации. Публикация документов Архива внешней политики Россий-

ской Федерации // История. 2021. Т. 12. № 7 (105). Доступ: <https://history.jes.su/s207987840016579-5-1/> (дата обращения: 16.11.2022). DOI: 10.18254/S207987840016579-5.

28. Назарова Е.Л. Из истории псковско-латгальского порубежья (округ Абрене в исторической ретроспективе) // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания) / Отв. ред. В.В. Седов. Т. 1. М.: МГУП, 2003. С. 189–197.

29. Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М.: Аспект Пресс, 2016.

30. Почс К.Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.). Рига: Зинатне, 1985.

31. Симонян Р.Х. Латвия. История Первой республики. М.: Аспект Пресс, 2020.

32. Трушкова И.Ю. Политика оптации в отношениях России и балтийских государств в 1920-е гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 10. С. 51–57.

33. Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. // Россия и Балтия. Вып. 2. Эпоха перемен (1914–1924) / Отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 60–87.

34. Шубин А.В. Между Россией и Польшей: буферная модель военного коммунизма в 1919 году // Историческая экспертиза. 2020. № 3 (24). С. 156–176. DOI: 10.31754/2409-6105-2020-3-156-176.

35. Щербакова Е.В. Законодательная регламентация оптации гражданства (1920–1922 гг.) // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1. С. 201–206.

36. Andersons E. Kā Narva, Pečori un Abrene tika iekļauta Krievijas Sociālistiskajā Federatīvajā Republikā // Latvijas Vēsture. 1991. No. 1. P. 50–59.

37. Andersons E. Latvijas vēsture 1920–1940: Ārpolitika. I. Rīga; Stockholm: Daugava, 1982.

38. Andersons E. Latvijas vēsture 1920–1940: Ārpolitika. II. Rīga; Stockholm: Daugava, 1984.

39. Bērziņš P. Latvijas brīvības cīņas 1918–1920. Rīga: A. Gulbis, 1928.

40. Brüggeman K. 'Foreign rule' during the Estonian War of Independence 1918–1920: The Bolshevik experiment of the 'Estonian Worker's Commune' // Journal of Baltic Studies. 2006. Vol. 37. No. 2. P. 210–226.

41. Brüggeman K. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des 'Einen und Unteilbaren Rußland'. Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden: Harrassowitz, 2002.

42. Butkus Z. Aivars Stranga. Latvijas — Padomju Krievijas Miera Līgums 1920. Gadā 11. Augustā. Latvijas — Padomju-Krievijas attiecības 1919.–1925. gadā. Padomju-Krievijas attiecības 1919.–1925. Gadā [The Peace Treaty of 11 Au-

gust 1920 between Latvia and Soviet Russia. Latvian-Russian relations between 1919 and 1925]. Rīga: Fonds Latvijas Vēsture, 2000 // Lithuanian Historical Studies. 2001. No. 6. P. 148–156.

43. Ciganovs J. Latvijas armija Atbrīvošanas cīņu pirmajos mēnešos // Latvijas vēstures institūta žurnāls. 2009. No. 1. P. 89–103.

44. Debo R.K. Survival and consolidation. The foreign policy of Soviet Russia, 1918–1921. Montreal: McGill, Queen's University Press, 1992.

45. Eesti Vabadussõja ajalugu. I ja II osa / Koostanud ja toimetanud Lauri Vahtre. Tallinn: Varrak, 2020.

46. Grīviņš V. Latvijas — Krievijas miera līgums (11.08.1920) // Historia.Lv. 30.07.2014. Available at: <https://www.historia.lv/biblioteka/skirklis/latvijas-krievijas-miera-ligums-11081920> (accessed: 16.11.2022).

47. Henning D. Die Legende vom dritten Weg: die sozialistische Sowjetrepublik Lettlands (1918–1920) // Journal of Baltic Studies. 1994. Vol. 25. No. 4. P. 331–348.

48. Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi 1918–1928. Rīga: Izglītības Ministrija, 1928.

49. Maide J. Ülevaade Eesti Vabadussõjast 1918–1920. Tallinn: Kaitseliit, 1933.

50. Puga A. Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas. Rīga: Zvaigzne ABC, 2010.

51. Rauch G. v. The Baltic states: The years of independence: Estonia, Latvia, Lithuania, 1917–1940. Berkeley: University of California Press, 1974.

52. Rubina E. Arhīvu reevakuācija no Padomju Krievijas, 1917.–1933. gads // Latvijas Arhīvi. 2014. No. 1. P. 7–28.

53. Šilde Ā. Latvijas un Padomju Krievijas mierlīguma nemainīgā nozīme // Trimdinieka raksti 1944–1990. Rīga: Avots, 1992. 94.–102. lpp.

54. Šiliņš J. Padomju varas organizēšana Latvijā 1918. gada novembrī–decembrī // Latvijas Arhīvi. 2013. No. 1–2. P. 102–114.

55. Stranga A. Latvijas un Padomju Krievijas miera līgums 1920. gada 11. augustā. Rīga: Fonds Latvijas Vēsture, 2020.

56. Strazdiņa V. Ķekavas novads, Pirmais Pasaules karš un Brīvības cīņas. Rīga: Jumava, 2015.

57. Vigrabs J. Valsts tapšana un starptautisko attiecību izveidošana // Latvija 20 gados / R. Bērziņš-Valdēss, S. Vidbergs. Rīga: Pagalms, 1938. P. 17–51.

REFERENCES

1. Alekseev D.Yu. 2021. 'Radi nashogo zhe blaga ikh pridetsya otklonit': Latvija i sovetskie mirnye predlozheniya osen'yu 1919 g. ['For the sake of our own good, they will have to be rejected': Latvia and the Soviet peace proposals in the autumn of 1919]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 3, pp. 220–229. DOI: 10.24411/2311-603X_2021_3_220. (In Russ.)

2. Bartele T., Shalda V. 2000. Latyshskie bezhentsy v Rossii v gody Grazhdan-skoj voiny [Latvian refugees in Russia during the Civil War]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.)

3. Belkovets L.P., Shumskaya K.V. 2012. Mirnyi dogovor mezhdru Rossiei i Latviei 1920 g. v kontekste rossiisko-germanskogo protivostoyaniya [Peace treaty between Russia and Latvia in 1920 in the context of the Russian-German confrontation]. *Politika i obshchestvo*, no. 11 (95), pp. 134–143. (In Russ.)

4. Belkovets L.P., Shumskaya K.V. 2013. Rossiisko-latviiskie otnosheniya pervogo perioda nezavisimosti Latvii v kontekste vostochnoi politiki Germanii [Russian-Latvian relations in the first period of Latvia's independence in the context of Germany's Eastern policy]. *Sotsiodinamika*, no. 4, pp. 136–184. DOI: 10.7256/2306-0158.2013.4.489. (In Russ.)

5. Belova I.B. 2017. Bezhentsy Pervoi mirovoi voiny: reevakuatsiya iz Sovetskoj Rossii (po materialam Tsentral'nykh gubernii Evropeiskoj Rossii) [First World War refugees: Re-evacuation from Soviet Russia (on materials of the Central provinces of European Russia)]. *Europa Orientalis*, no. 8, pp. 47–64. DOI: 10.12775/EO.2017.004. (In Russ.)

6. Buevich T.V. 2021. Latyshskaya diaspora Vitebskhchiny: k voprosu o chislenosti 'latyshei-pereselentsev' v 1860-e — 1926 gg. [The Latvian diaspora in the Vitebsk province: The question of 'the Latvian migrants' number in the 1860s through 1926]. In: Chubar'yan A.O., Nazarova E.L. (eds.). *Rossiya i Baltiya. Vyp. 10. Diaspory narodov Baltii k vostoku ot etnicheskoi rodiny. XIX — nachalo XXI veka* [Russia and Baltia. Issue 10: Baltic nations' diasporas East of ethnic homeland. 19th — early 21st century]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 130–156. (In Russ.)

7. Vorotnikov V.V. 2014. *Kontseptsii i prioritety vneshnei politiki Latvii, Litvy i Ehstonii v 2004–2012 gg.* [Concepts and priorities of the foreign policy of Latvia, Lithuania and Estonia in 2004–2012]. PhD Thesis. Moscow.

8. Graf M. 2007. *Estoniya i Rossiya, 1917–1991: AnATOMIYA rasstavaniya* [Estonia and Russia, 1917–1991: Anatomy of the break-up]. Tallinn, Argo. (In Russ.)

9. Grigaravichyute S. 2017. Konsul'skaya sluzhba Litvy v Dal'nevostochnoi respublike v 1920–1922 godakh [Representation of Lithuania in the Far Eastern Republic, 1920–1922]. In: Chubar'yan A.O., Nazarova E.L. (eds.). *Rossiya i Baltiya. Vyp. 8. Novyi mir na razvalinakh imperii* [Russia and the Baltics. Issue 8. New world on the ruins of an empire]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 94–107. (In Russ.)

10. Grosul V.Ya. 2007. *Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.)* [The formation of USSR (1917–1924)]. Moscow, ITRK Publ. (In Russ.)

11. Zazerskaia T.G. 2019. Nenachavshayasya voina i mezhdunarodnoe priznanie Latvii (dekabr' 1920 — yanvar' 1921 g.) (po frantsuzskim i bel'giiskim arkhivnym dokumentam) [The war that never happened and the international recognition of Latvia (December 1920 — January 2021)]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 3 (23), pp. 92–109. (In Russ.)

12. Ilmjärv M. 2004. *Silent submission: Formation of foreign policy of Estonia, Latvia and Lithuania: Period from mid-1920s to annexation in 1940*. Stockholm, Stockholm University Dept. of History [Russ. ed.: Il'myaryv M. 2012. Bezmolvnaya kapitulyatsiya. Vneshnyaya politika Estonii, Latvii i Litvy mezhdru dvumya voynami i utrata nezavisimosti (s serediny 1920-kh godov do anneksii v 1940 g.). Moscow, POSSPEN Publ.]

13. Gromyko A.A., Zemsikova I.I., Zorina V.A. et al. (eds.). 1965. *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy]. Vol. 3. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russ.)

14. Bleiere D., Butulis I., Zunda A. et al. 2005. *Istoriya Latvii. XX vek* [History of Latvia. 20th century]. Riga, Jumava. (In Russ.)

15. Kanale V., Stepermanis M. 1974. *Istoriya Latviiskoi SSR* [History of Latvian SSR]. Riga, Zvaigzne Publ. (In Russ.)

16. Kapieniks K. 2011. Deistviya Latviiskoi armii v Drisskom uezde. 1920 g. [The actions of the Latvian army in the Drissa district. 1920]. In: Chubar'yan A.O., Nazarova E.L. (eds.). *Rossiya i Baltiia. Vyp. 6. Dialog istorikov raznykh stran i pokolenii* [Russia and the Baltics. Issue 6: Dialogue of historians from different countries and generations]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 97–116. (In Russ.)

17. Ken O.N., Rupasov A.I. 2002. Moskva i strany Baltii: opyt vzaimootnoshenii, 1917–1939 gg. [Moscow and the Baltic states: Relationship experience, 1917–1939]. In: Furman D.E., Zadorozhnyuk E.H. (eds.). *Strany Baltii i Rossiya: obshchestva i gosudarstva* [The Baltic states and Russia: Societies and states]. Moscow, Referendum Publ., pp. 225–257. (In Russ.)

18. Kolotkin M.N. 1994. *Latgal'skie pereselentsy v Sibiri* [Latgalian settlers in Siberia]. Novosibirsk: NIIGAİK Publ. (In Russ.)

19. Kolotkin M.N. 2010. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya baltiiskikh poselentsev Sibiri (1917 — seredina 1930-kh gg.)* [Social and political history of the Baltic settlers in Siberia (1917 — mid-1930s)]. Novosibirsk, SGGA Publ. (In Russ.)

20. Krutikov A.A. 2020. Bol'sheviki i Tartuskii mirnyi dogovor 1920 g. [The Bolsheviks and the Tartu Peace Treaty of 1920]. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, no. 1 (21), pp. 97–112. DOI: 10.32726/2411-3417-2020-1-97-112. (In Russ.)

21. Laurinavichus C. 2019. K prodolzheniyu temy o Litovskom gosudarstve v kontekste anglo-rossiiskoi osi. Syuzhety iz 1919–1920 gg. [To continue the topic of the Lithuanian state in the context of the Anglo-Russian axis. Plots of 1919–1920]. *Istoriya*, vol. 10, no. 7 (81). Available at: <https://history.jes.su/s207987840006364-9-1/> (accessed: 16.11.2022). DOI: 10.18254/S207987840006364-9. (In Russ.)

22. Laurinavichus C. 2017. Na perekrestke politicheskikh sistem. O situatsii litovskoi natsional'noi gosudarstvennosti v kontekste osi Moskva–London [At the crossroads of political systems. On the situation of Lithuanian national statehood in the context of the Moscow-London axis]. In: Arzakanyan M.Ts. (ed.). *Rossiya i Evropa: istoricheskii opyt vzaimodeistviya i vzaimoponimaniya XVIII–XX vv.*

[Russia and Europe: Historical experience of interaction and mutual understanding in the 18th–20th centuries]. Moscow, Geoinform Publ., pp. 68–80. (In Russ.)

23. Lotkin I.V. 2005. Optatsionnaya kampaniya i evakuatsiya grazhdan pribaltiiskikh gosudarstv na istoricheskuyu rodinu v nachale 1920-kh godov [Optation campaign and evacuation of citizens of the Baltic States to their historical homeland in the early 1920s]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 6, pp. 28–32. (In Russ.)

24. Mel'tyukhov M.I. 2015. Pribaltiiskii platsdarm v geopoliticheskikh raschetakh velikikh derzhav v 1920-kh — 1940-kh gg. [The Baltic foothold in the geopolitical estimations of the great powers in the 1920s — 1940s]. In: Vilkov M.A., Simindei V.V. (eds.). *Pribaltiiskie issledovaniya v Rossii* [Baltic studies in Russia]. Moscow, Izdatel'skii tsentr Fonda Istoricheskaya pamyat' Publ., pp. 170–188. (In Russ.)

25. Miller V., Stubmina Eh. 1963. Komissariat po latyshskim natsional'nym delam — provodnik leninskoj natsional'noj politiki [The Commissariat for Latvian National Affairs as the proponent of the Leninist national policy]. *Uchenye zapiski Latviiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 50, iss. 1, pp. 21–44. (In Russ.)

26. Mikhailova Yu.L. 2021. Sovetsko-latviiskii dogovor 11 avgusta 1920 g.: zakonodatel'noe regulirovanie i praktika obmena bezhentsami i optatsii [Soviet-Latvian treaty of August 11, 1920: Legislative regulation and practice of refugee exchange and option]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 4, pp. 168–192. DOI: 10.51255/2311-603X_2021_4_168. (In Russ.)

27. Mikhailova Yu.L., Nazarova E.L. 2021. Sovetsko-latviiskii mirnyi dogovor 11 avgusta 1920 g.: khod peregovorov, obshchestvennoe mnenie, mekhanizmy realizatsii. Publikatsiya dokumentov Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [The Soviet-Latvian peace treaty on August 11, 1920: Negotiations, public opinion, implementation mechanisms. Publication of documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Federation]. *Istoriya*, vol. 12, no. 7 (105). Available at: <https://history.jes.su/s207987840016579-5-1/> (accessed: 16.11.2022). DOI: 10.18254/S207987840016579-5. (In Russ.)

28. Nazarova E.L. 2003. Iz istorii pskovsko-latgal'skogo porubezh'ya (okrug Abrene v istoricheskoi retrospektive) [On the history of the Pskov-Latgale borderlands (Abrene district in historical retrospective)]. In: Sedov V.V. (ed.). *Pskov v rossiiskoi i evropeiskoi istorii (k 1100-letiyu letopisnogo upominaniya)* [Pskov in Russian and European history (to the 1100th anniversary of the annalistic mention)], vol. 1. Moscow, MGUP Publ., pp. 189–197. (In Russ.)

29. Pavlova M.S. 2016. *Litva v politike Varshavy i Moskvyy v 1918–1926 godakh* [Lithuania in the politics of Warsaw and Moscow in 1918–1926]. Moscow, Aspekt Press. (In Russ.)

30. Pochs K.Ya. 1985. 'Sanitarnyi kordon': Pribaltiiskii region i Pol'sha v antisovetskikh planakh angliiskogo i frantsuzskogo imperializma (1921–1929 gg.)

[‘Sanitary cordon’: The Baltic region and Poland in the anti-Soviet plans of the British and French imperialism (1921–1929)]. Riga, Zinatne Publ. (In Russ.)

31. Simonyan R.Kh. 2020. *Latviya. Istorija Pervoi Respubliki* [Latvia. History of the First Republic]. Moscow, Aspekt Press. (In Russ.)

32. Trushkova I.Yu. 2016. Politika optatsii v otnosheniyakh Rossii i baltiiskikh gosudarstv v 1920-e gg. [Policy of optation in the relations between Russia and Baltic countries in the 1920s]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10, pp. 51–57. (In Russ.)

33. Shalda V. 2002. Latyshskie bezhentsy v Rossii i revolyutsiya. 1915–1921 gg. [Latvian refugees in Russia and the revolution. 1915–1921]. In: Chubar’yan A.O., Nazarova E.L. (eds.). *Rossiya i Baltiya. Vyp. 2. Ehpokha peremen (1914–1924)* [Russia and the Baltics. Issue 2: The era of changes (1914–1924)]. Moscow, IVI RAN Publ., pp. 60–87. (In Russ.)

34. Shubin A.V. 2020. Mezhdru Rossiei i Pol’shei: bufernaya model’ voennogo kommunizma v 1919 godu [Between Russia and Poland: The buffer model of war communism in 1919]. *Istoricheskaya ekspertiza*, no. 3 (24), pp. 156–176. DOI: 10.31754/2409-6105-2020-3-156-176. (In Russ.)

35. Shcherbakova E.V. 2012. Zakonodatel’naya reglamentatsiya optatsii grazhdanstva (1920–1922 gg.) [The legislative regulation of citizenship optation (1920–1922)]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 201–206. (In Russ.)

36. Andersons E. 1991. Kā Narva, Pečori un Abrene tika iekļauta Krievijas Sociālistiskajā Federatīvajā Republikā. *Latvijas Vēsture*, no. 1, pp. 50–59.

37. Andersons E. 1982. *Latvijas vēsture 1920–1940: Ārpolitika*. I. Riga, Stockholm, Daugava.

38. Andersons E. 1984. *Latvijas vēsture 1920–1940: Ārpolitika*. II. Riga, Stockholm, Daugava.

39. Bērziņš P. 1928. *Latvijas brīvības cīņas 1918–1920*. Rīga, A. Gulbis.

40. Brüggeman K. 2006. ‘Foreign rule’ during the Estonian War of Independence 1918–1920: The Bolshevik experiment of the ‘Estonian Worker’s Commune’. *Journal of Baltic Studies*, vol. 37, no. 2, pp. 210–226.

41. Brüggeman K. 2002. *Die Gründung der Republik Estland und das Ende des ‘Einen und Unteilbaren Rußland’*. *Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs 1918–1920*. Wiesbaden, Harrassowitz.

42. Butkus Z. 2001. Aivars Stranga. Latvijas — Padomju Krievijas Miera Līgums 1920. Gadā 11. Augustā. Latvijas — Padomju-Krievijas attiecības 1919.–1925. gadā. Padomju-Krievijas attiecības 1919.–1925. Gadā. Rīga: Fonds Latvijas Vēsture, 2000. *Lithuanian Historical Studies*, no. 6, pp. 148–156.

43. Ciganovs J. 2009. Latvijas armija Atbrīvošanas cīņu pirmajos mēnešos. *Latvijas vēstures institūta žurnāls*, no. 1, pp. 89–103.

44. Debo R.K. 1992. *Survival and consolidation. The foreign policy of Soviet Russia, 1918–1921*. Montreal, McGill, Queen’s University Press.

45. Vahtre L. (ed.). 2020. *Eesti Vabadussõja ajalugu. I ja II osa*. Tallinn, Varrak.

46. Grīviņš V. *Latvijas — Krievijas miera līgums (11.08.1920)*. Historia.Lv. 30.07.2014. Available at: <https://www.historia.lv/biblioteka/skirkklis/latvijas-krievijas-miera-ligums-11081920> (accessed: 16.11.2022).

47. Henning D. 1994. Die Legende vom dritten Weg: die sozialistische Sowjetrepublik Lettlands (1918–1920). *Journal of Baltic Studies*, vol. 25, no. 4, pp. 331–348.

48. *Latvijas brīvības cīņas un sasniegumi 1918–1928*. 1928. Rīga, Izglītības Ministrija.

49. Maide J. 1933. *Ülevaade Eesti Vabadussõjast 1918–1920*. Tallinn, Kaitseliit.

50. Puga A. 2010. *Eiropa: Latvijas un Krievijas 1920. gada miera līgums. Dokumenti, liecības un atziņas*. Rīga, Zvaigzne ABC.

51. Rauch G. v. 1974. *The Baltic states: The years of independence: Estonia, Latvia, Lithuania, 1917–1940*. Berkeley, University of California Press.

52. Rubina E. 2014. Arhīvu reevakuācija no Padomju Krievijas, 1917.–1933. gads. *Latvijas Arhīvi*, no. 1, pp. 7–28.

53. Šilde Ā. 1992. Latvijas un Padomju Krievijas mierlīguma nemainīgā nozīme. In: *Trimdinieka raksti 1944–1990*. Rīga, Avots. lpp. 94–102.

54. Šiliņš J. 2013. Padomju varas organizēšana Latvijā 1918. gada novembrī–decembrī. *Latvijas Arhīvi*, no. 1–2, pp. 102–114.

55. Stranga A. 2020. *Latvijas un Padomju Krievijas miera līgums 1920. gada 11. augustā*. Rīga, Fonds Latvijas Vesture.

56. Strazdiņa V. 2015. *Ķekavas novads, Pirmais Pasaules karš un Brīvības cīņas*. Rīga, Jumava.

57. Vigrabs J. 1938. Valsts tapšana un starptautisko attiecību izveidošana. In: Bērziņš-Valdēss R., Vidbergs S. (eds.). *Latvija 20 gados*. Rīga, Pagalms, pp. 17–51.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021; одобрена после рецензирования 03.06.2022; принята к публикации 17.11.2022

The paper was submitted 23.12.2021; approved after reviewing 03.06.2022; accepted for publication 17.11.2022